

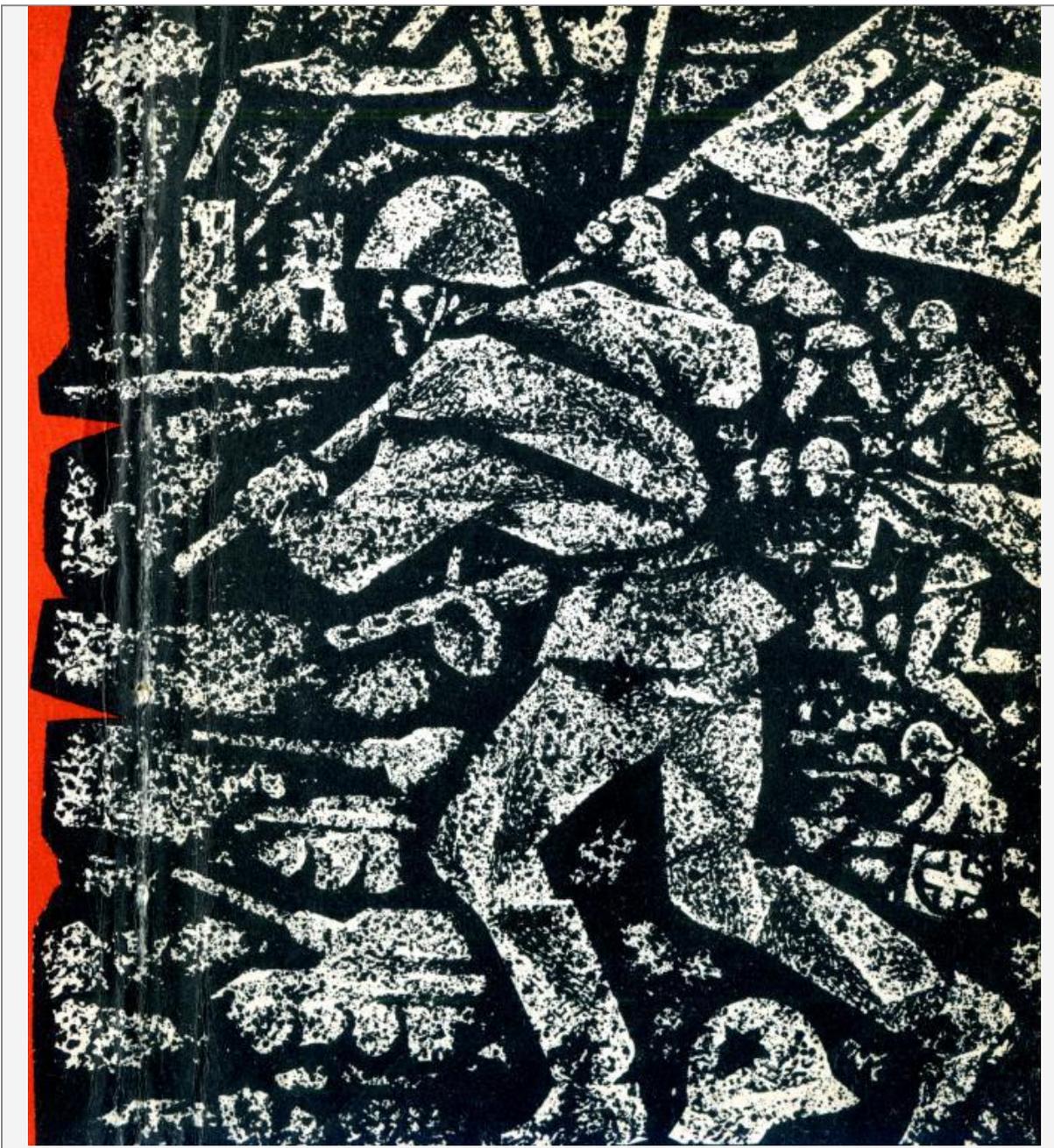
1000

Annotation

О мужестве и бесстрашии южноуральцев, о ратном подвиге их в годы Великой Отечественной войны рассказывают очерки. Книга рассчитана на массового читателя.

- [Подвиг. 1941—1945](#)
 -
 - [От редакции](#)
 - [В. Белобородов](#)
 - [А. Меньшенина](#)
 - [Б. Мацевич](#)
 - [Ю. Никитин](#)
 - [Н. Герасимов](#)
 - [А. Михеев](#)
 - [И. Диденко](#)
 - [И. Чернядева](#)
 - [В. Дробышевский](#)
 - [А. Фомиченко](#)
 - [Л. Козлов](#)
 - [В. Чернов](#)
 - [И. Рой](#)
 - [Е. Селиванова](#)
 - [И. Козин](#)
 - [Г. Королев](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Подвиг. 1941—1945

Труды

1941
★
1945

Южно-Уральское
книжное издательство
Челябинск ● 1974

От редакции

Все дальше и дальше уходят суровые годы Великой Отечественной войны — почти тридцать лет прошло с того дня, когда знамя нашей победы взвилось над фашистским рейхстагом. Но советский народ свято чтит и помнит тех, кто с оружием в руках добывал победу.

Память о них — в наших сердцах, в наших делах. Память о них — в песнях, названиях улиц, в величественных мемориалах.

В украинском городе Черновцы на пьедестале стоит танк уральского паренька Павла Никитина — на нем Никитин первым ворвался в город при освобождении его.

В разных родах войск воевали уральцы, на разных фронтах. Но куда бы ни забросила их нелегкая фронтовая судьба, мужество и бесстрашие всегда шло рядом с ними.

Златоустовец — летчик В. Журавлев, ныне заслуженный штурман-испытатель СССР, вместе со своими боевыми друзьями повторил подвиг Гастелло.

«Победить или умереть» — так понимали наши воины свой долг. «За дело важное, народное каплю за каплей отдаю свою кровь», — писал комиссар батальона — знаменитый магнитогорский сталевар А. Грязнов, погибший в неравном бою на эстонской земле.

В белорусской деревне Сухая Долина похоронена девушка с Урала — Тоня Меньшенина. Незадолго до гибели она с гордостью писала своим родителям: «Сегодня ночью или завтра снова уходим в бой. В этот бой я иду членом партии».

Твердость духа, гордость от сознания своей силы и морального превосходства над озверелым врагом не оставляли советских воинов и тогда, когда они попадали в руки фашистов. Они погибали непобежденными. Так погиб юный челябинец отважный летчик Евгений Овчинников.

На бесстрашную борьбу с оккупантами поднимала уральцев, как и весь советский народ, жгучая ненависть к захватчикам. «Я бью фашистов, не жалея сил, и буду бить

до тех пор, пока в моей груди бьется сердце — до полной победы, — писал солдат-уралец, бывший бригадир трактористов Георгий Рой. Но и в самый разгар кровопролитнейшей войны советский солдат оставался интернационалистом. В том же письме к своему сыну Рой писал: «Но ты учти, сынок, что среди немцев есть люди, рабочие и крестьяне. Они тоже не хотят с нами воевать».

Советский солдат-освободитель не только отстоял свободу и независимость своей Родины, но избавил народы Европы и Азии от угрозы порабощения — до конца выполнил свой интернациональный долг. И в этом — всемирно-историческая заслуга советского народа перед всем человечеством.

Стоит в чехословацкой столице Праге, на Смихове, танк, первым вошедший в город. Вел эту боевую машину воин Челябинской добровольческой танковой бригады Иван Гончаренко, жизнью заплативший за мирное цветенье пражских каштанов.

Как символ высочайшего мужества и самопожертвования встает перед нами ратный подвиг наших земляков-южноуральцев, совершенный ими в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Им, погибшим и живым, посвящается эта книга. Пусть они будут всегда близки нам, как друзья, как родные. Пусть их ратный подвиг всегда будет призером беззаветной любви к своему социалистическому Отечеству.

В. Белобородов „ГОТОВ ДРАТЬСЯ...“

А. Н. Грязнов

Есть в Магнитогорском краеведческом музее небольшая экспозиция: портрет человека с волевым лицом, в форме офицера Советской Армии, рядом — медаль «За оборону Ленинграда» и удостоверение. Есть еще грамота БашЦИКА, которую вручили ему в 1933 году за смелые действия при ликвидации пожара на Белорецком заводе. И запись в анкете, датированной 1938 годом. В графе «награды и поощрения» сказано:

«1929 год. Кронштадт. За примерную службу — внеочередной месячный отпуск».

Свято хранят магнитогорцы память о нем. Они сложили песню:

Горячего сердца, горячего слова
Не старят ни дни, ни года.
Мы слышим, Алеша, шаги твои снова,
Ты рядом, ты с нами всегда!

Смотрит человек в гимнастерке и военной фуражке с музейного стенда. Твердой решимостью полон его взгляд. Таким его знали те, с кем шагал он по дорогам войны. А магнитогорцам он запомнился другим — в брезентовой спецовке и войлочной шляпе, с веселой искоркой в глазах.

Вот он выходит с пульта управления печи. Куртка распахнута, мускулистую грудь плотно облегает тельняшка. «Плавка готова!» — поворачивается к подручным и вместе с ними спешит открыть сталевыпускное отверстие. Хлынула сталь. Он отходит к барьеру и довольный смотрит, как наполняется ковш. Рупором складывает ладони и громко кричит на разливочный пролет:

— Плавку бери!

Подан кран. Ковш проплывает в воздухе через пролет и замирает над составом с изложницами. Поднят стопор, и металл гулко ударяет в поддон. Ровная струя огненно-жидкого металла наполняет изложницу.

— Как масло! — радуется сталевар.

В жизни этого человека не было ничего исключительного. Жил, как многие. Но чем-то выделялся. Чистым пламенем горело его сердце. Был беспредельно верен партии, Родине, делу, которое вершит советский народ. К людям был внимателен и добр. Свои же действия мерил по самой строгой партийной мерке. В заветной тетради записывал:

«Вернулся с работы в первом часу ночи. Не хотелось идти домой. Хотелось сидеть у печи и горевать. Я сегодня поджег свод. Болит сердце. Стыдно».

И в радости был искренен и прост.

«В три часа, перед концом смены, я увидел большую группу рабочих, идущих к моей печи. В руках у одного — Красное знамя.

— Грязнов, тебе знамя!

Я хотел что-то сказать и не мог. Снял фуражку, низко поклонился народу».

Он остался таким и тогда, когда коммунисты избрали его секретарем райкома партии. И на фронте был душой батальона. Из осажденного Ленинграда, где встретил свое сорокалетие, писал в Магнитогорск.

«Мне кажется, я неплохо прожил. По крайней мере, честно. Совесть меня не мучает. Никогда я не оставался на задворках, не искал легкого хлеба, легкой жизни. Всегда был в тех местах, которые партия, мой народ считали главными...

Я не жалел себя и не жалею. Я люблю рабочих людей, люблю бойцов, готов отдать им всего себя без остатка. В этом вижу радость и счастье».

Он отдал жизнь за счастье людей, которых так горячо любил. В Магнитогорске есть улица, носящая имя Алексея Грязнова. Просторная, светлая, как та жизненная дорога, которой широко, уверенно шагал сталевар-новатор, воин-герой. В песне об Алексее Грязнове есть такие слова:

Открытой души, добрых дел запевала,
Страна тебе крылья дала.
Взрастила Магнитка орла-сталевара,
Своим вожаком назвала.

Запевала, вожак... А поначалу не всем была понятна его беспокойная, ищущая натура. Иные в Белоречке удивлялись: есть у человека уважение товарищей, высокая зарплата, хорошая квартира, а он вдруг решил все оставить и уехать на стройку в уральскую степь.

Многие в родном городе искренне сожалели, что расстаются с Грязновым. Тянулись к нему люди, верили ему, умел он заечь их и повести за собой. Любили его за прямоту и честность, общительный нрав.

И теперь еще вспоминают: стоит, бывало, в матросской тельняшке на узкой балке под самыми сводами строящегося цеха и «дирижирует» установкой новых ферм.

— Вот бедовый! — ахали вокруг.

Заводилой был всюду — и на работе, и на отдыхе. Подбил людей построить водную станцию на заводском пруду. Соорудили даже вышку для прыжков. На митинге по случаю открытия спортивной базы говорит председателю завкома:

— Объяви в рупор, что первым с вышки будет прыгать секретарь парткома Грязнов.

И не успел тот сообразить, шутит парторг или говорит серьезно, как Алексей ласточкой слетел в воду.

То было в родном Белорезке. А теперь вот Магнитка. Не приехать сюда Алексей не мог: недавно Серго Орджоникидзе в одной из своих речей сказал, что быть на Магнитке, строить ее — значит находиться в первых рядах лучших людей страны.

В отделе кадров Грязнов потребовал:

— Прошу направить рабочим в мартеновский цех.

В ответ на удивленный вопрос сказал коротко:

— Мечта есть. Хочу магнитогорскую сталь варить!

Начинал с заправщика. Трудная это была работа — вручную. Душно, угарно — тяжело до изнеможения, вот-вот лопату из рук выпустит. И вдруг — песня. Это Грязнов запекает, чтобы подбодрить товарищей.

К труду Алексей привык в детстве. Не сладким оно было. В школу ходил только три зимы. А потом отец, волочильщик сталепроволочного завода, вынужден был отдать десятилетнего мальчонку купцам, на поденщину.

Позже Грязнов хорошую закалку получил на боевых кораблях Балтийского флота. Там в июне 1926 года он стал коммунистом и дал боевым товарищам слово: так служить народу, чтобы совесть всегда была чиста.

Словно желая наверстать упущенное, жадно тянется Алексей к знаниям. Курсы сталеваров, работа подручного освоена успешно. Но покоя от него не жди. Наступает на своего сталевара Григория Боброва:

— Пора объявить печь ударной!

— Ты это всерьез? — удивился Бобров. — Ведь мартеновская печь — не отбойный молоток или станок токарный. Это там люди могут в одиночку рекорды ставить. А здесь плавку передают от смены к смене. Начал один, а заканчивает другой. Отношение к работе у людей разное: ты вот горячишься, а другой на все с холодком посматривает.

Но Алексей не унимался. Доказывал, что не в полную силу работают сталевары, по заниженным нормам, что можно снимать с квадратного метра пода печи гораздо больше металла.

— Надо варить скоростные плавки, — наступал подручный. — У тебя опыт большой, а я могу помочь график составить, рассчитать, на какой операции сколько времени можно выиграть. И со сменщиками договоримся.

И убедил Боброва. Но и здесь не успокоился. Хотелось, чтобы и на других печах сталевары действовали так же дружно. Пошел посоветоваться к секретарю партбюро...

Старания коммунистов не прошли бесследно. За стахановские сутки в один из январских дней 1936 года удалось дать стране 4200 тонн стали. Такого количества стали в одни сутки прежде не выплавляли.

1936 год стал по-настоящему счастливым для Алексея. В один из июльских дней вышел он на работу, как всегда, с лопатой в руках. Не успел принять смену от первого подручного, как подходит мастер:

— Принимай седьмую печь. Сталеваром будешь.

Смотрит на него Алексей и не верит: шутит, может быть?

— Поторапливайся, знай! — подтолкнул его мастер.

Тут он поверил. От волнения и радости не сошел, а слетел вниз. Осмотрел насадки, перекидные устройства, обошел и облазил весь агрегат и расписался в журнале:

«Принял печь № 7. Сталевар Грязнов».

Сбылась заветная мечта! С первых самостоятельных плавок работал старательно. Вопреки сомнениям некоторых управился. И не только на седьмой печи. Всюду получалось — на любом агрегате.

На комбинате одна за другой вступали в строй новые мартеновские печи. Хозяйство сталеплавильщиков разрасталось. Решили разделить его на два самостоятельных цеха. В одном партийным организатором избрали Грязнова. Доверие радовало. Но понимал, что ответственность легла на плечи большая. Теперь двойной спрос — и за людей, и за работу у себя на печи.

В соревновании сталеваров парторг удерживает первенство. Но товарищи вот-вот нагонят и знамя отберут. Правда, и бригада Грязнова не стоит на месте. Дело идет к рекорду. Обычно своды на мартенах в то время выдерживали без ремонта 80—100 плавок. А тут уже за стопятидесятую перевалило.

Газеты сообщают, что в Мариуполе сталевар Макар Мазай снимает 9—13 тонн стали с квадратного метра пода печи. Пишет он в «Правду», что готов помериться силами с лучшими сталеварами страны.

Пошел парторг Алексей Грязнов к инженерам:

— Давайте увеличим вес плавки до трехсот тонн!

— Возможно ли это? Ведь печи рассчитаны на стопятидесятитонную плавку.

— Но варим же мы на этих печах по двести тонн! — наступал парторг. — Только подину надо углубить да сделать раздвоенный желоб, чтобы плавку выпускать в два ковша. Почти вдвое больше стали дадим! Мазая догоним!

И добился своего. Взялись инженеры за чертежи и расчеты. А парторг тем временем собрал людей, чтобы составить ответ Макару Мазая...

Продолжает расти партийная организация. Решено избрать в цехе партком. Работа парторганизатора признана удовлетворительной. Коммунисты единодушно заявили:

— Тебе, Грязнов, и парткомом руководить.

Хлопот с каждым днем прибавляется. Перед металлургами страны поставлена задача: давать в сутки не менее 60 тысяч тонн стали. Серго прислал телеграмму, спрашивает, сколько в счет этого количества дадут магнитогорцы. Решили бороться за пять тысяч тонн в сутки. Добились этой рекордной цифры. Теперь надо на таком уровне работать каждый день. Лозунг «За пять тысяч тонн стали в сутки!» Грязнов предложил сделать световым, поднять его на миксер и зажигать буквы каждый раз, когда заветная цифра будет достигнута. Все чаще и чаще вспыхивала по вечерам цифра «5 000», а потом и вовсе не гасла...

Но пришлось Грязнову на время расстаться с мартеновской печью. Его избрали секретарем райкома партии. Когда удавалось выкроить из райкомовских будней часок-другой, шел в цех, надевал спецовку и становился к печи. Говорил:

— Тянет к мартену, здесь новых сил набираюсь. Свою главную профессию очень ценил, гордился ею. В автобиографии, написанной в 1938 году, отметил:

«Имею свой рекорд — дал плавку за 6 часов 30 минут. Из сталеваров на работу в райком выдвинут пленумом осенью 1937 года. Я страшно любил профессию сталевара и хотел работать у печи, у огня».

К огню тянуло и теперь. На комбинате готовили к пуску первую печь, оснащенную автоматикой. Убедил всех — отпустили с партийной работы осваивать первую в стране автоматизированную мартеновскую печь. Он был словно создан для огневой работы металлурга.

Дело было новое, непривычное. Автоматика облегчала труд сталеваров, но требовала новых знаний, иного отношения к работе. И, как всегда, Грязнов первым горячо взялся за изучение сложной техники.

Узнав, что подобный агрегат осваивается на Кузнецком комбинате, Алексей пишет письмо сибирякам, предлагает

начать соревнование за скорейшее освоение новых методов управления мартеновскими печами.

Грязнов не довольствуется привычным для сталевара кругом обязанностей. Он зорко присматривается к работе мастеров, расспрашивает их о технологии доводки плавки. Часто засиживается в цеховой технической библиотеке, знакомится с новыми книгами по сталеплавильному производству.

— Предложение у меня есть, — сказал он как-то на сменном рапорте. — Надо сталеваров самих учить вести плавку с начала до конца. Пусть обходятся без няньки-мастера.

Видел он: шагнула вперед техника, выросли люди, пора сталеварам переходить в более высокий класс. Рассчитывал, что новый метод ускорит технический и культурный рост рабочих.

Вскоре по примеру Грязнова многие сталевары начали овладевать наукой управления тепловым режимом печей, самостоятельно производить расчет шихтовки, вникать в тонкости сложного процесса плавки. Сам инициатор нового метода работает отлично. Но на каждом шагу проверяет себя. Звонит в лабораторию, советуется с инженерами.

А вскоре состоялось решение Наркомата черной металлургии СССР:

«Поддержать инициативу сталевара Магнитогорского комбината товарища Грязнова о совмещении профессий сталевара и мастера и о переходе на новую систему работы «сталевар-мастер».

Пришел грозный 1941 год.

Неспроста говорили уральцы, что огневой рубеж у мартена тот же фронт. Каждый второй снаряд, тысячи танков в дни войны были изготовлены из магнитогорского металла. По первой тревоге мартеновцы перешли на выплавку броневой и бронебойной стали. Сутками несли вахту.

Знал Алексей, что сталевар в этот грозный час — тот же боец. Но сердце подсказывало: его место там, на боевой линии огня.

И вот уже снята брезентовая спецовка сталевара. Плечи туго обтянула шинель бойца. Передана друзьям заветная тетрадь, которую когда-то начинал словами:

«Попытаюсь отчитываться перед самим собой, где моя плавка в жизни по анализу вышла, а где я брак дал. Было всякое. Но совесть чиста, пусть знают друзья».

Военная дорога не сразу привела его на фронт. Сначала ему, бывшему моряку, пришлось отправиться на Тихоокеанский флот. С морем Алексей сроднился давно, полюбил его еще в молодости, когда проходил срочную службу в Кронштадте. Он и теперь с песней выходит навстречу шторму. Он всегда был немножечко поэт. И в стихах рассказывает землякам о своей службе:

Бушует шторм и море злобно воеет,
Бурун шершавый плещет за кормой.
Навстречу мчится с бомбами «на полный»
Морских охотников дивизион.

Тихоокеанцы день и ночь начеку. Но сегодня все-таки главный рубеж пролег не здесь. Судьба страны решается на земле Подмосковья, у стен Ленинграда. Рапорт за рапортом пишет Грязнов, прося командование о переводе его в Действующую армию.

Его земляки-магнитогорцы успешно освоили выплавку броневой стали. С огромной радостью прочитал Алексей в газетах Указ о награждении магнитогорцев. Среди отличившихся и его сменщик Александр Поздняков. Взволнованный написал открытку друзьям. «Привет вам, орденосцы!» А что он сам сделал для того, чтобы приблизить победу?

Наконец, ходатайство удовлетворено. Он — комиссар батальона в частях, которым вверена судьба героического города на Неве. Стойко держатся ленинградцы. Неимоверные усилия прилагают бойцы, чтобы прорвать блокаду.

Узнал из газет, что в Магнитогорске пущена новая мощная доменная печь. Знает: это не меньше, чем выигранное сражение. Теперь и он может отчитаться перед магнитогорцами: в боях не дрогнул.

Как клятва, звучит его письмо, отправленное жене 7 января 1943 года:

«Я рад, что не впустию живу в такой опасный для страны период, что придется отчаянно драться.

Ты знаешь, Клавдия, я никогда не держался тихой заводи, всегда находился на стремнине. Так было в нелегкие годы восстановления Белорецкого завода, когда меня избрали секретарем парткома, так было в Магнитке у мартеновской печи, так было на морском флоте. Выходит, к боям я готовился всю жизнь. И вот пришел час испытаний... За дело важное, народное каплю за каплей отдам свою кровь».

Перед батальоном поставлена задача: овладеть противоположным берегом Невы в районе 8-й ГЭС, занятой немцами. Вся местность простреливается, лес повален снарядами, трудно сгруппироваться для решительного штурма. Многие полегли под шквальным огнем на льду реки. Комиссар первым выскочил к берегу, крикнул: «За мной!» Бойцы с винтовками наперевес — вслед за ним.

Только укрылись под берегом — новый приказ: занять траншеи, что ведут к ГЭС. Над головой — крутизна. Одной рукой уцепился за куст, другую поднял вверх: «Батальон, вперед!» Первым перелез через проволочное ограждение. Вот и траншея. Но откуда-то — автоматные очереди. Присмотрелся, выстрелил два раза из карабина, — и немецкий автоматчик замолк. Путь по траншее открыт.

В том бою Грязнов был ранен. Потерял сознание...

В госпитале врач сказал:

— Вы счастливый. Чуть бы левее прошла пуля — задела бы сердце.

Было обидно, что увезли из батальона. Нашел он свое место в боевом строю. По-настоящему сроднился с солдатами. Они уважали его. Даже усы отращивали по-грязновски. Он учил их любить Родину, Советскую власть. Жалко, погибли многие...

Дело на поправку шло медленно. Только летом вызвали на комиссию. Но рука действовала плохо: сгибались лишь два пальца. А как похолодает на улице — рука словно чужая.

Грязнов попросил комиссию отправить его на фронт.

— Послушайте, товарищ Грязнов! — сказал председатель комиссии. — Возвращайтесь на комбинат. Правда, с больной рукой работать сталеваром трудно, но мастером в цехе можете быть.

Алексей промолчал, задетый за живое. Молчали и члены комиссии. Они его поняли, и он им за это благодарен. И вот с радостью сообщил домой, что рекомендовали на краткосрочные фронтовые курсы, готовящие командиров батальонов. Это решение ему по сердцу. Уверен, что сможет он командовать батальоном. Солдаты будут характером в него — стойкие, яростные.

По письму из дома понял: жена догадалась, что предлагали ему вернуться на Урал. Но как можно думать сейчас о возвращении домой? Жене написал:

«Будь гордой, Клава. Нам ли плакать? Мы все выдержим, мы выстоим, мы победим».

Часто вспоминал дочку Галочку. Взяли ее из детдома совсем маленькой. Теперь подросла. Хочется ее видеть настоящим человеком. Писал ей:

«Впитывай сердцем все, что есть лучшее в жизни, а главное — знания».

Напутствовал ее при вступлении в комсомол:

«Быть комсомольцем — значит быть идейно выше других, учиться лучше, работать лучше. Уж быть, так быть!»

Говорил с дочерью как старший товарищ, друг, единомышленник. Не поучал, а советовал, звал жить и работать достойно. Писал ей из осажденного Ленинграда:

«Послезавтра двадцать шестая годовщина Красной Армии. Ее день рождения мы будем праздновать в разных местах: ты в Магнитогорске, я на Ленинградском фронте. Ты — член Ленинского комсомола, я, твой старший брат, — член большевистской партии, в которую вступил за три года до твоего рождения. Возраст наш различный, но мысли, чувства, цели у нас едины. Мы с тобой советские люди. И я верю: ты никогда не уронишь чести дочери сталевара и воина».

Сам он всегда высоко нес честь советского рабочего, а теперь так же беспредельно верен воинскому долгу. Он грудью прикрывает город — колыбель революции, страну, которая ему бесконечно дорога...

Дома получили письмо, лаконичное, как телеграмма:

«Ленинград. Балтийский вокзал. 1 августа 1944 г.

Здравствуйте, Клава и Галочка! Еще раз крепко вас целую и обнимаю. Ну, пожелайте мне еще раз удачного боя. Готов опять драться. Будьте здоровы, мои дорогие.

Ваш Алексей».

Это были последние слова Алексея Грязнова, дошедшие до Магнитогорска...

По первой тревоге, открыто и честно
Ты шел, не сгибаясь, вперед.

Так поется в песне об Алексее Грязнове. Так, не сгибаясь, стоял насмерть батальон Грязнова у деревни Пикасилла Эстонской ССР в сентябре 1944 года. Пикасилла — по-русски значит «большой мост». Течет под мостом река. Растут на ее берегах гигантские лиственницы, дубы. Поднимешь голову — верхушек не видно. И дорогу с обеих сторон обступили леса. Тяжело было нашим вести наступление. Целый месяц гремели бои. Фашисты решили задержать здесь стремительное продвижение войск Ленинградского фронта.

Батальон Грязнова — в самом пекле. Он должен отвлечь внимание противника и сосредоточить на себе всю ярость вражеских контратак. В сотый, тысячный раз рвануло где-то рядом. Удар осколком в грудь оказался роковым...

На братской могиле в эстонской деревне Пикасилла, где похоронены Алексей Грязнов и его боевые друзья, сооружен обелиск и установлена мемориальная доска.

Воздаст должное герою и трудовая Магнитка.

И в наших победах, и в песнях ты с нами,
Твой подвиг сыны повторят.
Недаром над нами, как Родины знамя,
Зарницы Магнитки горят!

Память о нем хранится в песне, в названии улицы. Память о нем — в достойных делах нового поколения магнитогорцев.

А. Меньшенина „ИДУ В БОЙ ЧЛЕНОМ ПАРТИИ“

А. Ф. Меньшенина

Письма военных лет. Маленькие треугольники солдатских писем. Написанные в короткие минуты отдыха после жаркого боя, опаленные огнем великой битвы, они летели в глубь страны, туда, где с нетерпением и тревогой ждали вестей с фронта родные и близкие защитников Родины.

— А вам сегодня письмецо от Тони, — говорил почтальон, открывая калитку дома № 29 на улице Володарского в Троицке.

Кто же такая Тоня?

Антонина Меньшенина — дочь комиссара Красной Армии. Ее отец Филипп Константинович с оружием в руках защищал Советскую республику. В годы гражданской войны

он громил ее врагов на Урале и в Сибири. Свою пламенную любовь к Отчизне военный комиссар привил и дочери.

Тоня пятнадцати лет вступает в Ленинский комсомол. Отлично учится и успешно заканчивает среднюю школу. Она мечтала стать актрисой. Но на пути ее мечты встала война. Тоня ушла на фронт добровольцем.

Она стала храбрым солдатом. Прошла по фронтовым дорогам от великой русской реки Волги до берегов белорусской реки Свислочь. О ее подвигах на фронте писали газеты. Под сильным огнем противника, рискуя жизнью, бесстрашная санитарка выносила с поля боя раненых бойцов. Она овладела снайперским искусством и метко разила врага.

В горячие дни боев Тоня вступила в партию, затем была парторгом роты. Родина высоко оценила боевые подвиги нашей отважной землячки, наградив ее орденами и медалями.

Антонина Меньшенина пала смертью храбрых, защищая родную землю от ненавистного врага. Образ пламенной патриотки живет в фронтовых письмах, которые она присылала отцу и матери. Ее письма нельзя читать без глубокого волнения. Из скупых, торопливо написанных строк встает светлый образ мужественной советской девушки, не знающей страха в борьбе, и в то же время нежной, искренней, любящей, щедрой на доброту, прекрасной в своих чувствах.

Антонина Меньшенина до конца выполнила свой долг патриота и коммуниста. Ее письма, полные оптимизма, учат горячо любить Родину, зовут к борьбе за мир, за светлое будущее. Они воскрешают страницы героического подвига народа, верней дочерью которого была Тоня.

Прочтите эти письма, товарищи!

Секретарю Троицкого горкома ВЛКСМ
тов. Литвиненко
от комсомолки (комсомольский билет
№ 11954825)
Меньшениной Антонины Филипповны

Заявление

Прошу зачислить меня добровольцем в ряды РККА и дать возможность получить военную специальность.

Если буду удостоена такого доверия, то постараюсь оправдать его, а когда понадобится, то с честью буду сражаться в передовых рядах лучших защитников своей Родины.

10 октября 1942 года.

А. Меньшенина.

Мой адрес: г. Троицк, ул. Володарского, 29.

11 ноября 1942 года

Здравствуйте, дорогие мои папа и мама!

7-го ноября, в день 25-й годовщины Великого Октября, прибыла на фронт. Сейчас находимся от линии фронта км в 10—15, зачислили меня санитаркой в санроту. Бойцы с большой радостью, любовью и вниманием встретили нас. Мы нужны на фронте, и я постараюсь оправдать высокое звание воина Красной Армии. Устроились хорошо. Обо мне не беспокойтесь, придет время и вы увидите меня на сцене одного из театров Советского Союза.

Проезжая, видели обгоревшие дома, полностью разрушенные и сожженные деревни и села. Там жили люди, наши люди, которые сейчас остались без крова, а многие погибли от рук этих гадов. Разве можно оставаться равнодушной и спокойной ко всему, что делает озверевшая орда головорезов? Нет, нет и нет! Надо мстить!

Когда хорошо освою свою специальность и оружие, буду просить, чтобы меня отправили на передовую.

Милая Кларушка! Слушайся и люби папу с мамой! Ходи в садик, не дерись с Толей, иногда вспоминай обо мне.

Милые мои, целую вас и жду писем. Привет тете Марусе.

Ваша Антонина.

Мой адрес: 1771 полевая почта, часть 780.

13 ноября 1942 года

Любимый папка!

Сегодня весело... Часов в пять вечера к нам зашел полковой комиссар (был проездом). Это пожилой, очень хороший человек — с душой и отцовским сердцем. Я говорю ему, что хотела бы получить военную специальность. Он развел руками и намекнул на нашу комплекцию (всех девушек). Говорит, что мы очень слабенькие и хрупкие и что нам будет трудно возиться у пушек или перетаскивать пулемет. И вот тогда получилось очень смешно. Я, как кошка (поражаюсь ловкости), соскользнула с верхних нар и с задорным видом стала перед ним. Все засмеялись. Оказывается, я еще совсем девчонка!

О себе хватит. Беспokoюсь о тебе и твоём здоровье.

Как бегают наша мамочка? Здорова ли Кларушка и все наши ребятишки? Пиши, мой папуська, чаще и больше. Береги себя, поцелуй маму, Кларушку и ребятишек.

Привет тете Марусе. Она, наверное, очень много работает и поздно ночью приходит домой?

Целую тебя крепко-крепко.

Твоя Антонина.

20 ноября 1942 года

Милые мама и папа!

Вчера замечательно провели вечер — играли с девушками в снежки. Дурачились, как маленькие девочки. «Ходили в атаку» на двух бойцов и здорово намыли их снегом. Живем хорошо, девушки подобрались в нашей комнате дружные и веселые. В более близких отношениях нахожусь сейчас с Ниной Ремизовой. Это очень хорошая девушка, жаль только, что она младше меня на два года. Остальное о нас расскажет вам Ася Ляхова — на ее счастье, ей выпала доля побывать в Троицке.

К этой девушке я с каждым днем все больше и больше проникаюсь уважением. Много слышала хороших рассказов о ее боевых подвигах, настоящая героиня! С Асей передайте (конечно, если есть) пары две теплых чулок и майку-соколку.

Привет и поцелуи всей семье. Целую крепко-крепко.

Ваша Антонина.

13 декабря 1942 года

Здравствуй, милый папа!

Обо мне не беспокойтесь. Долго не писала потому, что все время загружена работой. Работаю санитаром в сортировочном отделении.

Что делаю? Мою пол, подбинтовываю раны, кормлю, пою раненых, делаю уколы (ввожу противостолбнячную сыворотку). Работаю круглыми сутками, а если наплыв большой, то остаюсь еще часов на 12. В свободное время помогаю готовить материал в хирургическое отделение. В общем, не сижу без дела.

Пишите о себе больше и чаще.

Привет маме, тете Марусе и всем знакомым.

Твоя Антонина.

29 декабря 1942 года

Здравствуй, мой дорогой папка!

Все твои письма получила, очень рада, что ты и мама чувствуете себя хорошо. Главное, чтобы ты не болел. На днях приехала Ася и делегация из Троицка. У Аси большое несчастье: убит ее любимый друг Тутымов. Предполагаем, что скоро все (ты понимаешь меня?) будем отдыхать. У нас только вчера закончился аврал. Было очень много работы, достаточно сказать, что за одну ночь я сделала до 200 уколов. В дни особенно напряженной работы нашу сортировку немец обстреливал из орудий. Всю ночь наше здание содрогалось от разрывов снарядов. Один снаряд упал в трех метрах от крыльца, однако все обошлось благополучно. Я здорова. Передай маме, что не нюю. Очень благодарна мамуське и всем вам за посылочку. Правда, конфеты съела за один раз (конечно, не одна).

Как устроилась тетя Маруся? Здоровы ли ребята? Очень хочется видеть тебя, маму и Кларочку. Хочется взять на руки Муренка. Представляю, какая она ласковая и важная.

Передай привет бабушке и скажи ей, что скоро немцев разобьем.

Пока все. Привет всем нашим знакомым.

Твоя Антонина.

7 января 1943 года

Милый папа!

Вчера получила письмо, написанное 24 декабря 1942 года, из которого вижу, что ты беспокоишься о том, тепло ли я одета. Одеты очень тепло, деньги мне совершенно не нужны.

Папуська, очень огорчает одно: есть мужчины, которые имеют странное представление о женщине-фронтовичке. Они, кроме пошленьких взаимоотношений, не представляют дружбы. А ведь нигде так не может крепнуть дружба, как на фронте. Конечно, не все так относятся к девушкам. Безусловно, есть честные и хорошие люди. Да, таких людей больше. Но хватит об этом. Напиши, что делает мама, как у нее идут дела на работе.

Вот и все. Целую крепко и много-много раз.

Твоя Антонина.

17 января 1943 года

Милые, любимые мои!

Сегодня из дома получила письмо. Большая для меня радость. Очень растрогана вниманием родных и близких мне людей. Милый папа! Благодарю тебя за новогодний подарок. Твое внимание, твоя отцовская забота и нежность для меня очень и очень дороги. Сажу в блиндаже (сейчас живу вместе с капитаном, дважды орденоносцем Ахрамковым и старшим лейтенантом Сурыкиным). Это хорошие, веселые и умные товарищи.

Слышна песня «Катюша», разрывы снарядов и где-то совсем близко стервятник бросает бомбы — фронтовая увертюра. Под эту музыку вспоминается дом, родные лица и театр.

Родная мама! Ты, милая сердитка, не забываешь, что я лакомка, и состряпала для меня вкусные вещи. Как это приятно! Вы даже не представляете, как это внимание радует и трогает меня.

Берегите себя, мои дорогие и любимые. Привет тете Марусе. Целую и обнимаю всех.

Ваша Антонина.

18 марта 1943 года

Милые папа и мама!

Все еще нахожусь среди четырех стен в глубоком тылу. Надоело до жути, но придется еще наверное с недельку побыть здесь. Ася Ляхова лежит в одной палате со мной. Видно, судьба быть вместе! (Она ранена тоже 25 февраля).

Дня три, ежедневно часа по два, слушаю хорошую музыку. Играет один больной. Когда я спускаюсь в вестибюль по лестнице, он всегда играет специально для меня мелодию на слова Есенина «Ты жива еще, моя старушка, жив и я. Привет тебе, привет!» Я оказалась его постоянной и любимой слушательницей.

Хочется скорее узнать, как вы живете и здоровы ли. Как учатся ребятенки? Пусть моя маленькая сестренка, мой золотой «колокольчик» слушает своих маму и папу. Кларушка! Рисуй мне больше и что-нибудь напиши.

Вот и все. Пишите. Будьте здоровы, целую крепко.

Ваша Антонина.

23 марта 1943 года

Здравствуйте, дорогие папа и мама!

Скоро будет месяц, как я бездельничаю — отираюсь по госпиталям. Так надоело, что хочется бежать. Бежать туда, где рвутся снаряды, к любимым бойцам, к своей винтовке-снайперке.

Невольно приходят на память слова, прочитанные в одной из книг... «Лучше умереть героем, чем жить рабом! Я люблю жизнь, но щадить ее не буду. Я люблю жизнь, но смерти не испугаюсь. Жить, как воин, и умереть, как воин, — вот как я понимаю жизнь».

Я беспокоюсь и думаю о вас. Волнует здоровье папы, тем более что за целый месяц я не получила ни одного письма. Пишите мне на этот адрес, который я дала вам в одном из писем. Скоро выпишусь. Будьте здоровы, мои дорогие! Целую вас крепко-крепко. Клару обнимаю и много-много раз целую.

Привет всем.

Ваша Антонина.

26 апреля 1943 года

Дорогие мои папуська и мамочка!

Наконец-то, я среди своих людей, в своей части! Еще раз убедилась в истине слов: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет».

Как вы поживаете там, мои дорогие? Хочется, чтобы все вы были здоровы и бодры. Обо мне думайте меньше всего, так как я чувствую себя прекрасно, правда физиономия немного изменилась в худшую сторону, но на это я не обращаю внимания.

Хочется побыть дома, среди любимых людей встретить день 1 Мая. Как отпраздновали вы день маминого рождения? Я так скучаю по письмам, что трудно передать.

Пишите мне, мои дорогие и любимые. Берегите Кларочку. Целую крепко-крепко.

P. S. Высылаю маленькую вырезку из газеты. Прочтите.

Ваша Антонина.

Апрель 1943 года

Любимый мой папа!

Поздравляю тебя и всю нашу семью с днем 1 Мая!

Пусть вас озаряет радость и яркое весеннее счастье.

Рада и счастлива, что твой честный труд, твою преданность Отчизне и партии оценили, наградив тебя значком «Отличник соцсоревнования». Обнимаю тебя и много-много раз целую в голубые глаза, в твои губы и худые щеки. Будь бодр и уверен в том, что со мной ничего не случится.

Сейчас отдыхаем в населенном пункте, вот уже шесть суток живем в настоящей хате и частенько пьем молоко, видим мирное население и даже маленьких детей. Маленькая трехлетняя хозяйская девочка очень напоминает Кларушку. Она, как котенок, ласкается ко мне, и я сшила ей нарядный передник с оборочками. Вышила белую косыночку.

Обними Кларушку, скажи ей, что завтра я напишу ей открытку.

Обо мне не беспокойся. Обнимаю и крепко целую.

Твоя Антонина.

26 июня 1943 года

Милый папа!

Вчера получила от тебя письмо, написанное 29 мая 1943 года. Не можешь представить, сколько радости доставили эти родные строки.

За то время, как я снова нахожусь в своей части, у меня произошло много изменений. Принятие

присяги, присвоение звания ефрейтора и, наконец, получение правительственной награды обязывает меня еще серьезнее и энергичнее взяться за свое любимое дело, совершенствовать снайперское мастерство. Ты понимаешь, папа, что теперь я уже не могу, да и не хочу быть в тылу, я не представляю себе, как можно быть на фронте и не быть на передовой.

Тяжело видеть сожженные села и города Калининской области. Два дня тому назад были на тактических занятиях. Проходя через деревни (если их можно так назвать. По существу нельзя, так как нет ни одного дома), я видела измученных, изнуренных людей, которые на себе испытали варварскую руку фашизма. В одной из деревень во время привала к нам подошла старушка, которая рассказала следующее: два месяца немцы издевались над мирными крестьянами, два месяца они насильовали девушек, избивали стариков, грабили колхозное добро, охотились за маленькими плачущими детьми, которых живьем бросали в колодец. И эта старушка — мать четырех воинов — со слезами на глазах подвела нас к колодцу, куда было сброшено немцами 22 советских ребенка, таких же маленьких и любимых матерями, отцами и сестрами детей, как наша Клара. И вот все это заставило меня много думать. Знаешь, папа, я счастлива, что в дело великой освободительной войны и я вношу свою долю стараний. Представь, что после войны я смогу честно и спокойно посмотреть в глаза советскому человеку, смогу с гордостью сказать, что и я оберегала радостную жизнь своей сестренки. А ведь будущее принадлежит нам. Я своей кровью защищаю и отстаиваю эту жизнь.

Сейчас учусь в полковой школе младших командиров на курсах снайперов. Сама учусь, обучаю новичков, в общем усиленно готовимся к

предстоящим боям. Немножко подкачал мой правый глаз, но я не унываю и приспособилась целиться через оптику левым глазом. Постараюсь, чтобы ласковое и нежное слово «снайперишка» (так называют меня друзья) в грядущих боях звучало грозно — снайпер.

Целую тебя крепко-крепко.

Твоя Антонина.

3 августа 1943 года

Милая мамочка!

Письмо и открытку, написанные тобой, получила. Очень рада и благодарна за то, что ты меня, родная, не забываешь. Я здорова и физически и морально, только иногда появляется безумное желание — немедленно видеть вас, но ведь это в условиях войны невозможно. Сейчас снова на фронте. Весьма возможно, что скоро вступим в бой. Обо мне не беспокойтесь, ваша с отцом любовь согревает меня в трудные минуты, надеюсь, что она сохранит меня и в бою от вражеских пуль и осколков рвущихся снарядов.

А вы, мои любимые, берегите друг друга. Рада, что Кларушка хорошо развивается и любит танцевать.

Хочется знать, как вы справляетесь с огородом и здоровы ли?

Целую и обнимаю. Пишите мне чаще.

Твоя Антонина.

17 августа 1943 года

Милая мама!

Сейчас ночь, сижу в блиндаже вся вымокшая и грязная, на улице льет дождь. Жутко. После десятидневного боя наша часть отведена... У меня большое непоправимое горе. Сегодня ночью, шесть часов тому назад, убит мой любимый друг Юрий Мишин. Мне ужасно тяжело, так как тело его не удалось вынести с поля боя (он убит в 20 метрах от места, где расположены немецкие автоматчики). Почему он мокнет, ведь он заслужил, чтобы его вынесли! Нет, нельзя... Хотела ползти я, но меня не отпустили, да я и сама чувствую, что могу наделать много глупостей. Родная! Мы крепко любили друг друга. Он все время охранял и оберегал меня, боялся даже поцелуем осквернить нашу дружбу. Мы с ним часто мечтали, что после войны будем учиться в Москве, он в академии, а я в училище. Хотели после окончания войны пожениться и мечтали, что у нас будет маленький сын, но, увы — жизнь складывается иначе...

Мы вместе с ним и бойцами-пулеметчиками роты, которой он командовал, ворвались в немецкие траншеи. Он во время бомбежки прикрывал меня своим телом. Я перевязывала и выносила с поля боя раненых бойцов. Он показал себя командиром-героем. Когда вышел из строя пулеметный расчет, он лег за «максима» и отбил три контратаки противника.

Второй раз, уже посмертно, он награжден орденом Красного Знамени. Хочется написать много, но сейчас не могу.

Пиши мне, родная. Целую крепко-крепко.

Твоя Антонина.

21 августа 1943 года

Милый папа!

Вчера получила твое письмо, написанное 6-го августа. Прости, меня, родной, что своей неаккуратностью в отношении писания писем доставляю вам много волнений и беспокойства. Поверь, что такое с моей стороны больше не повторится. Буду писать коротенькие письма, но часто.

С 7 по 17 августа наша часть вела наступательные бои. Пять суток без отдыха я выносила с поля боя раненых бойцов и командиров, остальные пять суток мы работали вдвое с санинструктором Фаиной.

Поздравь меня, папа, с получением второй правительственной награды — медали «За боевые заслуги».

Будьте здоровы и счастливы, мои любимые. Берегите Кларку.

Привет маме и тете Марусе. Целую и обнимаю.

Твоя Антонина.

29 августа 1943 года

«В жизни, знаешь ли, всегда есть место подвигам. И те, которые не находят их для себя, те просто лентяи или трусы, или не понимают жизнь». (М. Горький).

Родной папа!

Сейчас нахожусь в санбате — немножко прихворнула.

Милый папа! Почему ты совершенно не сообщаем о своем здоровье, о том, как спорится у тебя работа? К тебе есть одна большая просьба. Посвяти одно письмо исключительно описанию всех дел и проказ Кларушки. Очень хочется знать, как развивается этот маленький котенок. С каким удовольствием я бы сейчас с ней подурчилась, поговорила и поиграла.

Крепкий поцелуй маме. Пиши мне чаще. Целую.

Антонина.

14 октября 1943 года

Милая мамочка!

Дней семь тому назад наша часть вступила на землю Белоруссии. Перед нами простираются поля с выжженными населенными пунктами. Вчера здесь был фашист. Это он сжег все то, что строилось десятилетиями и столетиями. Это он угнал тысячи мирных жителей на каторгу в Германию. Мама! Фашистов гоним, скоро и на нашей улице будет праздник!

Пишу во время передышки между боями.

Жива и здорова. Будьте и вы здоровы. Целую.

Твоя Антонина.

17 октября 1943 года

Дорогие мои папа и мама!

Ночь с 15 на 16 октября была полна переживаний. Ходили в разведку за «языком». Ночью переправились через речку на тот берег, где находятся немцы, прошли минное поле, прорезали ходы через проволочное ограждение и вплотную подползли к немецким траншеям. Стоило только сделать один бросок, и наша группа была бы уже в траншее, но неосторожность помешала нам. Мы вынуждены были отойти... Часть людей сумела переправиться на свой берег, а нам не удалось, так как немцы открыли по переправе минометный и ружейный огонь. Пришлось залечь на той стороне, в деревне. Окопались около сожженного дома и так просидели до темноты.

Представьте себе картину... Вражеский обстрел. Около сожженного дома окоп... Приготовленные гранаты. И черный котенок, забравшийся мне на шею, по-домашнему мурлыкает песенки.

Сегодня особенно тяжело, так как 17-е число — роковая дата, дата смерти любимого друга.

Вот и все. Обо мне не беспокойтесь. Будьте живы и здоровы. Целую крепко.

Ваша Антонина.

4 декабря 1943 года

Милый, дорогой мой братишка!

Получила от тебя письмо. Очень рада, что ты уже находишься в школе авиамехаников. Военная школа — это большое дело! Люди, прошедшие школу, выходят в жизнь действительно крепкими, нравственно устойчивыми.

Милый брат! Не забывай и чаще навещай родителей. Учись прилежно!

Я живу по-прежнему. Все те же траншеи, грязь в них, разрывы снарядов, свист пуль.

Привет и крепкие поцелуи всем нашим! Поцелуй Кларочку. Жму крепко руку.

Твоя сестра Антонина.

14 января 1944 года

Любимый папа!

Сегодня ночью или завтра снова уходим в бой. В этот бой я иду членом партии, в левом кармане гимнастерки лежит маленькая красная книжечка члена Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Маленькая, но дорогая!

Обо мне, родной, не беспокойся...

...Смерть не страшна,
С ней не раз мы встречались в бою.
Вот и теперь надо мною она кружится.
Радостно мне. Я спокойна в смертельном
бою.
Знаю, встретишь, как прежде, меня,
Что б со мной ни случилось.

Пиши чаще мне, привет тете Марусе, бабушке.
Целую много раз.

Твоя Антонина.

14 января 1944 года

Милая сестренка!

Сейчас сижу одна в землянке. В маленькой печурке трещат дрова, на столе моргает «моргасик». Он преданно служит фронтовикам, помогая коротать длинные ночи. Думаю о тебе, мой «колокольчик», мой маленький резвый котенок. Хочется знать, как ты встретила Новый год, была у тебя елка или нет? Какие подарки тебе сделали папа, мама и тетя Маруся к Новому году? Напишешь, да?

Береги папу, маму и тетю Марусю. Дружи с нашей старенькой бабушкой. Ласкай чаще мою Мурочку и не забывай свою сестру-фронтовичку.

Целую тебя крепко и много раз.

Твоя сестра Антонина.

30 января 1944 года

Дорогой папочка!

Получаю твои письма, полные беспокойства и тревоги обо мне. Не надо, родной мой! Милый папа, можешь быть спокойным за меня. Антонина в январских боях оправдала высокое звание члена ВКП(б). В дни боев с 29 декабря 1943 года по 7 января 1944 года и с 16 января 1944 года по 25 января 1944 года я вынесла с поля боя 70 раненых товарищей с их оружием. В батальоне меня все очень уважают и любят. Называют только «Тонечка», «Наша фронтовая подруга».

Будь здоров и спокоен за меня. Целую крепко-крепко. Дня через два снова идем в бой.

Твоя Антонина.

9 февраля 1944 года

Папочка, здравствуй!

Тяжело, очень скучно! Сегодня видела страшный сон — как будто утонула Клара. Ужасно беспокойно, плачу целый день... Почему от вас нет писем? Что случилось?

Поздравь свою Антонину с получением третьей правительственной награды — ордена Славы 3-й степени. Награждена за январские бои, за тот бой, в который впервые шла членом партии. Бесконечно рада и счастлива, что оправдала высокое звание члена партии.

Все время делаю так, чтобы походить во всем на тебя и маму. Получили или нет вырезку из газеты под заголовком «Девушка с ружьем?» Целую много раз.

Твоя Антонина.

4 марта 1944 года

Здравствуйте, мои дорогие и любимые папа, мама и тетя Маруся!

В течение 20 дней я получила от вас не менее девяти-одиннадцати писем. Причем письма очень радостные, хорошие, насыщенные большой и нежной любовью. В жаркие дни боя, когда уже приходилось терять надежду на то, что выйдешь целой и невредимой, они вселяли уверенность и еще более сильную жажду к жизни. Бой, длившийся с 9 февраля по 2 марта, наложил на меня внешний отпечаток (я постарела, на лице появились морщинки).

Нашей части выпала доля форсировать речку. Одна партия людей за другой переправлялась на противоположный берег, ближе к противнику. Враг встретил нашу пехоту шквальным огнем из пулеметов и автоматов, бил из минометов. Под таким огнем я и моя подруга Маша Лавро переправляли раненых обратно, находясь по пояс в ледяной воде. Можете себе представить всю картину многодневных боев, если я скажу, что за одну ночь мы вдвоем с Машей переправили 85 раненых товарищей. Сейчас немножко отдыхаем, завтра пойдем в баню.

Перевод на 200 рублей отослала обратно. Получили вы его или нет?

Привет от Маши. Целую крепко и обнимаю всех.

Ваша Антонина.

5 мая 1944 года

Милый папа, здравствуй!

Сегодня исполнилось 24 года, как ты нога в ногу шагаешь с нашей Коммунистической партией. Разреши поздравить тебя с 24-летним пребыванием в рядах ВКП(б).

Обо мне не грусти. Я здорова, весела. Сейчас работаю парторгом стрелковой роты.

Милый папа! Верь, что твоя Антонина навсегда связана с ВКП(б).

Кларушка, наверное, уже большая выросла? Поцелуй ее горячо и крепко. Привет маме и тете Марусе. Целую крепко-крепко.

Твоя Антонина.

17 июля 1944 года

Милая моя, родная мама!

Не очень давно получила от Вас с папой поздравительное письмо, очень рада и благодарна за внимание... Скоро уже месяц, как наша часть вступила в бой. Очень-очень много пережито и пройдено с боями за такой короткий промежуток времени. И в этом бою твоя Антонина впереди.

Первая из женщин дивизии форсировала Днепр, участвовала в уличных боях в городе Могилеве. Только сейчас рядом разорвался снаряд, было два раненых — перевязала.

Много писать не буду, завязался бой, немножко беспокоит артиллерия противника.

Привет и горячие поцелуи папе, Кларочке и всем остальным. Много раз и крепко целую.

Твоя Антонина.

*** * ***

Еще два документа. Под ними подпись не Тони Меньшениной, а ее боевых товарищей.

Девушка с ружьем

Она готовилась стать актрисой. Мечта детских лет уже была близка к действительности. Антонина поступила в Свердловское театральное училище.

Отечественная война изменила жизненный путь многих советских девушек и юношей, в том числе и жизнь комсомолки Меньшениной. Молодая артистка, игравшая роль дальневосточной партизанки Ли-Фун в пьесе «Буря», сама стала воином, притом воином смелым.

...В момент штурма вражеских укреплений Меньшениной поручили подносить боеприпасы пулеметным расчетам. Девушка привязала к ноге патронный ящик и под огнем противника ползком по болоту тащила его к переднему краю.

В один из таких рейсов она увидела метрах в 40 от себя высунувшегося из траншеи немца. Быстро сняв винтовку, Антонина метким выстрелом уложила фашиста. Вскоре из той же траншеи показался второй гитлеровец, для которого у Меньшениной нашлась другая меткая пуля.

В бою у немецких завалов Антонина получила сквозное пулевое ранение. Спустившись в отвоеванный у врага блиндаж, она наскоро перевязала рану. Здесь же Меньшенина вооружилась немецкой винтовкой, из которой в этот день убила семь гитлеровцев.

За мужество, проявленное в боях с немецкими захватчиками, комсомолка Антонина Меньшенина награждена двумя медалями.

Красноармеец И. Степанов.

Письмо командира части

Сегодня, 19 июля 1944 года, ваша дочь была убита осколком от вражеского снаряда вместе с подругой Марией. И похоронены вместе на высоте, около реки Свислочь. Очень жалко. В письме,

которое пересылаю Вам, рукой вашей дочери перед боем описано, что она испытала за время боев. Письмо найдено у нее в санитарной сумке.

Она посмертно награждена орденом Отечественной войны 1-й степени. Как в полку будет приказ, я перешлю выписку из приказа вам, и вы орден получите как память о вашей дочери.

Перед тем, как ее убило, я предупредил: «Погоди немного, стихнет обстрел». А она сказала: «Не могу, может быть, на поле боя есть раненые, которые нуждаются в помощи». Я разрешил ей идти. Не успела она отойти, как разорвались два снаряда и их с Марией убило. От всей души разделяю Ваше горе.

Н. Чекмарев.

Б. Мацевич ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ РАЗВЕДЧИКА

П. Ф. Онищенко

Москва. Красная площадь 24 июня 1945 года. Парад Победы. По главной площади страны идут солдаты-победители. И среди них Павел Онищенко. На груди его два ордена Славы, два ордена Красной Звезды, медали.

Ликует народ. Ликует сердце солдата: выстояли, разгромили, повергли жестокого врага. И вот она, радость победы!

О чем думал солдат в те памятные минуты? О многом. О том, что кончилась война. О том, что жив остался. О мире, о мирном труде, о родных и близких в далеком Златоусте. О трудном и длинном пути к победе, пройденном от Орла до Праги! О товарищах и друзьях, о тех, кто отдал жизнь за Родину, за ее честь и свободу.

Идет мимо Мавзолея Ленина с гордо поднятой головой солдат Онищенко. Колышется над ним знамя 336-й ордена Суворова 2-й степени Житомирской дивизии. В разведывательной роте этой дивизии он прослужил до конца войны. Десятки раз ходил со своими друзьями в разведку. Не раз смерть была рядом. Но солдат не знал страха в борьбе с врагом, и смерть его обходила. Ранения? Были. Они не в счет. Дожил до победы — вот главное...

Более четверти века прошло с тех пор. Павел Филиппович волнуется, будто заново переживает давно пережитое.

— Забыть это невозможно, — говорит он. Лицо становится строгим, резче обозначаются морщинки. — И хотя все помню, а рассказывать тяжело.

...Было это в конце октября 43-го, на правом берегу Днепра. Наша дивизия держала оборону на захваченном плацдарме. Командир взвода дает нашей поисковой группе задание:

— Достать «языка»! Срок — неделя.

А обстановка на нашем участке, надо вам сказать, была необычная. Ничейная зона между позициями наших и немецких войск растянулась на четыре километра. Местность низменная, болотистая, заросшая кое-где кустарником. На нейтральной полосе вообще много неожиданностей бывает, а тут такая ширина.

Однако приказ есть приказ. Пять ночей подряд ходили мы в разведку. Подползали близко к вражеским окопам, слышали даже немецкую речь.

Осталось два дня на выполнение задания. А ну как опять ничего не выйдет? Решили провести разведку днем. Ночью прошли всей группой — 12 человек. Под утро, еще затемно, восемь разведчиков вернулись к своим, а мы, четверо, остались на день.

Залегли в 500 метрах от переднего края немцев. Небольшой перелесок, поляна, за ней опять перелесок. Позицию выбрали хорошую: передний край отлично просматривается. Тихо. Фашист, наверно, отдыхает. А вот слушачей, то есть передовое охранение, выдвигает он или

нет? Это еще нам неясно. Если да, то часов в одиннадцать утра слушачей обычно убирают. Вот тут мы могли бы и пожить.

Наше дело наблюдать и запоминать, выбрать лучшее место, где следующей ночью брать «языка». Лежу, глаз не свожу с переднего края. А спать хочется — спасу нет: ведь шестую ночь не спим. Но дремать разведчику нельзя — смотри в оба! Смотри и слушай. Иной раз еле заметный шорох может о многом сказать. Прозеваешь — не снести головы.

Совсем уже светло. Проходит час, другой — никого и ничего. Неужели опять ни с чем придется возвращаться к своим! Напряжение растет с каждой минутой. Но мне волноваться, нервничать нельзя — я старший группы и головой отвечаю за операцию.

И вдруг, часов около одиннадцати, из траншеи поднимаются четыре немца и направляются прямо в нашу сторону. Все ближе и ближе. Вот уже различаю: два офицера — они чуть впереди, за ними два солдата, видно, денщики. Аж дух перехватило! Не от того, что мы их испугались, — не такое видели, а от мысли, что в другой раз такое счастье не привалит: офицеры, лучшего «языка» и не надо. Но брать «языка» намечено ночью, а сейчас наша задача наблюдать. Что делать? Ведь в случае неудачи — провалишь всю операцию.

А почему неудача? Опыт есть, мы не новички в разведке. Вооружены сверх нормы: вместо двух-трех гранат, которые обычно берем в разведку, у нас по шесть, вместо одного запасного диска к автомату — по два-три.

— Будем брать, ребята! — шепнул я друзьям.

Разделились по двое. Я с одним бойцом остался на месте. Двое других выдвинулись немножко вперед. Их задача — устранить солдат. Лежим в кустах, не дышим, замаскированы хорошо. К тому же немцы нас тут не ждали и идут себе спокойно, лопочут.

Сердце отстукивает секунды, а секунды кажутся минутами, да что там минутами — целыми часами. Боец, который рядом лежит, говорит: «их же четверо!» Видно,

побаивается. Что их четверо — это ерунда, в случае чего мы их в момент уложим. А вот если стрельба, шум поднимется, тогда плохо: наши далеко, а немецкие траншеи рядом. Ну, да ладно, разведка без риска не бывает. Думать некогда, немцы совсем рядом. Те двое наших ребят офицеров пропустили и, как гром с ясного неба, навалились на денщиков. Схватка была молниеносной, немцы легли замертво. Офицеры обернулись на шум. А мы тут. Пришлось им руки поднять.

Я команду: «Шнеллер!» (по-немецки кое-что знаю, язык этот изучал в школе и в техникуме, который закончил в первые дни войны). А они стоят, ни за что не хотят идти. Нянчиться некогда, мы их наземь. Каждому по кляпу в рот, поясными ремнями по рукам и по ногам связали и потащили.

Полтора километра тащили на себе. Потом офицеры, видно, поняли, что деваться некуда, своим ходом пошли. Немцы хватились своих: куда девались? — и подняли стрельбу. Да поздновато.

Благополучно миновали передний край, пришли к своим. Докладываю командиру роты: так, мол, и так, двух офицеров доставили. Улыбнулся вначале, а потом принял строгий вид и давай меня отчитывать:

— А если бы неудача!? всю операцию сорвали бы.

Но я вижу: хотя он и ругается, а в душе доволен, рад. Шутка ли, два офицера! Не часто такие «языки» попадают. Я ему говорю:

— Непредвиденное обстоятельство, товарищ командир. Сами фрицы напросились...

За эту операцию меня орденом Славы 3-й степени наградили, а остальных ребят — орденами Красной Звезды.

Павел Филиппович Онищенко чуть выше среднего роста. Худощав, подтянут по-солдатски. Если бы не седина в висках, можно и за молодого принять. А ведь он уже и внуками обзавелся. Улыбка добрая, приветливая, и не подумаешь, что такой человек мог быть разведчиком — представителем одной из самых суровых и тяжелых военных профессий.

Мы сидим уже не первый час: рассказ бывалого разведчика захватывает, слушаешь неотрывно.

— Говорят, сапер один раз в жизни ошибается. Это верно. Но и разведчику ошибка может стоить жизни. Помнится, в один момент мы потеряли 12 разведчиков: подорвались на минах. Да ведь разведчик ежеминутно рискует жизнью. Особенно, если в глубинной разведке находится.

Что такое глубинная разведка? Это разведка во вражеском тылу, за линией фронта, сбор сведений о дислокации и передвижении войск, о расположении огневых точек, о численности войск.

Организовали и в нашей роте группу глубинной разведки. Отобрали в нее самых опытных, смелых и сильных. Дали нам сапера и радиста. Запомнился такой случай.

Было это на территории Польши. Кукуруза уже поспела. Приближалась осень. На нашем участке фронта было тихо. Только изредка возникала перестрелка. Но чувствовалось, что это затишье перед бурей. Враг не дремал, что-то там готовил. А что именно, неизвестно. Вот нас и послали в тыл, посмотреть, что к чему.

Пошло нас 14 человек. «Пошло», наверно, не то слово. Разведчику чаще всего приходится ползти, прижиматься к земле. Удачно преодолели нейтральную полосу, затем вражеский передний край. Никто ни одной царапинки не получил. И вот мы в тылу врага. На одном из участков заметили: к линии фронта идут танки, артиллерия, мотопехота, что-то затевает немец. Сообщили своим по радиации. И тут же мы получили приказ: взять контрольного «языка».

— Хорошо бы штабника поймать... — Это наш командир группы, сержант Николай Мудрый говорит. Верно, штабники больше других офицеров знают, из них можно самые оперативные и нужные сведения выжать.

Залегли на опушке леса, недалеко от проселочной дороги. Ведем наблюдение. В первый день мотоциклисты изредка появлялись на дороге, а на второй стали

непрерывно сновать туда и обратно. Не иначе, как где-то поблизости штаб. И в самом деле, недалеко, в деревне оказался штаб. Повезло!

— Надо брать мотоциклиста, — приказывает Мудрый мне. — Вот тебе шесть человек, тебя назначаю старшим и действуй по обстановке.

Договорились, где встретиться, и старший сержант со своими товарищами ушел. Остались мы одни, маленькая горстка советских солдат в фашистском тылу.

Расставил я силы. Двоих в кювете оставил, одного наблюдателем назначил. Вскоре он сообщил:

— Мотоциклист выехал.

— Натянуть проволоку! — скомандовал я. Двое ребят проворно натянули через дорогу проволоку, закрепили ее. И вправду, мчится мотоциклист прямо на нас и думать, наверно, не думает, что последний раз на нашей земле катит. На большой скорости врезался в проволоку, слетел с мотоцикла, перевернулся несколько раз в воздухе. Мы его тут же подхватили и кляп в рот. А мотоцикл убрали, в кусты запрятали.

«Язык» оказался знатным: офицер связи, лейтенант. Вез пакет на передовую. Но тут рассматривать ничего не стали. Немца подхватили и к своим разведчикам, как договорились. Через полтора часа прибыли на место. Вот здесь раскрыли пакет, запечатанный сургучом, допросили офицера как могли. Хотя я не все понял, что он говорил, но твердо уяснил: фашисты готовят на нашем участке наступление. Атака должна начаться через два дня. Сообщили по радио своим. Радист принял приказ:

— Немедленно доставить пленного в часть!

Был день, и мы не рискнули двигаться. Время разведчика — темная ночь. Дождались, когда стемнело, и пошли. Дождь, слякоть. Тяжело. Однако это нам на руку. В такую погоду фашист предпочитает под крышей быть. Другое дело — на переднем крае. Тут враг не дремлет. Пришлось нам лейтенанта «запеленать» и на плащ-палатке тащить. А на нейтральной полосе нас свои встретили.

30 километров за ночь отмахали в такую непогоду! Поту пролили немало, устали как черти. Но дело сделали, задание выполнили. «Языка» уже ждали. Не успели мы перейти линию фронта, как его посадили в машину и прямехонько — в штаб дивизии. Наши упредили немцев и дали им такого жару, что те еле ноги унесли.

За выполнение этого задания меня наградили орденом Славы 2-й степени. А вручили мне его на армейском слете разведчиков...

Как ни говорите, а тяжело вспоминать. Обязательно придут на память те, кто сложил голову, кто не вернулся домой.

Онищенко достает из кармана пиджака небольшую фотографию военного времени. На ней четыре молодых солдата-разведчика, в том числе и Павел Филиппович.

— Из этих четырех, — продолжает он, — двое погибли: сибиряк Павел Ушаков и Павел Титов из Сатки.

Долго мы еще беседовали. Бывалому солдату, герою войны, есть о чем рассказать, что вспомнить.

* * *

В декабре 1945 года Павел Онищенко вернулся в Златоуст. Пошел на родной завод имени В. И. Ленина, туда, где начал свой трудовой путь. Работал в отделе главного технолога, в цехах на различных должностях. А когда завод начал осваивать бытовые холодильники, в отделе главного технолога было создано технологическое бюро по холодильникам. Начальником бюро назначили П. Ф. Онищенко.

К наградам за боевые дела добавились награды за успехи в мирном труде. П. Ф. Онищенко награжден медалями — «За трудовое отличие» и Ленинской юбилейной. Старый солдат, ветеран войны по-прежнему в строю.

Ю. Никитин ТАНКИСТ СЛАВЫ НЕ ИСКАЛ

П. Ф. Никитин

Дороги раскисли от дождей. Вода залила балки и овраги. Через каждые 100—200 метров машины останавливались, и солдатам приходилось буквально вытаскивать их на себе. Даже танки с трудом продвигались по развороченной дороге. Это было весной 1944 года. До государственной границы оставалось «рукой подать», и во всех частях царил особый подъем, стремление быстрее освободить от врага последние километры родной земли.

Впереди 64-й гвардейской танковой бригады, наступавшей в направлении города Черновцы, от самого Днепра шла машина командира взвода гвардии лейтенанта Павла Федоровича Никитина. Казалось, он первым хотел ворваться в фашистскую столицу, чтобы закрепить былую славу своих земляков — Никитин был уроженцем поселка

Берлин Челябинской области, названного так в память о победе над Наполеоном.

Экипажу головной машины надо видеть все вокруг. Поэтому и стоит П. Ф. Никитин в открытом люке, внимательно смотрит вперед. Взгляд у командира, несмотря на его двадцать лет, пристальный, суровый. На груди два ордена Отечественной войны 1-й степени и орден Красной Звезды — награды за тяжелые бои под Курском, Корсунь-Шевченковским и Винницей. Пять раз горел его танк. Дважды он был ранен. Домой писал:

«Из боя опять-таки пришлось выйти. В грудную клетку попал осколок. Но нужны люди, техника — неполадки в сторону. Капитальный ремонт будем делать после войны».

«Бить врага так, как бьет его Никитин» — призывала летом 1943 года в боях под Курском фронтовая газета 1-й гвардейской танковой армии:

«...Из второй засады вел огонь командир танка комсомолец гвардии лейтенант Никитин. Он заметил передвижение вражеских автомашин и меткими попаданиями две из них поджег.

На следующий день фашисты пытались контратаковать нашу часть. Один немецкий танк с десантом автоматчиков шел прямо на засаду Никитина. Танк Никитина вышел из засады и вступил в бой с фашистским танком. Умело маневрируя своей машиной, лейтенант поджег его, затем на полном ходу пустился вдогонку убегающим автоматчикам, давя их гусеницами и расстреливая из пулеметов. На месте этой схватки осталось 13 трупов вражеских солдат».

В другой статье рассказывается:

«...Дерзко атакуют врага наши славные танкисты. На предельной скорости экипаж гвардии

лейтенанта Никитина врезался в колонну немецких бронетранспортеров и закрыл ей путь к отступлению. Метким огнем гвардии лейтенант Никитин разбил 18 бронетранспортеров, подавил пять пушек, истребил более полусотни гитлеровцев».

Из боевой сводки командования известно, что 14 сентября 1943 года экипаж лейтенанта П. Ф. Никитина поджег две вражеские автомашины и уничтожил 17 солдат. На следующий день во время атаки гвардейский экипаж поджег «тигра» и огнем пулемета уничтожил 13 гитлеровцев.

— Умело снял шкуру с фашистского тигра! — восхищался своим другом командир батальона К. Т. Погорелов. — Ты лев, Павлуша, — и добавил снисходительно, — правда, с сердцем ребенка.

И действительно, беззаветная храбрость в характере офицера порой сочеталась с каким-то юношеским озорством.

Однажды в районе Цыбулева на Украине танк П. Ф. Никитина, ворвавшись в расположение противника, был подбит. Танкисты не остановили машину, а продолжали вести бой. Они подбили фашистский танк и четыре бронетранспортера, уничтожили десятка два гитлеровцев.

Но кончились снаряды. Враг стал наступать с обеих сторон. Машина Никитина получила еще несколько пробоин. Были убиты механик-водитель и радист.

— Выходи! — приказал лейтенант командиру орудия. — Доберись к своим и доложи обстановку! Действуй смелее, я прикрою.

Вот уже несколько гитлеровцев подползли к танку. Вдруг из машины одна за другой полетели гранаты. Когда они взорвались, из башни показался Павел Никитин. Он дал несколько выстрелов из пистолета, спрыгнул с танка и не спеша пошел по направлению к своим.

После боя командир батальона сурово отчитал Павла Никитина.

— Не нравится мне твоя бесшабашная храбрость.

Павел обиделся:

— Дело не в храбрости, а в принципе. Лучше умру, чем покажу врагу, что я от него убегаю.

В этот вечер он писал родным:

«Здравствуйте, дорогие родители, папа, мама, Миша, Ваня и Зочка! Шлю вам свой горячий боевой привет от всего сердца... Вы, конечно, меня извините, но в бою некогда писать письма, а этот раз я находился в боях 1,5 месяца. Остался по-прежнему такой же, какой и был, только получил еще один орден Отечественной войны 1-й степени. Живем в одном из лесочков Винницкой области. Только что выпавший снег прикрыл грязь. Климат здесь не то, что у нас, очень мягкий.

Машина моя сдала. Башню пробило в нескольких местах, но пока что руки, ноги и голова целы. И не хочу умирать, так как я еще очень мало сделал, чтобы отомстить за все то, что они проделывали.

С приветом, ваш сын Павел».

В районе Винницы Павел Никитин стал кандидатом в члены ВКП(б). Партийное собрание проходило прямо в лесу, сразу после боя. Павел, взволнованный, смущенный, слушал выступления товарищей — они говорили о его боевых делах.

— Достоин, — вынесло собрание единогласное решение.

— Доверие оправдаю в бою, — твердо сказал молодой командир.

«Здравствуйте, дорогие родители, папа, мама, Миша, Ваня и Зочка! Шлю вам свой горячий боевой привет. Жив, здоров. Живу нормально. Въехали только что в освобожденное местечко Западной Украины. Враг драпает, бросает много техники», —

писал Павел Никитин своим родным 10 марта 1944 года.

В эти мартовские дни 64-ая гвардейская танковая бригада продвигалась к городу Черновцы. Пытаясь остановить стремительное наступление советских войск, гитлеровцы решили задержать их на подступах к Залещикам. Но, неожиданно для фашистов, танковая бригада свернула на юго-запад и к вечеру 24 марта 1944 года подошла к Днестру. Однако все мосты через реку оказались взорванными противником. Переправа с ходу срывалась. Саперы, разведчики начали искать брод. К ним добровольно присоединились танкисты.

Ночь была на исходе, когда поступило первое обнадеживающее донесение. Командир головного танкового взвода П. Ф. Никитин сообщил: в двух километрах ниже села Устечко, у разрушенной мельницы, есть дно с твердым грунтом, берег отлогий, откосы у реки покатые. Только уровень воды превышает глубину, допустимую при переправе «Т-34».

— Прошу разрешить переправу, — заключил свое сообщение П. Ф. Никитин. — Танк тщательно подготовлен.

Командир бригады медлил с ответом. Наконец, в наушниках раздалось:

— Разрешаю! Желаю успеха!

Ранним утром 25 марта под прикрытием густого тумана танк П. Ф. Никитина первым переправился на правый берег Днестра и, смяв гусеницами посты противника, начал бой. Вслед за командиром переправляется второй танк его взвода, а затем и вся бригада.

Через населенные пункты — Городенку, Звенячин, Заставну, Малый Кучурив и Садгору — наши танки шли прямо на город Черновцы — опорный пункт обороны врага, узел дорог, ведущих к границе Румынии. Вокруг города, вдоль реки Прут — доты и другие оборонительные сооружения; доступные для танков участки и местности минированы.

Первым на северную окраину города ворвался танковый взвод П. Ф. Никитина с десантом автоматчиков на броне. На пригородной станции Моши шла выгрузка воинских подразделений и танков врага. Несмотря на численное

превосходство фашистов, П. Ф. Никитин завязал бой, поджег два эшелона с боеприпасами и уничтожил четыре танка. Потом, стремясь с ходу захватить мост, повел танк к берегу. Гитлеровцы открыли сильный артиллерийский огонь. Укрыв за насыпью свою машину, П. Ф. Никитин вылез из танка, чтобы уточнить огневые позиции противника. Но в это мгновение возле него разорвался снаряд. Осколок насмерть сразил лейтенанта.

Весть о гибели П. Ф. Никитина быстро разнеслась по бригаде. Хоронили его вместе с другими погибшими в тот день танкистами в пригороде Черновцов.

Военный Совет 1-й танковой армии 1-го Украинского фронта удовлетворил просьбу рабочих железнодорожного узла и трикотажной фабрики — оставить в память об освобождении города танк П. Ф. Никитина.

Вот как об этом пишет Маршал Советского Союза Г. К. Жуков:

«29 марта частями 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана и 24-й стрелковой дивизии был полностью освобожден от немецких оккупантов город Черновцы. С огромной радостью встретили жители советские войска.

По их просьбе Военный Совет 1-й танковой армии решил установить на пьедестале танк лейтенанта П. Ф. Никитина. Надпись на мемориальной доске гласит: «Танк экипажа гв. лейтенанта Никитина П. Ф. первым ворвался в город при освобождении его от немецко-фашистских захватчиков 25 марта 1944 года». Именем П. Ф. Никитина названа одна из улиц города»^[1].

Родина посмертно наградила своего сына третьим боевым орденом — Отечественной войны 1-й степени. В письме отцу Павла Никитина командир батальона гвардии старший лейтенант К. Погорелов писал:

«Здравствуйте, дорогой Федор Васильевич!

...Ваш сын, а мой друг Павлуша погиб смертью храбрых, беззаветно преданным патриотом Родины. Тяжелая утрата для нашей бригады — потеря

Павлуши, он был любимцем и гордостью части, на его примерах отваги мы выучили многих новых воинов. Он был радостью для нас, человеком, в котором сочетались все качества советского офицера-патриота. Мы с ним первые переправлялись через крупную водную преграду (Днестр) и прошли 80 километров по тылам противника.

Дорогой Федор Васильевич и мама Павлуши, а также родные! Я и все его друзья по оружию переживаем вместе с вами всю ту тяжесть, которую переносите вы. Ваш сын, а наш друг Павлуша навсегда останется живым в наших сердцах. Он вошел в историю части, а значит и в историю Отечественной войны, про него будут читать наши дети и другие поколения как о герое, который все отдал для победы над врагом, и даже жизнь.

Наш девиз — отомстить проклятым врагам за Павлушу, и мы это частично выполнили. Но вся расплата впереди. Мы отомстим за него и за всех, за которых он мстил сам. Мы продолжим его дело до конца, пока враг не будет стерт с лица земли».

В Черновцах не только взрослые, но каждый мальчишка и девчонка знают об отважном лейтенанте. О нем сложена песня. Ежегодно проводятся лично-командные соревнования по вольной борьбе на приз П. Ф. Никитина.

Черновчане долго не могли узнать, где живут родные Павла. После долгих поисков нашли его мать Анну Кондратьевну и сестру Зою Федоровну в городе Копейске Челябинской области. Одно за другим полетели из Черновцов письма.

«Здравствуйте, дорогая Зоя Федоровна! — пишут сестре героя пионеры — члены географического кружка школы № 6. — Наш кружок взял шефство над могилой и памятником П. Ф. Никитину. Очень просим, пришлите свои воспоминания о брате. Напишите о школьных годах Павла Федоровича, а

если у Вас сохранилось что-то из вещей Вашего брата, то пришлите нам, пожалуйста, (табель, книги, пионерский галстук или рисунки).

Наш кружок хочет собрать сведения о людях, проливших кровь за наш город, за то, чтобы мы привольно жили, учились и работали. Мы заверяем Вас в том, что постараемся лучше учиться, чтобы стать настоящими строителями коммунизма, чтобы быть такими, каким был Павел».

Вскоре в Черновцы приехала Анна Кондратьевна Никитина. Встретиться с матерью героя-танкиста, послушать ее рассказ о сыне, казалось, хотел весь город. И, конечно, первыми слушателями стали школьники.

— С ранних лет увлекался Павлуша спортом. Рос, как молодой дубок, крепкий, сильный. Утром, бывало, вскочит и давай выжимать тяжести. Под кроватью всегда был целый склад спортивного снаряжения. А потом — обливаться водой, зимой — обтираться снегом. Не было в школе лучшего лыжника, конькобежца и пловца.

Уже потом с фронта Павел не раз писал братьям, чтобы обязательно занимались спортом, тренировали свои мышцы, воспитывали волю и выносливость.

Анна Кондратьевна бережно расправляет потемневшую от времени бумагу. Это свидетельство Павла об окончании семилетки. Все отметки — «отлично». Аттестат об окончании средней школы не сохранился, но и в нем только отличные оценки.

— Интересы его были многосторонними, — продолжала Анна Кондратьевна. — В младших классах Павлик увлекался живописью. Он уже писал масляными красками, его работы экспонировались на выставках детского творчества. С увлечением занимался изготовлением моделей кораблей, много читал, искал в книгах ответы на тысячи волновавших его вопросов. В 1940 году вместе с другими юннатами был направлен в Москву на ВСХВ. И повсюду на груди носил значок «Готов к труду и обороне».

Как никогда, представительные гости собрались в Черновцы в честь 25-летия освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Среди них — бывший член Военного Совета 1-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенант Н. К. Попель. В своей книге «Танки повернули на запад» он несколько страниц посвятил Павлу Никитину:

«И когда в головной колонне кончилось горючее, Бойко нагнал лейтенанта Никитина:

— Чем заправляться, товарищ комбриг?...

— Чем заправляться? — переспрашивает, морща нос, Бойко. — Эх ты!

Никитин растерянно молчит. На мальчишески округлых, негусто заросших щеках пятнами проступает краска. Разве он что-нибудь не так сделал, разве не законен его вопрос?

А Бойко будто наслаждается смущением лейтенанта. Не устает еще трижды передразнить: «Чем заправляться?» И вдруг командирски строго бросает:

— Немецким газойлем.

— Ясно! — радостно срывается Никитин.

— Отставить. Сейчас сам побежишь и будешь каждый танк заправлять? Ты же командир взвода! Твое дело — дать приказ, а потом, чтобы доложили. Учить вас, пацанов...

Командир взвода и командир бригады сидят на каменной скамейке у дороги. Сидят и молчат. У Никитина расстегнута «молния» на затрепанной куртке из какого-то не слишком прочного кожзаменителя...

Бойко любит Никитина — неунывающего, открытого, не чуждого юношеского тщеславия рабочего паренька из-под Челябинска. Но говорить об этом не умеет, да и не считает нужным. От таких разговоров, по убеждению Бойко, сам размякнешь и

размягчишь другого. А размягчаться еще не пришел час. Впереди — Черновцы.

Иван Никифорович резко поворачивается, изучающе рассматривает профиль лейтенанта. Густая кустиками бровь, короткий прямой нос и губы, пунцовые, четко обрисованные.

— Женатый?

— Никак нет.

— Ну, да, куда тебе... пацану. — Подумав, добавляет: — Пацан не пацан, а уж, считай, два года на фронте. Так?

— Так точно.

— «Никак нет», «так точно». Ты что, иначе говорить не умеешь?

Лейтенант поворачивается к подполковнику. Его лицо теперь не кажется таким мальчишеским. Запавшие серые глаза глядят пристально, сурово.

— Устал, брат? — неожиданно спрашивает подполковник. — Небось, обижаешься, комбриг все тебя и тебя впереди держит.

Никитин не отвечает, и Бойко понимает неуместность вопроса.

— Ну, ладно, давай. Раньше говорили: «С богом!» а теперь: «Давай!»^[2].

Бывший командир 64-й танковой бригады дважды Герой Советского Союза И. Н. Бойко был болен. Но, узнав, что в Черновцы приехала семья Никитиных, срочно вылетел из Киева.

Много теплых слов выслушала тогда Анна Кондратьевна о своем сыне. У памятника-танка разлилось море людей и цветов. Под звуки военного оркестра Анна Кондратьевна торжественно приняла Диплом о посмертном присвоении Павлу Федоровичу Никитину звания Почетного гражданина города Черновцы.

...В РСФСР проходила декада Украинской литературы и искусства. В театре Челябинского тракторного завода шел концерт Буковинского ансамбля песни и пляски. Артисты

пригласили из Копейска на свое выступление мать Павла Никитина и его сестру.

— Приезжайте к нам. Я живу на улице имени вашего сына. От танка третий дом, — звала в гости родных Никитина заведующая костюмерным цехом. — Танк Павла, как ориентир, по нему вы найдете дом своих друзей.

Зал театра, вмещающий 800 человек, был полон. По окончании концерта вспыхнула бурная овация и дружные здравицы в честь братства народов России и Украины. На сцену внесли цветы и вручили их руководителю ансамбля заслуженному артисту УССР А. Н. Кушниренко. Андрей Николаевич высоко поднял букет.

— Товарищи, тут среди нас находится мать, сын которой освобождал Украину и навсегда прописан в городе Черновцы как Почетный гражданин. По праву этот букет — ей.

Зал снова вспыхнул овацией.

Никогда не забудут люди подвиг П. Ф. Никитина. Одной из улиц в Копейске присвоено его имя. Поют буковинцы песню, прославляющую гвардейца П. Ф. Никитина. Звучат стихи, посвященные бесстрашному уральцу:

На месте последнего боя
Он поднят на строгий гранит.
Его, словно знамя святое,
Украинский город хранит.

Н. Герасимов РАЗВЕДЧИК ГРИГОРИЙ УСИЧЕНКО

Г. П. Усиченко

Более 20 лет трудится Григорий Прохорович Усиченко в тресте «Челябметаллургстрой». Почетом и уважением пользуется он среди строителей и монтажников.

На праздничных демонстрациях бригадир бетонщиков идет в первых рядах колонны. На его груди рядом с орденом Октябрьской революции и другими наградами за трудовую доблесть — боевые ордена и медали. Храбро сражался Григорий Прохорович в годы Великой Отечественной войны. Шесть раз был ранен. Медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», два ордена Красной Звезды получил он за ратные подвиги. Григорий Прохорович Усиченко — кавалер ордена Славы трех степеней.

С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны сражался разведчик Усиченко.

* * *

Орловская область. Батальон окопался. Первое мая 1942-го года на этом участке фронта было спокойным. В один из вечеров через расположение отделения, которым командовал младший сержант Усиченко, в сторону противника прошли люди в маскировочных халатах, все, как на подбор, сильные, рослые. Григория предупредили, что они из дивизионной разведки, сказали, чтобы в случае чего поддержал огнем. И он ждал возвращения этих ребят, не смыкая глаз, одну ночь, вторую, третью. Волновался за них. На четвертые сутки в полночь, наконец, вернулись. А с ними четверо пленных.

— Счастливый твой участок, — смеясь, шутил один из разведчиков, толкнув Григория в грудь.

Тот не шелохнулся. Он был одного роста с разведчиком, такой же крепкий и сильный.

— Ну и ну, медведь же ты, брат, — разведчик был доволен. — Хочешь к нам в разведроту?

— А возьмете?

— Скажи фамилию, похлопочу.

— Младший сержант Усиченко.

Так состоялась встреча Григория со старшим лейтенантом Федором Борматовым, командиром первого взвода дивизионной разведроты.

Старший лейтенант сдержал слово. Через несколько дней Григорий был зачислен в его взвод. И куда! — в захватгруппу. Тут нашел себе друзей, с которыми все делил пополам, прошел до конца военные дороги. Самым близким из них стал Дмитрий Денисов.

В июне состоялось «боевое крещение» разведчика-новичка. Григорий впервые пошел за «языком».

Бесшумно разведчики достигли переднего края противника. Вот и первая траншея. Пробежали метров

двадцать. Впереди блиндаж. Медлить нельзя. Дверь на себя, — ошалелые глаза двух солдат и немецкого офицера. Падает книга из дрожащих рук офицера. Ни единого слова. Из голенищ сапог разведчики выхватывают деревянные ложки, обматывают платком и в рот фашистам — славный кляп!

Отошли тоже без шума. Группа успешно выполнила задание. Пленные дали ценные сведения.

За эту операцию Григорий Усиченко получил свою первую награду — медаль «За боевые заслуги». В штабе дивизии ему торжественно вручили ее, тепло поздравили товарищи.

...Небольшая деревенька раскинулась у реки в низине. Из труб мирно струится дымок. На улицах ни души.

— Что за идиллия? Тут дело нечисто, — решил командир взвода Борматов. — Усиченко, Денисов, разведайте! Но чтоб тихо, без шума.

— Ясно! Товарищ командир!

У крайнего дома, что стоял на самой опушке леса, увидели старушку — она колола дрова.

— Бабуся...

Та испуганно обернулась:

— Сыночки, милые...

— Немец близко?

Старуха прикоснулась пальцем к губам:

— В хате, окаянный, молоко пьет.

— Сколько?

— Один.

Так с кринкой молока и взяли немецкого солдата.

Рассказал, что за селом танковая засада. Наши подразделения обошли ее и ударили с тыла.

День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем разведчики двигались впереди. Уходили к переднему краю врага, вступали в схватку с ним, порой теряли товарищей.

Две ночи подряд пытались взять «языка» разведчики Борматова. Безуспешно. Наступила третья ночь. Снова неудача: не смогли преодолеть минное поле, которого еще вчера не было. Решили возвращаться. Вдруг послышался

шорох со стороны наших окопов. Замерли, затаив дыхание. Шепот, ругательства на немецком языке. Показались пригнувшиеся фигуры — шли быстрым шагом, с какой-то ношей.

Что за чушь, откуда с той стороны немцы? Не до рассуждений. Командир принял решение захватить приближающуюся группу. Сплелись в клубок, борясь в темноте. Не прозвучало ни одного выстрела.

Потом, когда вернулись к себе, выяснилось, что взвод Борматова захватил немецких разведчиков. Они выкрали двух наших пулеметчиков и уже предвкушали успех. А тут сами оказались пленными.

— Дело прошлое, — это любимая фраза Григория Прохоровича, когда он рассказывает о военных годах. — Во многих операциях пришлось участвовать. Но одна из них запомнилась особенно. Все вижу так ясно, как будто это случилось только вчера, хотя и прошло более тридцати лет.

...Шел декабрь 1942 года. Советские войска освободили Орловскую область, вступили на территорию Курской. У небольшого городка Севска плотный огонь немцев заставил залечь наших солдат. Командир отдельной моторизованной разведроты вызвал старшего лейтенанта Борматова.

— Надо засечь огневые точки врага и взять «языка» во что бы то ни стало!

Днем скрытно подошли к деревушке, которая пристроилась совсем рядом с Севском. Долго наблюдали, намечали подходы. Видели, что вражеских солдат немало.

В десять часов тридцать минут вечера в белых маскировочных халатах 28 человек, как тени, появились на околице. Часовой был взят без звука, спеленали его, словно ребенка. Но он рядовой солдат и вряд ли укажет расположение огневых точек. Один из разведчиков хорошо знал немецкий язык. Спросил у часового, где штаб. Тот ответил, что офицеры не в штабе, они собрались для встречи Нового года — третий дом с краю.

Захватгруппа в количестве восьми человек направилась в деревню, два отделения прикрытия заняли подходы к ней.

Вот и третий дом. Ясно слышны громкие голоса. Рядом стоит машина, от нее провода.

Перед захватгруппой встало несколько вопросов. Сколько фашистов в доме? Бросать ли гранаты? Перерезать ли электрические провода от машины? На принятие решений — секунды. Внезапность, только смелая, дерзкая внезапность.

— Айда, ребята...

Зашли в сенцы. Григорий впереди. Курские деревенские дома все на один лад. Сам когда-то строил такие: все знакомо вплоть до того, где вбит какой гвоздик. Рядом с Григорием — Дмитрий Денисов. Вот и ручка двери, нужна небольшая щель, чтобы осмотреться, привыкнуть к яркому электрическому свету.

В углу хаты елка, нарядная, расцвеченная огнями. Фашисты были уже навеселе. Играла музыка.

И вдруг звучит резкое: «Хенде хох!» Под дулами автоматов подняты вверх руки. Забирается оружие. Немцев связывают, затыкают рты и выводят из дома. На столе остаются наполненные рюмки, аккуратно разложенная закуска — как будто здесь ничего не произошло. За праздничным столом взяли шестерых и все офицеры — от командира роты до командира взвода.

...Разведчик обязан быть хорошим сапером. Григорий усвоил это отлично. Сколько раз приходилось преодолевать минные поля, снимать мины.

В конце июня 1943 года командир дивизии собрал разведчиков, объяснил задачу: хоть с боем, а привести пленного.

В начале ночи сняли мины, сделать это было не просто. Противник разбросал металлические спирали, в траве их не видно. Дотронешься рукой — сигнал тревоги. Доползли до колючей проволоки, перерезали ее ножницами. Пока все спокойно. Впереди еще рогатки с колючей проволокой, а трава перед ними полосой в 20 метров скошена. Когда стали преодолевать рогатки, взвились осветительные ракеты. Ливень огня обрушился на разведчиков. Били пулеметы, минометы, орудия. Ответила и наша артиллерия.

Под жестоким обстрелом Григорий Усиченко и еще несколько разведчиков заскочили в траншею, взяли там троих вражеских солдат. Товарищи прикрывали огнем. Отошли с пленными. Только тогда Григорий почувствовал, что ранен. Не сказал ни слова, пока не добрались до своих окопов.

В санбате из ноги вынули пулю. Взял ее на память, хранил вместе с осколком от мины при первом ранении в 1941 году. Поправился быстро. Через неделю был снова в строю, среди друзей. На груди Григория Усиченко засверкал первый орден Красной Звезды.

* * *

Наступил 1944 год. Пройдены первые километры по территории Польши. Разведчики остановились у реки. Скалистые берега круты, течение очень быстро. Единственный путь на ту сторону — через мост.

Сан, так называлась река. Там на другом берегу город Санок. Фашисты сильно укрепили его. По сведениям местных жителей, пушек и танков навезли множество. Мост охранялся сильно и, вероятно, был заминирован.

Боевая задача — не дать взорвать мост. Захватить этот единственный путь для переправы наших войск, которые вот-вот должны подойти. К проведению операции готовились тщательно. Помочь советским разведчикам вызвались местные жители: старик-поляк и его тринадцатилетний внук.

Наступила ночь. Небо заволокло тучами. Луна скрылась за ними. Кромешная тьма, протяни руку — и не различишь ладони. Поляки повели взвод разведчиков Борматова в обход. Вплыв в ледяной воде переправились через Сан. И снова впереди старик и мальчик. Местность им хорошо знакома.

К мосту подошли неслышно. Заметили еще днем на том берегу, что часовых двое. Один ходит вдоль перил, второй

стоит невдалеке у будки. Засекли, через сколько времени производится смена.

Часовой на мосту шагает медленно, в одну сторону минуты две-полторы. Разведчики буквально в двух шагах от будки. Они в темноте, прожектор освещает лишь середину моста.

Как только немец на мосту повернулся спиной, две тени беззвучно кинулись на часового у будки. Минута — Григорий Усиченко в немецкой форме. Он спокойно идет к мосту, как бы собираясь прикурить у напарника. Тот ничего не успел сообразить — приклад автомата обрушился на его голову. Вторым разведчик тоже переоделся в немецкую форму. Он встал у будки.

Вскоре были захвачены смена часовых и караульное помещение. От моста к нему тянулись четыре провода. На столе дежурного офицера стояла взрывная машинка. Значит, верно, мост заминирован. Перерезали провода.

Командир взвода отправил одного разведчика к своим на другой берег за саперами. А Григорий спокойно вышагивает по мосту. Туда и обратно. Туда и обратно.

Оглушенный немецкий часовой пришел в себя. Показал саперам, где мины. Быстро обезвредили их. И вот по сигналу разведчиков по мосту через горную реку Сан загрохотали танки с красными звездами на броне. За ними пошла пехота. Танки сразу же разворачивались в боевые порядки. Стреляя на ходу, устремились к городу Санок. Громкое «ура!» звучало уже на его улицах. Фашисты были захвачены врасплох, полусонные, они почти не оказали сопротивления.

Через мост уже шла артиллерия. У его перил стоял советский разведчик. Рядом с ним поляки — старик и мальчик. В их глазах слезы радости.

— Свобода, свобода! Конец Гитлеру! — произносили старик и мальчик.

Григорий Усиченко крепко обнял старика.

— Свобода, диду! Теперь можешь спать спокойно, растить внука, пахать землю, выращивать хлеб!

Он снял с ушанки красную звездочку и протянул ее мальчику. Тот улыбнулся широко и радостно, крепко зажал звездочку в ладони.

Мимо шли и шли войска 1-го Украинского фронта. Они наступали на Краков. Впереди вставали Карпаты.

...После выполнения трудного задания разведчики отдышали. В землянку вошел вестовой.

— Григорий, к командиру, срочно!

За столом сидел незнакомый подполковник. Его серые глаза внимательно изучали вошедшего.

— Садитесь, товарищ Усиченко, закуривайте.

Разговор был долгим. Подполковник расспрашивал Григория о семье, где начинал он свой боевой путь, как стал разведчиком.

— Вы назначаетесь старшим группы, которая пойдет в глубокий тыл врага — высота 670, — сказал он. — Задача — разведать дороги, продвижение по ним живой силы и техники гитлеровцев. Подберите пятерых самых крепких, надежных товарищей. Возьмете радиста. В бой не вступать. Важно как можно дольше остаться незамеченными.

Через несколько часов группа Усиченко выступила в глубокий поиск. Всю ночь разведчики шли по лесам и горам, сверяя направление по компасу. На рассвете связалась со своими. Получили приказ: продолжать движение к высоте 670. К вечеру были на месте. Тщательно замаскировались.

Утро следующего дня выдалось солнечным, ласковым.

— Ух, красота-то какая! — восхищался Дмитрий Денисов. — Слово в сказке.

Мир дышал свежестью и спокойствием. Кругом Карпаты, покрытые зеленым ковром лесов. Змейками извивались ленты рек. Железная и автомобильные дороги шли рядом внизу в долине, сверкающие на солнце. Стрелки отсчитывали минуты, часы. Скоро одиннадцать.

— Слышите? — один из разведчиков приложил ладонь к уху.

Из-за гор доносился шум, он все нарастал и нарастал. Показался паровоз, который тянул 18 платформ, закрытых брезентом. Танки или орудия.

Радист тут же передал об этом в дивизию. И вот на состав спикировали советские штурмовики. Платформы с танками полетели, под откос.

И на шоссе началось движение. Стало ясно, что немцы по этим дорогам направляют резервы. И снова в эфир летят сигналы разведчиков, а через несколько минут двенадцать штурмовиков обрушивают бомбовые удары на колонну. Все перемешалось на шоссе. Подъехали две автомашины и два бронетранспортера. Они пытались расчистить дорогу, но сверху вновь пикируют наши самолеты, и загорелись автомашины, подбиты броневики.

На шестые сутки гитлеровцы запеленговали рацию. Издали доносился уже лай собак.

— Вниз, к речке! — скомандовал Григорий. — Нужно сбить со следа собак.

Не снимая сапог, шли по горной речке цепочкой. Шли час, второй... На разгоряченные лица упали первые капли дождя. Пошел ливень. «Теперь нас не найти, дождь смывает все следы», — удовлетворенно думает Григорий. Он принимает решение:

— Возвращаемся на высоту. Приказ должен быть выполнен.

Кончались восьмые сутки, как группа младшего сержанта Усиченко находилась в тылу фашистов. Уже сумерки окутывали долину, когда на шоссе появились танки.

— Сосна! Сосна! Я — Кедр! — радист спешно налаживал связь. — В восточном направлении по шоссе движется 27 танков. Координаты...

Танковая колонна не дошла до места назначения. Летчики бомбили с большой точностью.

Утром началось наступление советских войск. Оно было стремительным. Ужинали разведчики у себя в роте.

За эту операцию Григорий Прохорович Усиченко был награжден орденом Славы 3-й степени.

Март 1945 года. Советские войска были недалеко от чехословацкого города Моравска-Острава.

Младший сержант Усиченко снова ведет группу разведчиков в глубокий тыл. Она должна наблюдать за шоссеной дорогой к Моравска-Острове. В штабе дивизии предупредили:

— В том районе действуют отряды чешских партизан. Нужно установить с ними связь. Как? Вам на месте будет виднее.

Группа за линией фронта. По лесным тропинкам она уходит все дальше и дальше от своих — на десять, пятнадцать, двадцать пять километров. Радист держит постоянную связь. Переправились через реку Одра, вот и шоссе. В эфир полетели зашифрованные сообщения о передвижении гитлеровцев. На одном месте долго не оставались, чтобы не запеленговали рацию.

Кончались продукты. Что делать?

— Рискнем, — решил Григорий, — зайдем в ту маленькую деревушку, что прилепилась на склоне горы у изгиба реки.

Пошли вдвоем. Долго наблюдали, прежде чем зайти в крайний дом. Все спокойно, кажется, немцев нет.

— В случае чего отходи, — приказал Григорий товарищу и решительно поднялся на крыльцо.

В чисто прибранной комнате за столом сидели три женщины. Они с удивлением смотрели на высокого парня в маскировочном халате. Он откинул капюшон, на шапке — красная звездочка.

— Я русский, разведчик, — сказал незнакомец.

Одна из женщин подошла к окну, отдернула занавеску. И через минуту в комнату вбежал парнишка лет пятнадцати.

— Русские, — радостно воскликнул он и бросился на шею Григория.

Деревня была партизанской. Немцы здесь показывались редко. Парнишка попросил Григория подождать и убежал.

Спустя некоторое время разведчики были в партизанском отряде. Крепкие объятия, встреча вылилась в короткий митинг. Командир отряда, невысокий сутуловатый, в очках (он был школьным учителем), сказал:

— Мы должны помочь советским братьям выполнить боевую задачу.

Шесть суток разведчики передавали ценные сведения о передвижении вражеских войск. Чешские партизаны помогали выбирать очень выгодные позиции для наблюдения. Краснозвездные самолеты точно накрывали бомбовыми ударами танковые колонны, живую силу и технику гитлеровцев.

На восьмые сутки советские танки стояли на улицах Моравска-Остравы. Радостно встречали жители города своих освободителей — советских танкистов, выносили им молоко, хлеб.

А разведчики Григория Усиченко вместе с отрядом чешских партизан громили отступающих эсэсовцев. Григорий лежал за пулеметом. Вдруг какая-то страшная сила резко рванула его правую ногу. Оглянулся — нога цела. Только после заметил, что пулей, словно острым ножом, срезало подошву сапога. Товарищи шутили:

— Надо же, специально искала каблук Усиченко.

Задело и ногу. Выздоровел скоро. За смелую операцию разведчику вручили орден Славы 2-й степени.

Боевой путь Усиченко лежал дальше — в Германию. Вместе со своей частью дошел до Одера, форсировал его. Все ближе и ближе логово врага — Берлин. Чуть ли не каждую ночь водил группу в разведку, брали пленных.

Блокировано шоссе Берлин — Вена. Здесь Григорий находился неделю. И вот он торжественный миг — 9 мая — День Победы!

Но в лесах, чащобах полно эсэсовцев. Немало их выловили разведчики из «лисьих нор», болот и трясин.

В 1945 году Григорий Прохорович Усиченко стал полным кавалером высшей солдатской награды — ему вручили позолоченный орден Славы 1-й степени.

Впереди была мирная жизнь. С тех пор прошло более 25 лет. Сейчас Григорий Прохорович Усиченко — бригадир бетонщиков. Его коллектив — один из лучших не только в управлении «Коксохимстрой», но и в тресте

«Челябметаллургстрой». За плечами десятки крупнейших строек.

Рассказ о бывшем фронтовом разведчике Григории Прохоровиче Усиченко хочется закончить словами его товарищей по труду.

— Сколько лет знаем Григория Прохоровича, — говорят они, — столько не перестаем восхищаться твердостью его характера, умением понять человека, подбодрить, поддержать в нужную минуту. А как прекрасно работает он — залюбуешься! Даже самое трудное задание, как говорится, выполняет с песней. Такова у него закалка.

А. Михеев ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

В. В. Журавлев

Пожелтевший листок фронтовой газеты от 23 июля 1942 года. Скупые строчки рассказывают:

«Советский самолет был подожжен огнем зенитной артиллерии противника. Пламя все больше распространялось, обжигая лица отважных летчиков, машина теряла управление. Гибель была неизбежной. Тогда летчик Дивиченко принимает решение. С бреющего полета он направляет горящий самолет в проходившую по дороге колонну автоцистерн с горючим. Взрыв потряс воздух. Немцы дорого заплатили за жизнь четверых советских патриотов. Родина никогда не забудет имена героев-комсомольцев летчика Дивиченко, штурмана

Журавлева, стрелка-радиста Мысикова, воздушного стрелка Ежова, отдавших свою светлую жизнь во имя победы над озверелыми гитлеровскими оккупантами».

А вот что сообщало Совинформбюро о боевых делах Дивиченко и его товарищей, повторивших подвиг Гастелло.

«При налете на аэродром противника самолет был подбит вогнем артиллерии и одновременно атакован истребителями. Десять самолетов было уничтожено нашими летчиками при налете на этот аэродром».

Армейские газеты пестрели заголовками: «Бессмертный подвиг летчиков Дивиченко, Журавлева, Мысикова и Ежова», «Их имена Родина никогда не забудет», «Огненный таран четырех смелых», «Подвиг четырех комсомольцев».

Вскоре стало известно, что во время тарана погиб лишь стрелок Ежов, а остальные члены мужественного экипажа остались в живых. Об этом легендарном подвиге летчиков-комсомольцев рассказала в передовой статье «Комсомольская правда» от 7 августа 1942 года. В ней есть такие строки:

«Когда-нибудь об этом подвиге народ сложит легенды, и они будут жить долгие века, как живут в народе былины о русских богатырях. словно символ великой стойкости предстанет этот подвиг перед нашими внуками и будет вечно напоминать потомкам: учитесь у них».

Это им тогда Демьян Бедный посвятил свое стихотворение^[3].

В бензиновый бак вогнал снаряд фашист проклятый,
Бомбардировщик наш, весь пламенем объятый,
Его геройский экипаж
Направил, совершив предсмертный свой вираж,

На вражий эшелон автоцистерн с горючим.
Взрыв. Вопли. Бомбовой обрушен метко груз.
Фашистским гадинам очковым, злогремучим,
Утехой было бы: погиб и страшный «рус»!
Но вихревым толчком могучим —
Фашистской сволочи назло —
Горящий самолет в тыл вражий отнесли.
Из четырех бойцов в живых осталось трое.
Со скорбью о своем товарище-герое
Они сквозь вражий фронт пробились в свой отряд.
Глаза их молодой отвагою горят.

Узнали об этом подвиге и в Златоусте. Ведь штурман Владимир Журавлев жил и учился в Златоусте, здесь, как в шутку говорит он, более сорока лет назад началась его «летная карьера».

— До 1932 года я с родителями жил в Златоусте, — рассказывает Владимир Журавлев, ныне заслуженный штурман-испытатель СССР. — Мне было одиннадцать лет, когда энтузиасты «летнего дела» восстанавливали где-то раздобытый старинный биплан «Авро», и я, горевший желанием полетать, решил помочь им. Достал крылья и хвостовое оперение дореволюционного «Фармана», которые валялись на чердаке бани. После продолжительных наших трудов и стараний «Авро» был готов. Мне разрешили участвовать в рулежке на пруду (это было зимой), во второй кабине. Летать нам, конечно, категорически запретили, но позже мы все же полетели и... наш самолет разбился. Высота была небольшая и «летчики» (в том числе и я) отделались испугом и легкими травмами. Вот таков был финал моей первой попытки летать.

* * *

Началась Великая Отечественная война. Журавлева направили на тыловой аэродром, где летчики обучались

управлению авиационной техникой. Николай Дивиченко, командир экипажа, оказался хорошим боевым товарищем.

— Мы должны так владеть техникой, чтобы в любой обстановке выходить победителями из боя, — часто повторял он.

...Наконец, пришел долгожданный приказ. С аэродрома тяжело поднимаются бомбардировщики. В воздухе и экипаж Дивиченко. Штурман Журавлев прокладывает боевой курс к цели.

— Пересекли линию фронта! — доложил он.

— Открыть люки! Приготовиться! — слышалось в наушниках.

Это командует штурман группы лейтенант Дымо. От ведущего самолета отрывается бомба и стремительно несется вниз. Преодолев волнение, Владимир тоже открывает люки, сбрасывает бомбы.

— Прямое попадание!

На следующий день получено новое задание.

— Обнаружен аэродром «мессершмиттов» — сказал командир дивизии Антошкин. — Аэродром хорошо охраняется зенитной артиллерией и самолетами. Первым к аэродрому пойдет звено младшего лейтенанта Минеева. Чтобы отвлечь внимание гитлеровцев, машины пойдут до цели на малой высоте.

К взлету все готово. Экипажи воздушных кораблей выстроены возле машин.

— Вы получили очень ответственное задание, — обратился к летчикам комиссар полка Черноусов. — Прорваться к аэродрому и уничтожить его, показать пример всему полку, что для комсомольцев нет преград, когда дело идет о свободе нашего народа, нашей Родины!

Бомбардировщики поднялись в воздух. Наступило утро 21 июля 1942 года.

— Под нами Ольховка! — слышался в наушниках голос младшего лейтенанта Минеева.

— Скоро будет Марьевка, — определил Владимир Журавлев, делая пометку на карте. — Остались считанные километры.

В условленное время звено лейтенанта Минеева появилось над целью. Немцы, видимо, поняли замысел наших летчиков. Несколько истребителей погнались за советскими самолетами, а остальные остались охранять аэродром.

— Подходим к Марьевке! — известил Журавлев.

Рядом, за бортом, послышался хлопок взрыва зенитного снаряда. Потом еще и еще... Вспыхнул самолет Минеева: прямое попадание.

— Прорвемся, хлопцы! — услышал Журавлев в наушниках шлемофона голос своего командира.

— Нас атакуют истребители! — сообщил радист Мысиков.

Два «мессершмитта» неслись на советский бомбардировщик. Забил пулемет. Это радист Мысиков открыл огонь по немецким истребителям. И вдруг левое крыло красnozвездного самолета вспыхнуло ярким пламенем.

— Сколько до цели? — спросил Дивиченко у Журавлева.

— Восемь километров.

— Выводи точно на стоянки! — голос Дивиченко был спокойным. — Погибать — так и врагам не жить! — решительно сказал он.

Журавлев сбросил верхний аварийный люк и переложил карту из планшета за ворот гимнастерки. Потом стал освобождаться от подвесной системы парашюта.

— Выходим на цель, — крикнул он и открыл бомболюки.

Смертоносный груз оторвался от самолета и стремительно полетел вниз. Немецкий аэродром был забит самолетами. Сверху они казались игрушечными. «Мессершмитты» стояли плотно друг к другу, в несколько рядов.

Мысиков и Ежов не отрывались от пулеметов. А пламя уже охватило всю машину...

— Ребята! — крикнул Мысиков — Ежов убит. Я горю! Продолжаю огонь!

Судорожно хватая воздух, Журавлев продолжал бомбить аэродром. Сжимая штурвал, Дивиченко пристально

всматривался в какую-то точку на земле.

— Хлопцы! — голос его сорвался. — Тараню-ю...

Машина резко теряла высоту. Метались в угаре гитлеровцы: прямо на них летела огненная лава.

— Коля! — крикнул Журавлев. — Бросаю последние две бомбы. Прощай, дружище!

Дивиченко не слышал его слов. Он видел стремительно приближающиеся верхушки деревьев. Видел дорогу, по которой только что подошли к аэродрому бензовозы.

У самой земли от горящего самолета отрываются еще две бомбы. Страшный взрыв потряс землю. Это рвались машины с горючим. Мощная взрывная волна подбросила горящий бомбардировщик и, словно щепку, выбросила за аэродром. Самолет пробороzdил по вершинам деревьев и, ломая крылья, свалился в овраг.

Сильный треск горящего металла привел Журавлева в чувство. С большим трудом он открыл глаза. Долго не мог сообразить, что с ним произошло. Попробовал пошевелиться — страшная боль резанула поясницу. Превозмогая ее, отстегнул привязные ремни и вывалился из самолета. «Земля! Неужели жив? Что с командиром?»

Кабина Дивиченко была открыта. Журавлев подполе к ней и увидел командира. Дивиченко неподвижно висел на привязных ремнях. Руки по-прежнему сжимали штурвал самолета. Лицо было залито кровью.

— Жив, Коля! — обрадовался Журавлев. Он ножом перерезал ремни и помог командиру выбраться на землю.

Из поврежденного ударом фюзеляжа сквозь дым показался радист Мысиков. Он бросился на траву и стал кататься, чтобы погасить пламя на одежде.

— Братцы! Победа! — Мысиков стал обнимать Журавлева, потом Дивиченко. За деревьями на аэродроме пылало зарево пожарища.

— Уходить надо. Понимаете, уходить, — торопился Журавлев. — Каждую минуту здесь могут появиться немцы. Они обязательно будут искать наш самолет.

Едва успели летчики скрыться в кустарнике, как прыгая на ухабах, к советскому бомбардировщику уже мчался

немецкий мотоцикл.

— Без команды не стрелять, — предупредил Дивиченко, — патроны беречь!

Мотоцикл остановился. С автоматами в руках немцы бросились к самолету. Они увидели погибшего Ежова.

— Теперь нас бросят разыскивать, — произнес Мысиков.

Но немцы повернули обратно.

Летчики осторожно спустились в овраг и заползли под мост через речушку, Владимир Журавлев развернул карту, достал маленький компас.

— До линии фронта километров сто двадцать...

— Ничего, пробьемся, — с надеждой в голосе сказал Дивиченко. — Мы должны жить, чтобы умирали фашисты.

Когда летчики выбрались из оврага, они увидели неподалеку деревушку с единственной улицей. На краю деревни стояла зеленая немецкая автомашина и гусеничный тягач.

— Если деревушка занята противником, то где же он? Улица пустынна, — рассуждал вслух Журавлев. — Выход один: надо пробраться в деревню и переодеться. Пусть даже в деревне немцы. Но там есть наши, советские люди. Они помогут.

— Рискованно...

— И все же надо идти, — настойчиво заключил штурман. — Разрешите мне. Запомните: если в деревне немцы, я махну левой рукой, если их нет — правой.

До деревни Журавлев добирался осторожно, до боли в глазах всматривался в улицу, вслушивался в каждый шорох. Вот и огороды. Журавлев перелез через прясло и пошел к хате. На крыльце, спиной к нему, стояла женщина. Услышав шаги, она обернулась и присела от неожиданности.

— Не бойтесь, мама! Я — русский. Летчик. Немцы в деревне есть?

— Нет, сейчас нет, — ответила она, оправившись от испуга.

Владимир пошел следом за женщиной в хату.

— Гостя вот привела, — сказала женщина мужу. — Наш летчик.

— Милости просим! — поздоровался хозяин. — Откуда бог послал?

— Чуть ли не с того света, отец, — отшутился Журавлев.

— Это ваша работа? — спросил хозяин, кивнув на окно, где не утихало зарево пожара.

— Наша, — тихо ответил Журавлев.

— Молодцы, доброе дело сделали! А тебя, видно, сбили?

— Не один я. Трое нас.

И вот уже все трое сидят за столом.

— Придется вам крестьянскую одежду примерять, — говорит хозяин. — Сейчас отдохайте, а я схожу к дружкам. Что-нибудь раздобудем!

— Отдыхать некогда, отец, — запротивился Дивиченко. — Спасибо за помощь.

— Жена! Приготовь ребятам на дорогу хлеба да картошки. Собери все, что есть. А это, — обратился он к летчикам, — надевайте, — и протянул пару брюк и рубах. — Мало? — И он стал снимать с себя одежду.

— Спасибо, папаша! — сказал Журавлев, крепко сжимая руку хозяина. — Живы останемся, напишем. Как звать-то?

— Иван, — ответил тот, — Иван Гус. А деревня наша Копани. Кончится война, так и пиши: Копани, Ивану Гусу.

...Рассвет застал летчиков в мелколесье. Они лежали в зарослях шиповника. Справа, по лесной дороге, то и дело проносились машины и мотоциклы с гитлеровцами. Слева доносился лай собак.

— Кажется, влипли, — произнес Николай Дивиченко. — Наверняка немецкие овчарки напали на наш след.

— До линии фронта километров двадцать пять, — подсчитал Журавлев. — Идти будет особенно трудно.

— Выход один, — вдруг сказал Николай Дивиченко. — Вон на пригорке стоит деревушка. Нужно успеть добраться до нее.

— Но ведь там немцы.

— Нарвем травы, — произнес Дивиченко — и с вязанками войдем в деревню. Фашисты посчитают нас за местных

жителей.

...На длинной улице деревни было оживленно. Немцы возились у автомашин и танков, чистили оружие. Маленькая площадка у колодца превратилась в парикмахерскую. Раздевшись по пояс, немцы намыливали головы, брили щетины. Редко подходили женщины, молча набирали воду и уходили под циничный хохот гитлеровцев.

А посередине улицы шли советские летчики. Они несли на плечах вязанки душистой травы. За пазухой у каждого — пистолеты. Каждый из них был готов к бою, каждый из них дорого бы отдал свою жизнь.

Журавлев замедлил шаг. Справа, из здания — вероятно, здесь раньше была школа, — слышались голоса. На высоком крыльце стояли два солдата с автоматами наперевес.

— Видно, здесь размещается штаб, — шепнул Владимир товарищам. — За нами наблюдают. Не обращайтесь внимания.

Часовые подозрительно осматривали трех крестьян с вязанками травы. У забора Владимир Журавлев заметил женщин. Они сидели на сбитом телеграфном столбе. Журавлев подошел к ним, бросил вязанку.

— Милые, не пугайтесь! — тихо попросил он, присаживаясь. — Делайте вид, что знаете нас.

И тут произошло неожиданное. Одна из женщин сорвалась с места и набросилась с кулаками на Журавлева:

— Где это тебя черти носят! С утра ушел и как в воду канул. А дома крыша совсем развалилась.

Журавлев виновато переносил тумачи.

— Да отстань ты, окаянная! — вяло отмахивался он. — Вот привязалась.

Он выскочил на дорогу, где его поджидали товарищи. Часовые у штаба успокоились. Они решили, что подозрительные мужики — из этой деревушки. Журавлев подошел к колодцу, наклонил ладью и долго пил. Это вконец рассеяло подозрение немцев.

И вот они снова идут, путаясь в колючих кустах, скрываясь в высокой траве.

— Подходим к линии фронта! — определил Журавлев.

— Стойте! — остановил Николай Мысиков. — Слышите? Вода! Это Дон!

Летчики остановились. Кругом стояла томительная тишина. Мысиков первым бросился на пригорок. Друзья побежали следом за ним. Вот они уже спустились с крутого берега, залезли выше колен в воду и с жадностью пили ее, наслаждаясь прохладой. И вдруг забил немецкий пулемет. Летчики бросились в воду. Они были уже на середине реки, когда с нашего берега по немцам ударили минометы и отплыла лодка с двумя солдатами.

— Свои! Свои! Братцы... — радовался Мысиков, хватаясь за борт лодки.

Сильные руки подхватили Дивиченко.

— Спасибо, ребята! Я сам, — улыбался неизвестному солдату Владимир Журавлев.

Так, на шестые сутки, Дивиченко, Журавлев и Мысиков перешли линию фронта. Они были среди своих. Им оказали медицинскую помощь и направили в свою часть.

Боевые вылеты продолжались. В суровых боях погиб Николай Дивиченко. Неизвестна судьба радиста-пулеметчика Николая Мысикова. Десять раз уходил от смерти Владимир Журавлев. Более 150 боевых вылетов сделал он во время Великой Отечественной войны.

* * *

Отгремели битвы. Владимиру Владимировичу Журавлеву предложили работать на авиационном заводе. Ему предстояло стать испытателем новых машин в мирном небе. Журавлев стал летать на машинах, превышающих скорость звука, летать преимущественно в стратосфере.

Количество испытанных им машин подходило к тысяче. Владимир Владимирович работал на замечательных самолетах известных конструкторов А. Н. Туполева, С. В. Ильюшина, В. М. Мясищева. Ему пришлось работать плечом к плечу с прославленными воздушными мастерами, летчиками-испытателями В. К. Коккинаки, М. Л. Галлаем,

Н. А. Грацианским и многими другими, чьи имена золотыми буквами записаны в историю развития отечественной авиации.

— В 1952 году, — рассказывает Журавлев, — первомайский воздушный парад над Красной площадью в Москве должен был возглавить новейший скоростной самолет. Первого Мая в назначенный срок экипаж испытателей занял места в новой машине. Рядом со мной — флаг-штурман ВВС. Он отвечал за сбор всей воздушной армады в общий строй, а я должен был обеспечить точный по времени проход над Красной площадью.

Когда золоченые стрелки часов на Спасской башне Кремля показывали 10.30 и тяжелые танки загрохотали по серым плитам Красной площади, в воздухе с нарастающим пронзительным свистом появилась серебристая стрела с красными звездами на крыльях. Люди с восхищением провожали глазами стремительную птицу — ракету. Флагман вел златоустовец, штурман-испытатель, коммунист Владимир Владимирович Журавлев.

...Вот что написал на фотографии, лично подаренной штурману, Юрий Гагарин:

«Журавлеву Владимиру Владимировичу в память о первом космическом полете. Поздравляю Вас с Новым 1962 годом и желаю в новом году крепкого здоровья и больших успехов в работе».

В мае 1965 года В. В. Журавлев входил в состав экипажа летчика В. Колошенко: авиаторы на вертолете МИ-10 подняли на высоту 7137 метров 5175 килограммов груза, установив новый мировой рекорд.

20 марта 1965 года В. Журавлев отметил замечательную дату: 25-летие службы и 20-летие работы штурманом-испытателем. Общественные организации Златоуста направили меня к Журавлеву в Москву для вручения сувенира «Крылатый конь». Этот сувенир выполнен златоустовскими художниками по металлу. На нем именная гравировка:

«Нашему земляку В. В. Журавлеву в день 25-летия летной службы от трудящихся индустриального Златоуста».

В. Журавлев вручил мне для нашего местного музея саблю — трофей.

Вот что написал он:

«Трудящимся индустриального Златоуста, города моей юности, дарю офицерскую саблю — военный трофей, взятый мною в логове фашистского зверя — в имперской канцелярии Гитлера в Берлине в мае 1945 года, — в знак моего глубочайшего уважения к трудовым и ратным подвигам рабочих и воинов прославленного Урала, совершенным в годы Великой Отечественной войны».

И. Диденко

ПОДВИГ АРКАДИЯ ХОДОВА

У каждого воевавшего на фронте и вернувшегося домой что-то сохранилось и осталось на долгую память от войны. Мой однополчанин Александр Шингарев до последних дней своей жизни носил при себе любовно вышитый красный кисет. Его, по желанию девушки из Баку, командир танковой бригады полковник Вовченко вручил отважному танкисту за дерзкую вылазку в тыл противника под Ржевом.

Танкист-доброволец с Челябинского тракторного завода Сергей Потапов до сих пор бережно хранит пилотку со звездочкой, полученную в мае 1945 года в Берлине. В личном архиве рабочего Челябинского завода имени Колющенко Николая Агапова есть пожелтевшая от времени армейская газета «За нашу Советскую Родину!» В ней опубликована заметка, в которой рассказывается о том, как Агапов на свои сбережения купил танк «Т-34» и отважно сражается с врагом.

Есть и такие фронтовики, у которых не сохранилось ни кисетов, ни полинявших пилоток, ни пожелтевших газет — у них остались на память от войны лишь зарубцевавшиеся раны, а у кое-кого и металл в теле. Далеко на Украине живет мой фронтовой друг Григорий Потеряйко. Памятью от войны «бродит» в его организме осколок вражеской мины. Врачи и сегодня не решаются его извлечь.

Но, пожалуй, из всех фронтовиков, каких я хорошо знаю и помню, самую ценную реликвию военных лет сохранил до наших дней гвардии старшина запаса Аркадий Ходов, фотокорреспондент газеты «Челябинский рабочий», — это фотографии, повествующие о боевом пути одного из прославленных танковых корпусов, его героях.

Ходов в юношеские годы не мечтал о профессии фотокорреспондента, хотя и тянулся к фотографии. Увлечение сына заметил отец. Но купить в тридцатые годы фотоаппарат было нелегким делом. Он продавался в

торгсине на золото и серебро. В крестьянской семье, конечно, таких ценностей не водилось. Помог Аркадию осуществить его мечту старший брат. Он уговорил отца и мать продать в торгсин... иконы и на вырученные деньги купить фотоаппарат.

— Попробуй, братишка, освоить эту технику, — сказал старшой. — Возможно, она тебе в жизни пригодится. Аркадий дрожащими руками принял подарок брата. Но вскоре дрожь в его руках прошла, и он уверенно стал «щелкать» затвором объектива. В тридцать девятом году поступил на работу в «Челябинский рабочий». Но недолго ходовские снимки украшали газетные полосы. Время было тревожное, и Аркадий ушел служить в Красную Армию. На фронте Ходов не был специальным фотокорреспондентом. Он занимал в боевом отделении танка место артиллериста. Но всю войну не расставался с подарком брата. И нередко в танковой атаке вслед за выстрелом из пушки Ходов тут же, отбрасывая со звоном крышку люка, под свист вражеских пуль высовывался по пояс из башни и производил еще один меткий выстрел — «ФЭДом». Запечатлен для истории еще один факт: горят фашистские танки.

Через всю войну Аркадий Георгиевич прошел на танке, с пистолетом и фотоаппаратом в руках. Он сделал сотни, тысячи неповторимых снимков, которым цены нет. В годы Великой Отечественной войны снимки Ходова наглядно, зримо прославляли наше боевое оружие, показывали мужество и отвагу советских воинов, отличившихся на полях сражений, звали солдат и офицеров на ратный подвиг, вселяли в людей веру в нашу победу.

Сегодня фронтовые снимки Ходова стали иллюстрациями в книгах советских полководцев, экспонатами исторических музеев. Его фотографии напоминают, документально подтверждают, как нелегко досталась советским людям победа, воскрешают память о тех, кто завоевал ее в жестокой битве с фашизмом.

Вот первые два снимка, сделанные в тревожном сорок первом и тяжелом сорок втором годах. Примечательна история их.

...Начальник политотдела 112-ой танковой дивизии полковой комиссар Шалунов, выступая перед бойцами, назвал имена отличившихся в бою танкистов-южноуральцев: старшего лейтенанта Василия Ивановича Макшанцева, техника-лейтенанта Василия Ивановича Похлебаева и старшины Николая Ивановича Гаева.

— Сегодня эти отважные воины идут снова на выполнение ответственного задания командования дивизии. Мы уверены, что они его с честью выполнят.

На этой беседе присутствовал и А. Ходов. Он разыскал своих земляков, тут же сделал снимок и направил его в «Челябинский рабочий» (снимок 1). А ночью Макшанцев, Похлебаев, Гаев и их боевые друзья отправились на новое боевое задание.

Снимок 1

Было это так.

...Командир тяжелого танка «КВ» Василий Макшанцев получил боевой приказ — ночью поставить свою машину в засаду на стыке двух дорог, ведущих к Москве. Танкисты

под покровом темноты врыли танк глубоко в землю, искусно замаскировали его. К рассвету все было готово. С восходом солнца на дороге появилось пять-вражеских мотоциклистов. «Разведчики», — решил командир танка и отдал приказ членам экипажа — не обнаруживать себя.

Мотоциклисты пронеслись на полном ходу мимо нашего танка, стоящего в засаде. Прошло полчаса, и они вернулись обратно. Их доклад, как видно, обнадежил командира немецкой танковой части. На горизонте показалась вражеская танковая колонна. Вслед за ней двигались автомашины с автоматчиками.

— Стрелять только по моей команде, прямой наводкой, в упор, — приказал Макшанцев.

Расстояние между советским танком и вражеской колонной быстро таяло. Уже хорошо был слышен рев машин и походный марш, который горланили автоматчики под трель губных гармошек. По дороге двигались двенадцать танков «Т-III» и четыре автомашины.

— Сейчас мы уйдем этих весельчаков, — зло сказал механик-водитель Похлебаев.

Колонна поравнялась с ориентирами, заранее выбранными нашими танкистами. Макшанцев подал команду радисту-пулеметчику Алексею Карпову.

— Огонь по автоматчикам!

А сам один за другим посылал бронебойные снаряды из танковой пушки в самую гущу вражеской колонны. Раздались оглушительные взрывы. По серой броне ведущего и замыкающего танков, а потом и машине в середине колонны побежали золотистые змейки пламени. Железный поток в каких-то десятках минут окутали густые клубы черного дыма. Дорога оказалась наглухо закупорена огнем смерчем. Не ожидали свинцовой встречи и автоматчики. Многие из них так и не сумели покинуть горящие машины. В стане врага паника. Те танки, которые еще уцелели от меткого огня Макшанцева поторопились убраться восвояси.

Прошло три часа. Враг решил во что бы то ни стало уничтожить советский танк. Гитлеровцы открыли бешеный

артиллерийский огонь. Они методично, квадрат за квадратом перепахивали снарядами и минами наш передний край. Прошел еще час. Немецкие артиллеристы перенесли огонь в глубину наших позиций. И снова на горизонте появились немецкие танки. На этот раз они шли не колонной, а острым клином, поодаль один от другого. Макшанцев поджег еще две вражеские машины. Но снаряды кончились. Макшанцев приказал механику-водителю покинуть укрытие и идти на таран. Силы были неравны. Когда Похлебаев вывел машину из окопа, враг открыл по ней губительный огонь. Тотчас несколько снарядов угодило в борт и башню. В боевом отделении, отделении механика-водителя брызнули осколки брони. По машине пополз едкий дым. Заглох двигатель. Погасли плафоны. От разрыва снаряда в боевом отделении убиты артиллерист и заряжающий. Серьезно ранен в голову командир машины. Броневой осколок впился в ногу механика-водителя.

...Танковый экипаж Василия Макшанцева выиграл поединок с восемнадцатью танками врага. Продвижение противника в сторону Москвы было задержано на пять часов. Ночью гитлеровцы решили эвакуировать танк «КВ» в свой тыл. Но к этому времени механик-водитель вместе с радистом-пулеметчиком устранили неисправности в машине. Не выдавая себя, они молча наблюдали, как враги старательно укрепляли трос к их машине. «Крепите, крепите, да получше, — шептал Похлебаев, — посмотрим, чья возьмет!» Василий хорошо знал силу своего могучего танка.

В тот момент, когда немецкие тягачи уже были готовы двигаться в путь, Похлебаев открыл вентиль воздушного баллона. Машина ожива. Ровно зарокотал двигатель. Немецкие солдаты, не понимая, что случилось, повыскакивали из кабин тягачей. А тем временем Похлебаев, включив передачу и плавно опустив рычаг сцепления, нажал до отказа на педаль подачи топлива. Советский танк вместе с тягачом устремился к своим позициям. Когда Василий Иванович привел на передовую

свою машину, то на ней оказалось 133 вмятины от вражеских снарядов! (Снимок 2).

Снимок 2

Снимки военных лет А. Ходова, которые публиковались в «Челябинском рабочем», были самым дорогим подарком для родных и близких воинов. Каждая такая фотография вызывала у них и радость, и законную гордость. И не только родных и близких. Вот что по этому поводу писалось в одной из заметок, напечатанных в газете:

«На всем протяжении фронта Великой Отечественной войны мужественно дерутся за Родину сыны советского народа. Вместе с украинцами и белорусами, жителями солнечного юга и сибирских городов беспощадно громят врагов уральцы. Физически выносливые, выросшие на лоне суровой уральской природы, они быстро осваиваются во фронтовой обстановке, становятся мужественными воинами.

В прошлом сотрудник нашей редакции, фотокорреспондент тов. А. Ходов находится сейчас в рядах Действующей армии. Часть, в которой он служит, за выполнение правительственных заданий награждена орденом Красного Знамени. Вместе с тов. Ходовым служат в этой части и другие челябинцы. Это храбрые бойцы и командиры, неоднократно отмеченные командованием.

Мы публикуем новые снимки нашего фотокорреспондента тов. Ходова. Слева направо: командир тяжелых танков орденоседец старший лейтенант Макшанцев Василий Иванович. До войны тов. Макшанцев работал заведующим базой Саткинского отделения Челябторга. С начала пребывания на фронте тов. Макшанцев участвовал более чем в 50 танковых боях, при этом уничтожил 15 танков, 7 противотанковых орудий и несколько сот солдат и офицеров.

В центре — бывший водитель Юрюзанского лесозавода, нынче техник-лейтенант Похлебаев Василий Иванович. Только в последнем бою тов. Похлебаев своим тяжелым танком уничтожил 5 танков противника и до 100 вражеских солдат и офицеров.

Крайний справа — бывший тракторист Гороховской МТС Юргамышского района старшина, командир орудия тяжелого танка тов. Гаев Николай Иванович. Отлично овладев орудием, тов. Гаев только в последних боях уничтожил 5 дзотов, 4 танка, 3 противотанковых орудия, несколько пулеметных точек и до роты вражеских солдат.

Слава героям-фронтовикам — нашим землякам!»

Посмотрим еще несколько работ А. Ходова.

Январь 1943 года. В жизни 112-й танковой бригады (теперь она называлась не дивизией, а бригадой. — **Прим. автора**) произошло знаменательное событие: в гостях у ее воинов побывала делегация Монгольской Народной

Республики во главе с премьер-министром маршалом Чойбалсаном. Трудящиеся МНР шефствовали над бригадой и на свои сбережения приобрели танки. Их в торжественной обстановке вручил воинам маршал Чойбалсан. Аркадий Ходов уловил удачный момент — запечатлел вдохновенно выступающего перед танкистами премьер-министра МНР маршала Чойбалсана (снимок 3). В день отъезда монгольских друзей им вручили подарок — альбом, рассказывающий о боевом пути бригады, ее воинах-героях. Снимки для этого альбома подготовил А. Ходов.

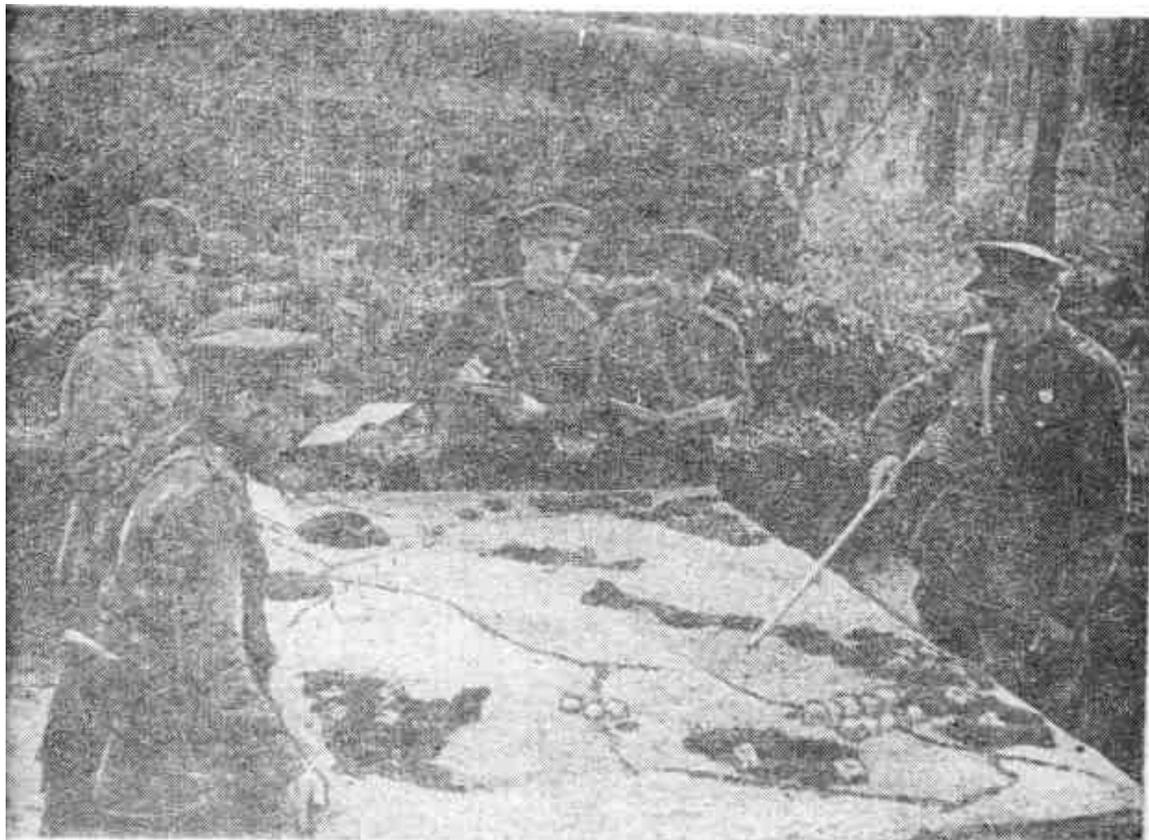
Снимок 3

Июль 1943 года. Впереди Курская битва. Стоят, готовые ринуться вперед, замаскированные танки. Командир бригады подполковник М. Т. Леонов (справа), начальник штаба подполковник И. И. Гусаковский в последний раз

уточняют маршруты наступления батальона (снимок 4). Среди офицеров (третий справа) наш земляк — помощник начальника политотдела бригады, ныне работник Южно-Уральского арматурно-изоляторного завода М. П. Белобородов.

Снимок 4

А дальше — бой. Жестокий, жаркий. Настоящая танковая сеча. Танкисты 112-й бригады вышли победителями. Гитлеровцы хотели прорвать нашу оборону, захватить инициативу в свои руки. Не вышло. Меткими залпами сотен артиллерийских батарей и знаменитых «катюш», танковыми ударами наши славные воины преградили путь фашистам и повернули их вспять. На снимке 5 вы видите, как от грозного «тигра» осталась на поле боя лишь груда бесформенного металла. Сделал этот снимок А. Ходов сразу же после танковой атаки врага. За участие в Курской битве Аркадий Ходов награжден медалью «За боевые заслуги».

Снимок 5

Красная Армия продолжает победоносное наступление на запад, освобождая от фашистов родную землю.

Бои. Бои. Бои. Их уже ведут танкисты на молдавской земле. Бригада вышла к Днестру. На западном берегу наши части захватили плацдарм, и танкисты спешили на помощь. Ждать, когда саперы наведут переправу, некогда, и машины пошли вброд (снимок 6). И прошли. Только вот Ходов, пока делал снимки, выкупался в днестровской воде.

Снимок 6

— Не беда, — рассказывает Аркадий Георгиевич. — Зато кадр получился изумительный.

Апрель 1944 года. Войска 1-го Украинского фронта вышли к восточным Карпатам. Многострадальный край свободен от оккупантов. Из лесов, из землянок тянутся к советским танкистам местные жители — дети, женщины, старики. Сколько волнующих встреч! В одном из сел в районе города Черновцы советских воинов с хлебом и солью встретил бывший унтер-офицер русской армии, георгиевский кавалер. В годы первой мировой войны за героизм, проявленный в боях с немцами, он был награжден тремя Георгиевскими крестами. На снимке 7 вы видите его беседующим с бойцами 44-й гвардейской танковой бригады.

— Счастья вам, боевой удачи, родные, — напутствовал русский патриот советских воинов.

Снимок 7

К тому времени А. Ходов был награжден второй медалью — «За отвагу». Он был удостоен ее за успешное форсирование реки Днестр.

Впереди — новые ожесточенные бои. Гвардейцы 44-й танковой бригады сходу ворвались в город Ландсберг. Улицы забаррикадированы, каждый дом приспособлен к длительной обороне. Танкисты успешно преодолевают и эти преграды. Аркадий Ходов выскочил на мотоцикле вперед нашей танковой колонны, идущей по главной улице Ландсберга, попросил механика-водителя ведущей машины задержаться на минутку (снимок 8). «Щелкнул» затвором объектива, и в ту же секунду из соседнего дома раздалась длинная автоматная очередь. От верной смерти нашего фоторепортера спасла баррикада, сооруженная гитлеровцами.

Снимок 8

Когда Ходов ступил на немецкую землю, его грудь уже украшали две боевые медали и два ордена — Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени.

Апрель 1945 года. Советская Армия громит врага в его собственном логове. Бойцы гвардейской 44-й танковой бригады ведут упорные бои за новые кварталы Берлина. На здании фольксштурма в предместьи Карлсхорст уже развевается красное знамя. Его лично водрузил начальник политотдела бригады В. Т. Помазаев (снимок 9). Вместе с начальником политотдела на крышу забрался и Аркадий Ходов, чтобы навсегда увековечить этот памятный момент. Пример политработника, идущего впереди атакующих врага, воодушевил гвардейцев. Они неудержимо рвутся вперед, к рейхстагу.

Снимок 9

Май 1945 года. Отгремели бои... В центре Берлина на перекрестке дорог стоит простая советская девушка в солдатской форме (снимок 10). Регулировщица направляет движение автомашин, везущих уже не снаряды и авиабомбы, а продукты для немецкого населения.

Снимок 10

Декабрь 1945 года. К тем, кто прокладывал дорогу советской пехоте, взламывал вражеские оборонительные рубежи, кто первым бросался в атаку; к тем, кто с честью выполнил свой солдатский долг и сегодня отправляется домой, — к гвардейцам-танкистам приехал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, чтобы выразить им горячую благодарность за ратный подвиг. Гвардии старшина Ходов, печатая шаг, подходит к Маршалу, просит у него разрешения сделать снимок на добрую память (снимок 11). В центре — командир 11-го гвардейского танкового корпуса, слева от него — генерал-лейтенант А. Х. Бабаджанян, ныне Маршал бронетанковых войск, слева — его заместитель, генерал-майор П. А. Гаркуша, ему жмет руку Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Снимок 11

Мы рассказали лишь об одиннадцати снимках военных лет, а их сотни в альбоме Ходова. Это подлинно человеческие документы. Они дороги всем: и тем, кто воевал, и тем, кто знает о минувшей войне по книгам или рассказам отцов и дедов.

Перелистывая фотоальбом, я увидел Почетную грамоту, которой Военный Совет 1-й гвардейской танковой армии наградил Аркадия Георгиевича. От времени грамота пожухла, но каждая ее строчка, каждое ее слово и сегодня сверкает золотом, вызывает глубокое уважение к ветерану исторических сражений:

«Участнику взятия Берлина, гвардии старшине Ходову А. Г.

Вы до конца выполнили свой долг перед Родиной в Великой Отечественной войне, прославив русское оружие на полях сражений, навеки прославили Советскую гвардию...»

Думается, трудно лучше сказать о подвиге Ходова.

В апреле 1973 года группа туристов из Челябинска побывала в Германской Демократической Республике. Вместе с ними был и А. Г. Ходов. Аркадий Георгиевич запечатлел наших земляков на фоне Бранденбургских ворот (снимок 12) и после возложения венков к памятнику воинам Советской Армии и Трептов-парке Берлина (снимок 13).

И последняя фотография (снимок 14). Ее сделал уже не Ходов, а его фронтовой друг, в Москве, в Измайловском парке, в Доме культуры. Здесь ежегодно в День Победы встречаются ветераны 1-й гвардейской танковой армии. Среди них мы видим и улыбающегося Аркадия Георгиевича Ходова, гвардии старшину запаса, фотокорреспондента газеты «Челябинский рабочий» (четвертый слева).

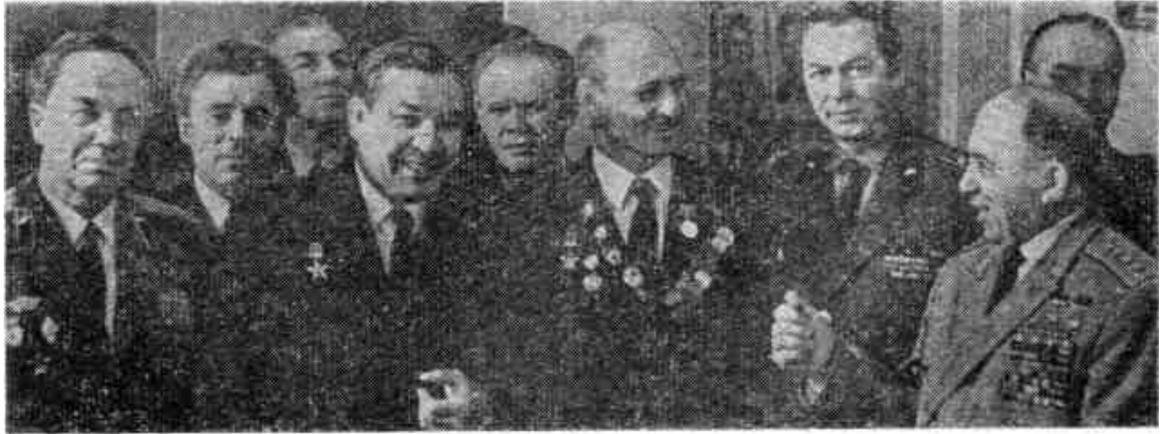
Снимок 12

Снимок 13

Снимок 14

И. Черняева **РАЗГОВОР С МАТЕРЬЮ**

К. Н. Бродягина

Если бы мне пришлось писать вам письмо, Анна Викторовна, я начала бы его так.

Помните ваш маленький домик в Верхнем Уфалее? Три его окна смотрели на улицу, широкую, заросшую мягкой травой, а еще два окна выходили в тихий проулок. Ведь правда — вы любили этот дом, хоть и был он тесноват для вашей большой семьи. Тогда, перед войной, старшему из детей — Толе — исполнилось восемнадцать, младшей — Ниночке — минуло четыре года. А между ними «лесенка»: Капа, Капелька, как ласково звали ее с первых школьных дней все домашние, еще одна дочка — Иринка, сыновья Женя и Юра.

Помните, как, бывало, по вечерам вы ждали возвращения мужа? Николай Львович работал директором

химлеспромхоза и часто уезжал на дальние лесные участки. Вы чутко прислушивались, не раздастся ли глухой перестук колес. Но нет, тихо, только ровно тикали на стене ходики да сладко посапывали дети. Вы и сами начинали дремать, как вдруг слышали, наконец, поскрипывание телеги у крыльца.

Николай Львович тихонько входил в дом, шепотом приговаривая:

— Не разбудить бы детей. Как они, Викторовна? Как Капелька?

— Да уж Капелька твоя, — притворно проворчите вы, зная, что отец с особой нежностью относится к старшей дочке.

А для вас они все были одинаково любимы. О всех вы постоянно думали, о всех заботились, не жалея сил, не зная отдыха. Каждый шаг и поступок ребятишек, каждая шалость хранится где-то в самом заветном уголке вашей памяти.

Вспомните, дорогая Анна Викторовна, какой росла Капа. В самом раннем детстве была она крепенькая, как грибок, ясноглазая, белоголовая — вся в отца. Со временем вытянулась, постройнела, а косы стали — одно загляденье — толстые, золотистые, как два больших тугих колоса.

Прибежит, бывало в школу, когда у вас идет урок. Чуть скрипнет дверь класса, и вы уж знаете — это Капитолина. Вон в щелке блестят ее глаза. Выйдете в коридор — «чего тебе?» А ей и сказать-то надо каких-нибудь два слова: что в лыжных соревнованиях заняла первое место или норму на ворошиловского стрелка сдала. Лыжи, гимнастика, санитарное дело — это у нее было первым занятием. Мечтала стать врачом.

А когда пришла война, Капа только о том и думала, как бы попасть на фронт. Ходила в военкомат, просилась в армию и всякий раз получала отказ — не доросла еще до армии, мала. И вы тогда, страшась, что вслед за Анатолием уедет она, Капелька, робко напоминали:

— Какая из тебя медсестра получится? Ты ведь крови боишься.

А она в ответ:

— Привыкну, мама.

Помните, Анна Викторовна, как после уроков Капа шла на курсы медсестер, а по ночам вместе с подругами разгружала санитарные эшелоны, ухаживала за ранеными в госпитале. Первое время домой возвращалась молчаливой, побледневшей, взволнованной тем, что приходилось пережить за долгую госпитальную ночь. А руки, без устали бинтуя раны, становились все проворнее, а глаза все суше и строже. Видя страдания людей, она училась тогда быть сильной и мужественной.

Вам до последнего времени не верилось, что скоро придется расстаться с дочкой. А она все ходила в военкомат. И, наконец, когда ей исполнилось семнадцать, военком, сломленный упорством девушки, устало махнул рукой:

— Ну что же, Девятова, быть по-твоему.

В тот день вы, как обычно, вели урок. Прозвенел звонок на перемену. В учительской вы увидели, что коллеги обступили кого-то. Они заметили вас, расступились. Перед вами стояла как будто бы Капа, и в то же время не она. Девушка что-то протянула вам — в ее ладонях лежали стриженные косы. А Капа, тряхнув мальчишечьей стрижкой, выпалила:

— Мама, я еду на фронт.

Конечно, вы гордились дочерью, знали, что она не могла поступить иначе. Но вы почувствовали, что ноги вдруг обмякли, все поплыло в каком-то тумане. Вас тут же подхватили под руки, дали воды...

Пришел отец с работы, узнал, что дочка едет на фронт, спросил севшим до хрипоты голосом:

— А портянки-то умеешь наворачивать, солдат? Давай научу.

Через полгода ушел на войну и муж. С четырьмя ребятишками остались вы тогда. Когда стало совсем трудно, сами отвели на завод тринадцатилетнего Женю — его от земли-то не видать было.

В конце лета вернулся после госпиталя один уфалеец, уходивший на фронт вместе с Капой. Вы, не помня себя, побежали к нему домой — от дочери почти полгода не было писем, вдруг он что-нибудь знает. Лучше бы не ходить к нему, лучше бы не слышать того, что он сказал. Всю ночь не сомкнули глаз, будто окаменев, лежали в тишине уснувшего дома. Раненый сказал, что Капа убита в придонских степях, что сам положил ее на носилки.

Да только ошибся земляк. Видно, за Капу Девятову в грохоте сражения принял он другую девушку.

И вот пришла радость — письмо из Сталинграда. Капа писала, что жива-здоровая, бьет фашистов и вернется домой с победой. Она успокаивала мать, справлялась об отце, о Толе, о младших братишках и сестренках. И ни слова о том, как ей трудно, как трудно всем, кто стоит насмерть у стен Сталинграда.

Недавно я встретила вашу дочку, Анна Викторовна. Это было во время поездки пропагандистов области по городам-героям. Накануне приезда в Волгоград они устроили вечер воспоминаний. Капитолина Николаевна была в нарядном костюме, на котором поблескивали семь медалей. Заново переживая те суровые дни, она рассказывала о Сталинграде. Вот тогда-то и узнала я, что Капитолина Девятова все 200 дней сталинградской битвы в составе 39-й гвардейской стрелковой дивизии сражалась на территории завода «Красный Октябрь». Собственно, завода уже не существовало, были одни развалины. Дивизия обороняла каждый метр земли, не давая фашистам прорваться к Волге.

Дивизия «ушла» тогда под землю. Бойцы обжили мартеновские печи, дымоходы, канализационные колодцы. Случалось так, что санинструктор Девятова, оберегая раненых, скрывалась в колодце. Сверху наши бойцы тщательно маскировали это место, потому что знали: им придется ночью отступить, чтобы утром с новыми силами отбить эту дорогую пядь земли.

О вашей Капе писала одна воинская газета в очерке «Гвардии Капа». Так с суровой нежностью звали вашу дочку

товарищи по оружию. А воевала она и в самом деле по-гвардейски. Об одном из подвигов газета рассказала так:

«...В октябре положение в Сталинграде было очень тяжелым. Враг, имея превосходство в силах, особенно в авиации, упорно наседал на позиции защитников Сталинграда, не давая возможности переправлять на левый берег раненых, а оттуда перебрасывать подкрепления, боеприпасы, продовольствие. Бои шли жестокие и упорные, раненые все прибывали, а перевязывать их было нечем.

В одну из ночей вызвали Капу в штаб части:

— Вам боевое задание: переправиться через Волгу и доставить оттуда консервированную кровь и перевязочный материал.

В распоряжение санинструктора выделили двух бойцов.

Легко сказать — переправиться, когда на Волге ночью светло, как днем, фашисты непрерывно «вешают» осветительные ракеты, и стоит показаться на водной поверхности кому-нибудь или чему-нибудь, как открывают артиллерийский и минометный огонь, а то еще и бомбят.

Девятова и ее помощники после долгих поисков нашли, наконец, на берегу Волги рыбацью лодку. Поплыли. Вначале все шло хорошо, но как только лодка достигла середины реки, фашисты открыли по ней огонь из миномета. До берега было еще далеко, когда одна из вражеских мин, разорвавшись поблизости, разнесла лодку. Один из бойцов был сразу убит. Капитолина и второй ее спутник поплыли к берегу. Нелегко это делать в ледяной воде. Сапоги, шинель, санитарная сумка — все намокло и тянуло ко дну.

Немного сил у 17-летней девушки, а до берега далеко. Но сознание необходимости выполнить боевую задачу и боец, для которого законы

войскового товарищества были священны, помогли ей сделать невозможное — доплыть до берега. Вскоре их, вконец обессиленных, заметили оказавшиеся неподалеку шоферы машин с боеприпасами и доставили в медсанбат.

Обогрелись там, обсушились, получили все, что нужно, и на следующую ночь — в обратный путь. Боевое задание было выполнено.

За этот подвиг Капу наградили медалью «За боевые заслуги». А через несколько дней после получения награды она отметила в окопах Сталинграда свое совершеннолетие».

Вот какую дочку воспитали вы, Анна Викторовна, и ваш муж. После Сталинграда были бои на Северном Донце, за Барвенково, Запорожье, Днепропетровск. И везде санинструктор Девятова, вплоть до тяжелой контузии под Никополем, находилась на передовых позициях, не жалела своей жизни для спасения жизни других.

Помните, как после Сталинграда перестали приходить от Капы письма. А потом принесли похоронную... Вы второй раз потеряли дочь. День за днем каждое утро по знакомой дорожке шли вы в школу, по вечерам дома делили на всю семью скудный паек и страдали оттого, что дети ложатся спать голодными. По ночам стирали, латали прохудившуюся ребячью одежду. И все время жила в вас глухая неутрачиваемая боль: «Капелька, родная, как же мы без тебя».

А Капа ничего этого не знала. После госпиталя весной 1944 года ей дали отпуск. Поезд пришел в Уфалей ночью. Не дожидаясь рассвета, побежала домой. Вот и родная улица, вот и ветхий домик: три окна на дорогу, два — в проулок. В одном из них — там, где кухня, — был свет. Заглянула — пусто. Подошла к другому окну, легонько стукнула.

— Кто там? — спросили вы, вглядываясь в темень за окном.

— Откройте, надо поговорить, — решила пошутить Капа.

Вы набросили шубу, платок, вышли во двор. Еще раз спросили, не узнавая:

— Да кто же это?

— Вам письмо от дочери.

— Нет у меня дочери, убита на войне — похоронную получила, — глухо ответили вы.

Тут Капа закричала:

— Да это я, мама, неужели ты меня не узнаешь!

А вы, Анна Викторовна, услышав это, вмиг узнали родной, измененный временем голос и... упали без чувств.

Вот так и получилось, что дочь для вас дважды воскресла.

И вся-то жизнь вашей семьи соткана из радостей и горестей, из счастливых и тревожных минут. Чего же все-таки больше? Наверное, счастья — хорошего человеческого счастья. Хотя порой радость и боль оказываются рядом, и материнскому сердцу нелегко их пережить.

Помните, несколько лет назад, 18 августа, все ваши дети собрались в Уфалее? Теперь, я знаю, вы живете в хорошей светлой квартире вместе с семьей Жени — того самого, которого вы отвели в годы войны на завод. Почти все приехали с женами, мужьями. Радостно было смотреть на взрослых сильных женщин и мужчин и сознавать, что они — ваши дети.

Толя после первых же приветствий спросил:

— Мама, а где твой орден?

Вы засмутились, но все-таки достали коробочку с наградой. Сын бережно взял орден Ленина, приколот вам к платью и сказал:

— Когда я здесь, пожалуйста, будь с орденом. Ты его заслужила — больше сорока лет в школе.

— Тогда и другую награду надо приколоть, — зашумели все. А другая ваша награда — «Медаль материнства». За шестерых воспитанных вами детей. Вот они все как на подбор. Анатолий с юных лет на военной службе, судьба забросила его в Гродно. Капитолина — партийный работник, в кандидаты партии вступила на фронте, сейчас заведует сектором в Кыштымском горкоме партии. Евгений отслужил на флоте и вернулся опять на металлургический завод. Теперь мастер, коммунист. Юрий — мастер телеателье в

Бердичеве, Ираида живет и трудится в Заполярье, Нина закончила медицинский институт, врач в Свердловске.

Ну как не радоваться тому, что дети выросли настоящими людьми, а теперь вот и внуки подрастают.

А собрались в тот вечер все вместе, чтобы отметить годовщину со дня гибели отца. Он погиб в 1944-м в Прибалтике. И светлое, и горькое получилось застолье.

...Разъехались дети, и вы снова в тревоге, с нетерпением ждете писем. Капа — та близко, в Кыштыме. Нет-нет, да и позвонит по телефону.

— Ну, как ты там? — спросите вы.

— Все в порядке, мама.

Капитолина Николаевна, как всегда, в хлопотах. Ее, ветерана войны, лектора общества «Знание» часто приглашают на встречи с молодежью. Ее любят слушать. Когда просят прислать лектора, добавляют: «Хорошо бы Бродягину, Капитолину Николаевну».

Недавно волнующая встреча была в медицинском училище. Собрались семнадцатилетние на вечер, посвященный героям-современникам. Увидела Капитолина Николаевна совсем юных девчат в белых халатах и подумала: «Вот такой я уходила на фронт». А девчонки окружили ее, забросали вопросами. Она рада бывает этим встречам с юностью.

Так что все хорошо, все действительно в порядке.

Вот что написала бы я вам в письме, Анна Викторовна. Всего вам доброго!

В. Дробышевский ПАКЕТ ИЗ ШТАБА

Н. И. Тузов

После трудного утреннего боя, в котором пулеметный взвод младшего лейтенанта Радюка попал под сильный минометный огонь, кавалеристы остановились на отдых в отбитом у немцев польском хуторе. Хозяин домика, куда зашли пулеметчики, предложил гостям картошки: больше в ту весну угощать было нечем. И через час во дворе вкусно запахло вареной картошкой, солдаты принялись за еду, устроившись тут же, на бревнах, сваленных у забора. А взводный велел принести ему завтрак в хату.

Когда солдат Николай Тузов поставил перед Радюком на стол котелок, источающий аппетитный запах, и повернулся, чтобы выйти, командир взвода остановил его:

— Погоди. Давай поедем вместе.

Николай удивленно посмотрел на взводного и, чуть помедлив, молча сел за стол. Солдат и не мог не удивиться этому приглашению. Он не был близок с Радюком, они никогда еще не ели из одного котелка. Выполняя обязанности второго номера в пулеметном расчете, Тузов привык делить хлеб-соль со своим напарником.

А Радюк, принимаясь за картошку, продолжал:

— Я вот хочу спросить: почему у тебя всего одна медаль? Вроде и на фронте ты не новичок, и смелости тебе не занимать...

В тот день командир взвода имел особое основание упомянуть про смелость второго номера. В разгар боя Николай один остался у пулемета и вел огонь до тех пор, пока не подоспела подмога.

Вопрос младшего лейтенанта застал солдата врасплох. Он никогда не задумывался над тем, о чем спросил офицер. Помолчав, Николай неуверенно ответил:

— Да как сказать? У многих по одной медали. А другие и вовсе без наград... Воюю, как и все.

Но взводного этот неопределенный ответ, как видно, не удовлетворил.

— Ну, а таких случаев не было у тебя, чтобы особо отличился? — допытывался он.

— Случаи всякие были. Да ведь не один я... Вот когда наш батальон Днепр форсировал...

— Не тяни, рассказывай.

И солдат рассказал.

Третий батальон 568-го стрелкового полка, в котором тогда служил Тузов, форсировал Десну, затем Сож. После боев на реке Сож и появилась на гимнастерке Николая медаль «За отвагу». Потом, в октябре 1943 года, настало время переправляться на правый берег Днепра. Окопавшийся в двух сотнях метров от берега батальон был поднят в четыре часа утра.

Непроглядная темень. Холод и сырость словно пропитывали тело. И все-таки пулеметчик Тузов чувствовал себя собранным, будто изготовился к прыжку. Ему казалось, что он ощущал эту собранность и у товарищей, сидевших в

окопе справа и слева от него. У каждого не выходила из головы разносшаяся с вечера по окопам фраза комбата: «Завтра перед нами трудная задача — форсировать Днепр».

Бойцы не замечали да, наверное, и не могли заметить суховатости этих слов. За лаконичными командирскими словами виделись отбитые у врага траншеи на высоком правом берегу, опаленные нивы, на которые больше не ступит нога чужеземца-захватчика.

Помня о словах комбата, Николай и его товарищи думали о завтрашней переправе под огнем через реку, о предстоящих атаках на противоположном берегу. Но девятнадцатилетний колхозник Тузов, одетый в солдатскую форму, не мог и не хотел отделять эти мысли от жившего в сердце желания быстрее очистить землю Отчизны от врага. Воюя, он постоянно испытывал сыновнее чувство мстителя, вступившегося за мать, раненую на его глазах.

Подкрепившись сухим пайком (в тот раз им оказался хлеб с сахаром), солдаты и офицеры тихо поползли к берегу. Там их ждали подготовленные саперами плоты и рыбацьи лодки. Оставалось дожидаться условленного сигнала — первого залпа «катюш».

Огненные полосы залпа прочертили небо, когда чуть забрезжил рассвет. Тут же ударили и наши пушки. Бревенчатый плотик с пулеметным расчетом, в котором Николай был наводчиком, отчалил от берега первым. За ним сразу же отплыли еще пять плотов; на двух разместился взвод автоматчиков, на трех других — взвод противотанковых ружей (ПТР). Тогда и началось то, что впоследствии участники переправы называли пеклом. Наша артиллерия и авиация вели по вражеским позициям огонь, но подавить все огневые точки противника не удалось, и фашисты засыпали реку снарядами и минами. Вокруг плотов, на которых солдаты отчаянно гребли веслами и досками, то и дело вздымались фонтаны — скоротечные следы разрывов. Плоты раскачивало как в жестокую непогоду. Солдат обдавало ледяной водой. Одна за другой погибли на глазах пулеметчиков все три группы бойцов взвода ПТР. Фашистская пуля сбросила в Днепр командира

пулеметного расчета Егорилова. А оставшиеся в живых все гребли и гребли.

В то утро с трех плотов на правый берег высадилось лишь около трех десятков смельчаков — четверо пулеметчиков из расчета погибшего Егорилова и взвод автоматчиков.

Стало уже светло. Первая немецкая траншея проходила прямо по краю высокого берега. Нельзя было медлить ни секунды. И командир автоматчиков сразу повел мокрых, смертельно усталых людей в атаку. Они бежали к окопам врага снизу вверх.

Возможно, сыграло свою роль хриплое, яростное «ура», с которым солдаты кинулись в траншею как один человек. Возможно, гитлеровцы просто не ждали такого дерзкого броска. Но так или иначе фашисты оказались выбитыми из первой траншеи.

Утром больше ни одному человеку из батальона не удалось переправиться через Днепр. Надо было во что бы то ни стало удержаться в захваченной траншее и, когда основные силы батальона начнут переправу, — помочь огнем. Задача тяжелая, и автоматчики с надеждой поглядывали в сторону станкового пулемета.

Обязанности второго номера у Тузова выполнял сибиряк из Красноярского края Семен Кривенко. Внешне они резко отличались друг от друга. Николай худощавый, с узким обветренным лицом, на подбородке — пушок. Из-под пилотки выбиваются густые каштановые волосы. Семен — коренастый тридцатилетний крепыш, на круглом красном лице — щетина. Пилотка только-только закрывает большую розоватую лысину. Но различные внешне, они имели и сходство: не терялись ни в какой обстановке, в руках у обоих спорилось любое дело. Обосновавшись со своим пулеметом в траншее, Тузов и Кривенко стали торопить подносчиков патронов: большинство ящиков с патронами осталось у самой воды, и их требовалось скорее перетаскать в окоп.

Пулеметчики торопились не зря. Вскоре появились самолеты с черными крестами на крыльях и начали бомбить

прибрежную полосу земли, отбитую у врага советскими воинами. От разрывов авиабомб вздрагивали стенки окопа. Несколько бомб разорвалось в 20—30 метрах от траншеи. Правда, вскоре вступила в бой наша авиация, и бомбежка прекратилась. Но зато гитлеровцы тут же пошли в атаку. Их вторая траншея проходила всего в ста пятидесяти метрах от первой, и серо-зеленые шинели немцев, выскакивавших из окопа на побуревший луг, виднелись на нем как-то вызывающе отчетливо. Николай сосредоточил все свое внимание только на этих серо-зеленых фигурах. Он ощущал в себе ту же собранность, что появилась у него ранним утром на левом берегу. Длинные пулеметные очереди прижали немцев к земле. Автоматчики, ободренные точным огнем пулемета, не торопясь били по гитлеровцам короткими очередями. И те не выдержали, отпрянули в траншею, оставив на буром осеннем лугу несколько недвижимых тел.

Николай и Семен молча переглянулись. И каждый прочитал в глазах другого то, что хотел в них прочесть. В мимолетных этих взглядах теплилась радость победы, они без слов говорили: «Спасибо. Хорошо поработал».

Передышка... Как она желанна в бою! Можно освежить спекшиеся губы остатком воды из фляги, отвести душу махорочным дымом, сказать доброе слово тому, кто бьется рядом. Только передышка продолжалась недолго. Серо-зеленые фигуры снова высыпали из немецкой траншеи. И опять уверенно заговорил пулемет Николая.

Вторая атака тоже захлебнулась, на лугу прибавилось еще несколько трупов. Но фашистское командование, видимо, решило не считаться с потерями. Немцы поднимались в атаку еще и еще.

Пулемет перегревался. Воду для него подносчики приносили с реки во фляжках. Один за другим замертво падали на дно траншеи автоматчики. Погибли оба подносчика патронов. А оставшиеся в живых все стреляли и стреляли. Ни Николай Тузов, ни Семен Кривенко, ни другие солдаты, оборонявшие траншею на берегу Днепра, не помнили о том, что голодны, не задумывались над своим

положением. Любовь к Родине и ненависть к фашистам — кажется, только это и оставалось в сердце каждого. С этими чувствами, впитанными на школьной скамье и в комсомоле, в колхозе и на заводе, может покончить только смерть. И приказ командира взвода автоматчиков — стоять насмерть! — воспринимался как самое разумное и естественное требование. Отбивая четвертую, пятую, шестую атаку, Тузов и его товарищи думали только об одном: надо не допустить серо-зеленых до своего окопа, продержаться до ночи. Тогда возобновится переправа...

После того, как была отбита шестая атака, в траншее осталось немногим больше десятка живых, в том числе Николай Тузов и Семен Кривенко. Серый ветреный день сменился темной холодной ночью. И переправа через Днепр возобновилась. К защитникам траншеи пробился весь третий батальон. К утру он оттеснил немцев километра на два. Наступление продолжалось и днем.

Фашистская пуля пробила Николаю ногу. Помощник командира взвода приказал:

— В медсанбат.

Но командир батальона сказал:

— Пулемет есть, а пулеметчиков больше нет...

И Тузов оставался у пулемета весь вечер и ночь, пока батальон закреплялся на захваченном рубеже. На рассвете Николая вместе с пулеметом засыпало землей от разрыва немецкого снаряда.

Как развернулись события после этого, он не знал. Очнулся в палатке медсанбата. А через месяц из госпиталя попал в другую часть, в пулеметный взвод Радюка.

Рассказывая Радюку о пережитом за двое памятных суток, Тузов воскрешал в памяти мельчайшие подробности, но опускал их. Рассказ получился коротким и обыденным. Впрочем, взводный не обратил на это внимания. Он облокотился о стол, задумчиво посмотрел в окно и сказал не то сам себе, не то Николаю:

— А за это все-таки должна выйти награда. — И, повернувшись к солдату, добавил. — Номер полевой почты знаешь?

Тузов помнил номер полевой почты своей прежней части. И младший лейтенант в тот же день отправил ее командиру письмо. В письме содержался единственный вопрос: не награжден ли пулеметчик Николай Тузов за бои на правом берегу Днепра?

Через несколько дней почтальон вручил Николаю аккуратный пакет из плотной белой бумаги. Такое письмо, конечно, не могло прийти из родного села Губернского Челябинской области. Оттуда шли письма с адресом, написанным либо чернилами, либо химическим карандашом. А белоснежную поверхность пакета украшали строчки, напечатанные на машинке. Солдат с недоумением оторвал краешек плотного конверта и вынул из него сложенный вдвое листок. Штаб 568-го стрелкового полка сообщал о том, что ему, Николаю Тузову, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года присвоено звание Героя Советского Союза...

В 1947 году Николай Иосифович Тузов, уже старший сержант, демобилизовался и вернулся в родное село. Сейчас он председатель Байрамгуловского сельсовета Аргаяшского района.

Николай Иосифович и его товарищи ведут упорные трудовые бои. Мирные бои на земле, которую отстояли в огне сражений миллионы Тузовых.

А. Фомиченко ДОРОГИ ОТЦОВ — ПУТИ СЫНОВЕЙ

Е. И. Чернецов

Рита от своего будущего мужа много слышала о Катав-Ивановске, его живописных окрестностях, старом заводском пруде, где водятся огромные щуки, о суровых на вид, но добрых душой людях.

Со станции Вязовая до города ехали автобусом. Жених с нетерпением поглядывал в окно, а невеста тихонько вздыхала. Как-то встретят ее родные мужа?

Выросла Рита в Кургане. Там они и познакомились. Женя работал после окончания железнодорожного техникума помощником машиниста электровоза, а Рита — медицинской сестрой в больнице. Долго спорили, где справить свадьбу, но Женя настоял: только в Катав-Ивановске.

Вот и дом, где вырос Женя. Большой пятистенный, он стоял на горе, над прудом.

В передней молодых встретили мать и отчим жениха с пышным караваем хлеба. За свадебным столом усаживались гости. Пришло человек пятьдесят — все близкие и родные, в основном рабочие литейно-механического завода.

На почетное место посадили родителей отца Жени — Ивана Егоровича и Александру Ивановну Чернецовых. Иван Егорович — участник гражданской войны на Урале, член партии с 1930 года. Родовались Чернецовы тому, что присутствуют на свадьбе своего внука. Но эта радость была омрачена тайной грустью: за этим столом могли бы сидеть еще два их сына, погибшие на войне.

Первый тост, как и положено, выпили за счастье молодых. Потом встала Татьяна Васильевна — мать Жени.

— А этот тост, — сказала она звонким от волнения голосом, — я предлагаю выпить за того, кто очень любил жизнь — за твоего родного отца, Женя, — Евгения Ивановича Чернецова. Тот бокал, который стоит рядом с твоим, налит ему. — И, не сдержав слез, она села.

Женщины вытирали платком глаза. Вспомнили другую свадьбу. Тогда во главе стола сидел летчик, такой же высокий, как и его сын, стройный, по-мальчишески тонкий в талии. Он шутил, смеялся громче других...

Едва справившись с волнением, Татьяна Васильевна подошла к шифоньеру и достала синюю авиационную гимнастерку с кубиками старшего лейтенанта в петлицах. На гимнастерке поблескивал орден Красного Знамени.

— Вот тебе, сын, в память от отца. Ее прислали мне его товарищи, просили вручить, когда станешь взрослым.

Сын от волнения не мог ничего сказать. Не желая показывать своих слез, вышел из-за стола. На улице, не чувствуя мороза, долго стоял с непокрытой головой.

Здесь, по крутым каменистым улицам, его отец ходил, когда учился в школе. Отсюда вместе с ватагой мальчишек ездил на велосипеде в лес. На станции юных техников мастерил детекторные приемники, строил модели

самолетов. В 1936 году по призыву комсомола поступил в военное училище. А в 1940 году писал своей будущей жене:

«...Специальности лучше той, которой я владею, не хочу. Буду летать до тех пор, пока глаза видят землю, а руки держат штурвал. Мечта — стать испытателем. А для этого нужно учиться и учиться».

В то время наши авиаторы осваивали ночные полеты. Евгений писал:

«...А как хорошо, Татьяна, летать ночью. Только надо очень и очень много внимания, иначе поцелуя с земным шариком не избежать».

Почти за год до войны на вопрос, когда приедет в отпуск, отвечал:

«Не знаю, дадут ли мне скоро отпуск. Я имею в виду не совсем нормальную обстановку на западной границе. По всем данным, Германия усиленно готовится к войне. Ты, Танюша, должна знать: жизнь моя принадлежит партии, народу, которые мне оказали большое доверие, и я должен многое сделать, чтобы оправдать его».

Поздней осенью 1940 года он приехал в свой последний отпуск. На улицах уже лежал снег, свадьба была с уральскими пельменями, с веселой пляской. В часть Евгений вернулся вместе с женой.

...Летчики Киевского военного округа настойчиво овладевали техникой. Состоялись большие учения. Один за другим взлетали в воздух самолеты. Полеты шли в две смены, без выходных. В субботу, 21 июня, Евгений побывал дома. Вечером, на попутной машине добрался до полевого аэродрома и, как только прикоснулся к постели, заснул крепким сном. Проснулся неожиданно. Насторожился: нарастал какой-то отдаленный рокот, похожий на гуденье

самолетов. Затем яркая вспышка озарила комнату. В казарму вбежал дежурный командир:

— Боевая тревога! — закричал он.

Начались суровые испытания войны. Евгению пришлось летать в Киев, в штаб округа. Противник часто бомбил красавец-город. Разрушены дома, много убитых. В душе закипала страшная ярость.

Были уже и первые потери в эскадрильи. Звено лейтенанта Грушивца охраняло переправу через Днепр. Неожиданно из-за облаков на самолет лейтенанта спикировал «мессершмитт». Фашистам удалось поджечь самолет. Все знали о гибели Ивана, но никто не решался сказать об этом его жене. Она так и уехала в эвакуацию, уверенная в том, что ее муж находится в командировке. Лишь позднее летчики сообщили ей горестную весть.

Были и первые победы. В одном из боев истребители должны были прикрывать отступление наших частей. Была выделена группа летчиков во главе со старшим лейтенантом Ивановым. Вот как рассказывала об этом боевом эпизоде фронтовая газета:

«Ведомым у Иванова был лейтенант Чернецов, храбрый, молодой летчик. Вылетели шестеркой. Где-то на полпути на встречном курсе появилось несколько черных точек.

— Внимание, «мессершмитты»! — передал Иванов и первым пошел в лобовую атаку. Чернецову пришлось чуть отойти в сторону и своим самолетом прикрыть командира. Иванов всадил огненную очередь в головного «мессера» и тот, свалившись на крыло, устремился вниз. Второго сбил Чернецов. Смерчем носились краснозвездные ястребки среди «мессершмиттов», поливая их свинцовыми струями. Фашистские стервятники не выдержали, один за другим они стали покидать поле боя.

На обратном пути самолет Чернецова стал заметно отставать. Над аэродромом, где уже приземлились его товарищи, Чернецов вел самолет

на бреющем полете. Всем было ясно: машина повреждена, Из домиков высыпал весь летный состав. «Сумеет ли дотянуть до взлетной полосы?» — с волнением думал каждый. лейтенант Чернецов мастерски посадил израненную машину. Оказалось, что в бою был пробит бензобак, но летчик, рискуя жизнью, решил довести самолет до аэродрома».

Эта заметка из фронтовой газеты была перепечатана Катав-Ивановской районной газетой «Авангард».

Враг подходил к Киеву. Решено было эвакуировать семьи военнослужащих в тыл. Измученный бессонными ночами, Евгений вырвался на часок домой, чтобы проводить жену. Всего восемь месяцев прожили Татьяна и Евгений вместе.

— Передай отцу, — говорил он, — что отступление наших войск временное. Победа будет за нами.

Евгения вместе с двумя другими опытными летчиками откомандировали в тыл, осваивать новые самолеты. Добираться они должны были сами. В одном месте еле вырвались из окружения. Однажды встретили беженцев. Позади горел их родной город. К летчикам подошла женщина.

— Плохо вы воюете. В самую глубину России врага пустили, — с горечью сказала она.

«Тяжелее дорог отступления был для нас упрек этой простой советской женщины, — писал позднее отцу Евгений. — Я рассчитаюсь за все с фашистами. Им и так уж от меня немало досталось. Буду бить до тех пор, пока они ползают по нашей земле. Все равно им конец один — смерть, рано или поздно».

До места назначения Евгений добрался лишь через полмесяца. Вскоре он писал жене:

«Вот уже двадцать дней, как я не слышу лая вражеских зениток. Скучаю по фронту. Получил

сообщение о рождении сына. Страшно рад, что у тебя все хорошо. Какой он, мой пацаненок? Как выглядит? Кричит, наверное, как звать-то его? А то я тут заполнял личное дело, а имени сына не знаю».

В другом письме такие строки:

«Недавно летали за линию фронта. Ни одной мало-мальски сохранившейся деревни — все сожжено, все вытоптано, пущено по ветру. Ну, ничего, за все гады ответят сполна.

Мне пишут, что Женюрка уже щеголяет в штанишках. Просто не представляю себе своего мальчугана. Как бы я его хотел потискать. Напиши, лопочет он что-нибудь или еще нет?».

Через некоторое время он сообщил:

«На днях меня здесь не будет. Работа предстоит очень серьезная, летать придется в основном ночью. Хотели оставить инструктором, но разве я могу сейчас быть не на фронте».

Потом пошли письма с Ленинградского фронта. Воевать здесь было очень трудно. Едва наберешь высоту, как под крылом город, тут же и линия фронта.

Эскадрилья, где служил Евгений, состояла из ночников — бойцов высокого летного искусства. Вылетая в ночное небо Ленинграда, они не раз преграждали путь врагу.

Евгений писал:

«Идет освобождение города-героя от блокады. В сутки приходится иногда совершать по пять и более вылетов. Мы вступили сейчас в полосу ожесточенных сражений, которые решают судьбу нашей Родины. Стать рабом... Нет, лучше смерть в бою, чем это. Мы победим, но очень дорогой ценой.

Как там мой пацаненок? Жаль, что прошел уже почти год его жизни, а я его все еще не видел. Что же это за чертенок, которого я не знаю, но уже крепко люблю».

О своих боевых делах он писал мало, но однажды приложил к письму свою фотографию из фронтовой газеты.

Осенью пришла весточка о предстоящем отпуске. Все жили ожиданием встречи. В двух домах — родителей Евгения и родителей Татьяны белили, мыли окна, из скромного военного пайка экономили продукты.

Евгению послали письмо, где на отдельном листе была обведена рука его сына, а под ней Татьяна написала:

«Евгений Евгеньевич готовится здороваться со своим папой».

И вдруг письмо с незнакомым почерком на конверте.

«Татьяне Васильевне и Вашему маленькому сыну Евгению Евгеньевичу от всех летчиков нашей боевой части.

Тяжело писать это письмо, но мы, советские люди, должны пережить все испытания этой суровой войны. Сообщаем Вам с глубокой скорбью от всего летного состава о героической смерти Вашего мужа Евгения Ивановича, за которую мы в сто крат отомстим фашистским варварам. Ваш муж был лучшим в полку и любимым всеми летчиком. Он летал на всех типах истребителей. За пятнадцать месяцев службы в нашем полку старший лейтенант Чернецов принес немало пользы Родине. Он штурмовал вражеские танки и пехотные колонны, провел много боев, десяток фашистских стервятников вогнал в землю.

Погиб 26 сентября 1942 года в 13 часов 15 минут при выполнении боевого задания на перехвате разведчика противника в районе Волховстроя.

Похоронен на кладбище деревни Плеханово Ленинградской области.

Для всей части его гибель — незабываемая потеря, которая не забудется никогда.

Наш Вам наказ: вырастите сына достойным отца».

Через несколько месяцев ушел на фронт восемнадцатилетний брат Евгения — Николай. Ушел, и тоже не вернулся домой. Погиб в сорок четвертом в Литве.

Уехала на фронт вместе с военным госпиталем Татьяна. День Победы застал ее в Заполярье. Весь персонал госпиталя собрался в палатах. Здесь вместе с ранеными и встретила великий праздник.

Прошли годы. Вырос малыш, которого так хотел увидеть отец. Мечта мальчишки летать сбылась — в Кургане он закончил аэроклуб ДОСААФ, а недавно получил диплом авиаконструктора.

В Юрюзанском народном музее хранится фотография его отца, та самая, из фронтовой газеты.

Подрастают новые поколения. Каждый год приходят в музей юные посетители, и директор музея Л. Н. Сурин рассказывает им о их земляках, защитивших Родину.

Л. Козлов ПОД СТАРОЙ РУССОЙ

Л. А. Козлов

Июнь 1941 года

Ясным летним вечером 21 июня 1941 года я уехал на реку Миасс, чтобы отдать несколько часов рыбацкой зорьке, а следующий день — воскресному отдыху в лесу и у воды.

Работал я в то время заместителем начальника транспортного управления треста «Челябуголь». Копейские транспортники трудились с полным напряжением сил. Мы не только занимались текущими перевозками, но и развивали свое предприятие. Строили паровозное депо, монтировали разнообразное оборудование, создавали ремонтную базу.

Коллектив у нас был дружный, сплоченный. Душой его были передовики производства, стахановцы. Своими

успехами в труде, высокой сознательностью были известны машинист паровоза К. П. Сергеев, составители поездов В. А. Дергунов, Ф. Н. Панов, Г. Д. Ашмарин, помощник машиниста паровоза В. Ф. Медведев, весовой мастер И. А. Хорешко, бригадир пути В. П. Богданов, токарь депо И. Г. Овечкин. Все эти товарищи в первые дни войны ушли на фронт и погибли, защищая Родину.

Приехав в тот субботний вечер на берег Миасса, я, как, наверное, и большинство советских людей, никак не думал о том, что до войны оставалось лишь несколько часов. Я и весь следующий день не знал, что война уже идет, что пылают наши города и села, а бойцы и командиры Красной Армии, не жалея крови и самой жизни, героически отбивают натиск врага. Узнал об этом только вечером 22 июня, вернувшись в Копейск.

Утром 23 июня пригласили в горком партии. Меня, политрука запаса, направили на политическую работу в Действующую армию. Вместе со мной были и мои друзья политруки запаса Иван Иванович Лоськов — заместитель редактора газеты «Копейский рабочий», Александр Афанасьевич Васильев — заместитель начальника городского узла связи.

25 июня вызвали в Челябинский обком партии. Бюро обкома утвердило решение Копейского горкома — и еще через день мы, 100 политработников запаса — первые посланцы Южного Урала фронту, одетые в военную форму, сидели в зале обкома и с волнением в сердце слушали выступление руководителей областной партийной организации, представителей главного политического управления РККА. Они рассказывали о сложившейся обстановке, говорили о том большом доверии, которое оказано нам.

И вот уже вокзал станции Челябинск. Краткий митинг. Представители трудящихся города дают нам наказ быстрее разгромить ненавистного врага. Прощаюсь с женой. Она спокойна — не плакала, но на ее лице грусть и тоска. На сколько времени разлука?

Проводы. Музыка.

Поезд идет на запад.

30 июля 1941 года

Наконец-то с «сидением» в резерве покончено. Люди воюют, а мы почти месяц занимаемся учебной подготовкой: «зубрим» уставы, преодолеваем препятствия и стреляем по мишеням. И всего в каком-нибудь десятке километров от боевых позиций.

Правда, мы иногда выполняем отдельные поручения командования, но в серьезных переплетах еще не были. Между тем обстановка на фронте трудная. Враг шагает по Украине, идут тяжелые бои в районе Смоленска. Пылают села Псковщины и Новгородчины. Группа фашистских армий «Север» стремится окружить Ленинград. Усиливается натиск на южное крыло Северо-Западного фронта. Однако сильнейшим контрударом 11-ая армия в середине июля отбросила врага в районе города Сольцы на запад. Я видел на дорогах брошенную и разбитую вражескую технику, трупы гитлеровских вояк, нашедших «жизненное пространство» в России.

Нас вызвали в политическое управление фронта и сообщили о назначении:

— Командируетесь в распоряжение политотдела 11-й армии.

Возвращаюсь в свой шалаш (мы стояли в лесу).

— Ну, куда тебя? — бросается с расспросами мой земляк Иван Иванович Лоськов.

— В 11-ую армию.

Лоськов грустнеет: он по-прежнему остается в резерве.

— Значит, расстаемся, Лука? — говорит он.

Шли по Ильменю на маленьком пароходике, борта которого обложены мешками с песком. С западного берега тянулись огненные трассы, изредка впереди и позади суденышка вихрились разрывы снарядов. Но пароходик спокойно печатал свои шаги в юго-восточном направлении. Им командовал пожилой капитан в форме лейтенанта:

видно, звание ему только что присвоили. Когда вошли в устье реки Полисть, он снял фуражку и совсем «по-граждански» сказал:

— Ну вот и приехали.

14 августа 1941 года

Враг яростно рвется на восток, к Валдайской возвышенности, чтобы расцечь линию обороны нашего фронта, вырваться на оперативный простор, а там развернуть танковые и механизированные стрелковые соединения на Ленинград и Москву. Бойцы и командиры бьются с фашистами до последнего дыхания. По показаниям пленных, только за один день на подступах к Старой Руссе подразделения нашего 645-го стрелкового полка уничтожили четыре роты противника.

Мне как инструктору политотдела армии дано задание проверить состояние политической работы среди молодых воинов в подразделениях 202-й стрелковой дивизии. Найти командный пункт дивизии было не просто, так как наши войска с тяжелыми боями непрерывно отходили. Мне предстояло пересечь всю Старую Руссу и выйти на ее северо-западную окраину. В городе пожары. Разрушены десятки красивых старинных зданий. Деревья со срезанными снарядами кронами. После авиационных налетов выведен из строя водопровод. Стоит невыносимая августовская жара. Жарко от солнца, жарко от пожаров. Ужасно хочется пить...

К исходу дня добрался до командного пункта дивизии. Представился командиру дивизии Серафиму Григорьевичу Штыкову и комиссару Степану Фомичу Хвалею. Оба заслуженные воины. Штыков — коренастый, среднего роста, русоволосый — кадровый военный, участвовал в разгроме белофиннов, за что был награжден орденом Красного Знамени. Под стать ему и Хвалею. Выходец из бедной крестьянской семьи, он начал службу в Красной Армии еще в 1922 году. Вместе со Штыковым до войны служил в

Прибалтийском военном округе. Командир и комиссар понимают друг друга с полуслова. Бой идет в двух километрах от командного пункта. Позиции заволкло пылью и дымом. У наших окопов с танков высаживаются десантники — немецкие автоматчики. Кое-где им удается просочиться через линию обороны. В отражении их атаки принимал участие и я. Когда бой стих, ко мне подошел высокий стройный политрук.

— Сухих, — отрекомендовался он, — помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу. Приказано проводить вас в резерв 645-го стрелкового полка. Там у нас самая зеленая молодежь. Но немцы жмут, и придется скоро вводить их в бой.

Рядом с командным пунктом разорвались снаряды. Кто-то застонал.

— Засекли фашисты, придется передислоцироваться, — сказал начальник артиллерии дивизии Ф. Т. Дахновский. Он только что вернулся с передовой, и гимнастерка была порвана, на щеке запеклась кровь. Я вспомнил о встрече с ним ночью 2 августа, когда 652-й артиллерийский полк, расстреляв все снаряды, снялся с позиций и отошел к окраине города.

Тогда Дахновский стоял возле машины и спокойно отдавал распоряжения. Неподалеку разорвался снаряд, люди шарахнулись, но полковник оставался на месте. Накануне, в районе станции Тулебля артиллеристы под его командованием нанесли такой мощный удар подвигающимся колоннам противника, что они даже не успели развернуться в боевой порядок. Противник потерял двадцать танков, свыше семидесяти автомашин, сотни солдат и офицеров.

Мне рассказывали про героизм и храбрость многих старших начальников. Член Военного Совета армии И. В. Зуев, проскочив через мост, охваченный пламенем, остановил отступавшую батарею и приказал развернуть орудия в сторону врага. Бойцы стали прямой наводкой расстреливать фашистов. Собрав свободных красноармейцев, он лично повел их в атаку.

Боевой подготовкой в резерве руководил политрук Александр Галич. Накануне он был дважды ранен, но не покинул поле боя. А когда убили командира взвода, возглавил бойцов и повел их в атаку. Насилу его удалось отправить в санбат. Но он не остался там — вместе с одним из строевых командиров стал руководить боевой подготовкой молодых бойцов.

Пробираться в расположение подразделений резерва надо было назад, через весь город. Улицы простреливаются снарядами. Двигаемся перебежками. В одном месте натолкнулись с Сухих на немецких автоматчиков, уже просочившихся в город. Отстреливаясь, отступили в переулок, где увидели человек пятнадцать бойцов, спокойно закусывающих. Им пришлось прервать обед. Вместе с ними бросились на перехват немецких автоматчиков.

Затем мы продолжали свой путь. Галич встретил нас радостными возгласами.

— Ну как там наши, держатся? — спрашивал он Сухих.

— Тяжело, но стоим. Здорово ребята из батальона Кожурова отличились. Несколько танков подбили. Готовь, Саша, парней. Вот политрук Козлов из политотдела армии, он побеседует с ними.

Бойцы плотным кольцом окружают нас. Загорелые лица, выцветшие гимнастерки. Мне известно, что среди них много молодых рабочих, комсомольцев, добровольно ушедших в армию.

Завязалась беседа. Рассказал о положении дел на участке нашего фронта, о мужестве бойцов и командиров. О предстоящих тяжелых боях. Интересуюсь, нет ли кого с Урала.

— Вчера одного челябинца Мишу Борисова на фронтовые курсы младших лейтенантов направили. Правда, он не из самого города, а из Копейска. Там, рассказывал, угольные шахты. Он только что закончил школу-десятилетку. Уже побывал в боях, — смелый парень. (Сейчас полковник М. И. Борисов — старший преподаватель Военной

академии Генерального штаба Советской Армии. Имеет 14 боевых наград. — **Прим. автора**).

— В бою не были?

— Кто был, а кто еще нет. Я сам из Горького, месяц назад взяли в армию. В резерве неделю. Когда же в бой?

— А не страшно?

— Да ведь война, товарищ политрук.

...Долго еще продолжался оживленный разговор. Воины были настроены по-боевому, рвались в бой с ненавистным врагом.

26 августа 1941 года

Разведчики, побывавшие в селе Взвяд, что на берегу озера Ильмень, донесли командованию: крестьяне просят прислать бойцов для обуздания предателей, от рук которых погибло несколько раненых бойцов и командиров.

Об этом я узнал, когда меня вызвали в политотдел армии. Здесь находились член Военного Совета И. В. Зуев и начальник политотдела М. В. Рудаков. Дивизионный комиссар сказал о предстоящей операции.

На старом, выдавшем виды грузовичке добрались до села Тулитова, что на берегу реки Ловать. В условленном месте встретились с двумя партизанами из отряда Федорова. Поехали дальше. Вечереет, становится прохладно. Кутаемся в плащ-накидки. Все напряженно молчат. Остановились на берегу Ильменя. Взвяд на противоположном берегу. Туда на разведку послали одного партизана и переодетого в гражданскую одежду бойца.

Почти сутки мы ничего не знали о судьбе товарищей. Отмахиваясь от комаров, батальонный комиссар Матвеев говорит мне:

— Не люблю тишины, она коварна. Лучше открытый бой, там видишь противника в лицо.

Когда над Ильменем снова опустилась тьма, послышался плеск весел. На берег сошли усталые разведчики. Они

доложили, что немцев во Взваде нет, они находятся неподалеку, в четырех километрах, в деревне Чертицкое.

— Ну что, товарищи, — обратился к нам Матвеев, — пора переправляться.

Посланные на Парфинский фанерный завод бойцы во главе с одним из партизан пригнали катер. Его уже было затопили, и стоило большого труда, чтобы он вновь обрел плавучесть. Нашли семьдесят литров горючего, к катеру прицепили буксир — большую лодку. Погрузились с двумя пулеметами. Шли на малых оборотах. Километрах в шести от села Взвад остановились у одного из островов.

Матвеев приказал:

— Политрук Козлов и младший лейтенант Косинов, возьмите двух бойцов. Надо установить, не произошло ли в селе каких-либо изменений. Будьте предельно осторожны, вы уже на оккупированной территории. Желаю удачи.

Берег молчал, изредка слышался лай собак. Осторожно подвели лодку к мосткам, заменявшим причал. Мы выскочили на глинистый бугор и залегли. Через пять минут поднялись: засады не было. Пошли узким переулком, заглядывая во дворы. Ничего подозрительного не обнаружили.

Повстречалась девушка с ведрами. Увидев нас, испуганно вскрикнула.

— Не бойтесь, — успокоил я ее. — Мы советские воины. Немцы в селе есть?

— Нет, — ответила она. — Вчера забрали продукты и ушли.

Девушка повела нас к своей подруге-комсомолке, местной учительнице. Та подробно рассказала о положении в деревне. Есть коммунисты и комсомольцы, но они растерялись, не знают, с чего начать борьбу с оккупантами. Я попросил учительницу сообщить им о нашем приходе и назначил место встречи за селом, на берегу озера. Однако в любую минуту во Взваде могли появиться немцы. Поэтому решили так: вызвать с острова остальных участников рейда и закрыть выходы из деревни.

Небо затянуло тучами, стал накрапывать дождь. Ненастная погода была нам на руку. Улицы деревни были по-прежнему пустынные. Мы прятались на берегу. Вдруг заметили пожилого крестьянина. Косинов потянул меня за рукав:

— Сдается мне, что это тот старик-предатель, о котором говорила учительница.

Крестьянин просеменил к мосткам, вглядываясь в озерную даль. Младший лейтенант вскочил на ноги.

— Стой, ни с места! — крикнул он.

Старик остановился, подняв руки.

— Что ты, сынок, пугаешь меня, — взмолился он. — Я старый немощный человек.

Косинов молча подошел к старику, обшарил карманы, но ничего, кроме кисета, не обнаружил.

— Придется папаша, пока побыть с нами, — сказал он. Вскоре с острова прибыл весь наш маленький отряд. Все изрядно намокли, но были в приподнятом настроении. Выставив на окраине села дозоры, Матвеев распорядился собрать людей. Первыми пришли коммунисты и комсомольцы. Их было человек восемь, среди них учительница. Вид у нее был боевой, решительный.

— Этого вы знаете? — спросил Косинов, указывая на старика.

— Гнида, продался фашистам.

— Гады, гады, — захрипел тот, — ненавижу вас. Гитлер вас всех порешит.

Нельзя было терять времени. Вскоре привели еще одного предателя — местного учителя. Стал собираться народ. Откуда-то появились ребятишки, на берегу стало оживленно. Со всех сторон посыпались вопросы.

— Держится ли Москва?

— Скоро ли Красная Армия погонит немцев?

— Будет ли наступление на Старую Руссу?

Оказалось, что при отходе советских войск из Старой Руссы многие жители города покинули свои дома и двинулись на восток, но не смогли пробиться сквозь линию фронта и застряли в близлежащих деревнях. Выступил

батальонный комиссар Матвеев. Он рассказал об обстановке на фронтах, подчеркнув, что борьба с фашистами будет очень упорной и ожесточенной. Затем слово взял один из партизан, который сообщил о создании партизанских отрядов.

— Каждый, способный держать оружие, должен подняться против фашистов, — заключил он. — А те, кто в силу причин останется дома, должен помогать партизанам всем необходимым.

Дождь уже шел проливной, но люди не расходились. Когда встал вопрос, как поступить с изменниками Родины, раздались громкие голоса:

— Смерть им!

Затем мы собрались в избе одного из коммунистов. Было решено создать подполье, которое связывалось со штабом армии и партизанским отрядом Кузнецова.

Коммунисты сообщили, что неподалеку от деревни есть аэродром. Рассказали и о передвижении танковых подразделений. Сведения были важны, и мы искренне благодарили патриотов. Пора возвращаться назад. Прощание было трогательным.

Мы отплыли в обратный путь. Катер заметили с немецкого бомбардировщика, пролетавшего над озером. Он открыл огонь. Вода покрылась многочисленными всплесками. Несколько пуль попало в деревянную обшивку. К счастью, никого не задело.

По прибытии на место нас принял командующий армией генерал В. И. Морозов и член Военного Совета И. В. Зуев. Они подробно расспросили о результатах рейда.

— Считайте, что это не последнее подобное задание для вас. Наша задача не только вести войну войсковыми подразделениями, но и создавать партизанские отряды, диверсионные группы, бить врага везде и всюду. Таков приказ партии. А насчет аэродрома сведения подтвердились. Спасибо, товарищи, за службу!

Октябрь 1941 года

Стоим под Старой Руссой, в деревне Семеновщина. В эти дни мы, политработники, все время в войсках.

Впервые получил от жены два письма. Аня пишет, что скучает и беспокоится за меня. Пишет о наших малышах Нине и Саше. Сообщает, что многие копейчане ушли на фронт. В подземные забои спустились девушки. Работают по десять-двенадцать часов, не поднимаясь на-гора.

«Все для фронта, все для победы!» Такие лозунги висят сейчас в каждой нарядной. Особой славой пользуются имена шахтерок: Кати Подорвановой, Александры Солдатовой, Оксаны Бывакиной, Надежды Лоза, Ольги Махтиенко. Девушки выполняют по полторы-две нормы в день. Я знаю шахтерскую работу. Она нелегка для мужчин. И как же велико было чувство ответственности за судьбу Родины у этих женщин, желание помочь ей в трудный час.

Нам на помощь идет подкрепление. На станцию Валдай прибывают головные эшелоны 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Это звание соединение получило еще в гражданскую войну за освобождение уральского города Златоуст. Нас направляют на станцию для ознакомления бойцов и командиров с обстановкой на фронте. Сеет мелкий дождь, над землей висит не то пар, не то туман.

А на станции уже полным ходом идет разгрузка. Бойцы выкатывали на платформу пулеметы и минометы, выгружали ящики с боеприпасами. Ездовые осторожно выводили лошадей. Познакомился с полковым комиссаром Василием Дмитриевичем Шабановым.

— Что же это вы за хозяева, не даете даже отдохнуть, — встретил он нас нарочитым укором. — Не успели осмотреться, а уж в бой посылают.

Действительно, генерал Морозов приказал командиру дивизии П. Г. Кузнецову упредить удар противника из района Демянска и контратакой овладеть городом.

— Одна к вам просьба, товарищи, — обратился к нам Шабанов, — помочь нашим необстрелянным товарищам втянуться в боевую обстановку.

Мы поздравили бойцов и командиров с благополучным прибытием, рассказали подробно о прошедших боях, о

задачах перед войсками фронта. Это были летучие митинги во время выгрузки и на марше. Люди выглядели бодро, держались уверенно.

Златоустовцы заняли оборону у большого села Сухая Нива. А дальше село Кирилловщина, где располагался крупный опорный пункт противника. Несколько дней на переднем крае стояла тишина. Но вдруг на рассвете в середине октября на оборону златоустовцев обрушился шквал огня! Взрывами порвана связь, нарушено управление. Но бойцы не дрогнули, выдержали двадцатиминутный артиллерийский обстрел.

— Атаковать думает фашист, — говорили прибывающие с передовой бойцы. — На прорыв пойдет.

Нас собрал полковой комиссар Шабанов.

— Не дать противнику прорваться, — сказал он, — вот сейчас наша главная задача. Надо идти в батальон Прядко. Там будет горячо.

Батальон Прядко зарылся в землю на берегу Лужонки. На хорошо оборудованном наблюдательном пункте нас встретил Николай Васильевич Прядко.

— Подсыпали немцам табачку, пусть теперь почихают, — весело сказал он полковому комиссару.

— Зарылись-то в землю хорошо, — ответил Шабанов, — а об обороне с тыла плохо позаботились, капитан.

— Это правда, — согласился командир батальона. — Учтем ваши замечания.

В сопровождении Прядко мы пошли по окопам. Шабанов расспрашивал бойцов о настроении, интересовался их домашними делами, откровенно предупреждал о трудностях.

— Атаки будут еще более ожесточенными, — говорил он, — нужно готовиться к ним. А что для этого должен делать боец? Держать в полном порядке свое оружие, быть храбрым и настойчивым.

Эти простые немудреные слова воины встречали с глубоким пониманием.

Вдруг раздалась команда:

— По местам!

Подразделения немецких автоматчиков, под прикрытием броневиков, снова начали наступление на позиции батальона. По атакующим открыли огонь наши артиллеристы и минометчики. Заговорили пулеметы. Рядом со мной маленький щупленький боец обойму за обоймой загонял в магазин своей винтовки.

— Куда стреляешь, Селиверстов? — ругнулся командир отделения. — Целься спокойно.

Можно было уже различать лица фашистов. Они были напряжены и злы. В бой вступили наши автоматчики. Из окопов полетели гранаты. За шумом выстрелов не стало слышно голосов.

— Побежали! — закричал кто-то неподалеку. — Бей их, ребята!

Однако Прядко не стал поднимать людей в контратаку. Артиллеристы и минометчики завершали разгром наступающих. Шабанов одобрил действия Прядко. Бойцы и командиры отряхивались от пыли и грязи. Прядко доложил обстановку командиру полка. Тот, помолчав, ответил в трубку:

— Держись, Николай Васильевич, помочь пока не могу, нечем. Буду говорить с «хозяином».

Мы отправились по другим подразделениям, пожелав бойцам удачи. Но испытания для воинов батальона на этом не кончились. До вечера они выдержали еще две яростные атаки гитлеровцев.

Четверо суток сдерживал батальон озверелый натиск фашистов и не покинул позиций, пока не подошло подкрепление. О мужестве его воинов была выпущена политотделом армии листовка. О батальоне Прядко писали в армейской газете.

Вскоре положение на фронте удалось стабилизировать. Мы горды были тем, что враг не смог выделить с нашего фронта ни роты для поддержки своих войск у стен Ленинграда.

10 января 1942 года

Много событий произошло за последние месяцы. Тяжелые бои в октябре и ноябре, которые вели войска нашего фронта, сыграли большую роль в общих боевых операциях. Был ослаблен нажим фашистов на Ленинград, сорван план врага обойти Москву с севера. Противнику не удалось прорваться на Валдай и Бологое. Немцы вынуждены были по всей линии нашего фронта перейти к обороне.

Используя относительное затишье, мы проводили в армии массовые мероприятия: семинары агитаторов, слеты снайперов, истребителей танков, воинов нерусской национальности.

В войсках армии сражались воины различных национальностей Советского Союза. Они кровью скрепляли братскую дружбу, грудью защищая Союз Советских Социалистических Республик.

Интересно прошел слет снайперов армии. Особенно запомнились выступления знатного снайпера армии Василия Тимофеевича Егорова и мужественного сына бурятского народа Цырандыша Доржиева, который к тому времени истребил 180 вражеских солдат и офицеров и был награжден орденом Ленина. Этим слетом было положено массовое снайперское движение в войсках 11-й армии.

После слета московские артисты дали концерт. Молодая артистка исполнила популярную песню «Синий платочек». Смотрим, вышел на импровизированную сцену снайпер Незнамов и обращается к артистке с просьбой исполнить эту песню еще раз. «А я, — говорит, — беру на себя обязательство за это убить не менее двадцати гитлеровцев». Она, конечно, согласилась и спела. Это вызвало бурю оваций и восторга.

Крупными боевыми успехами войск Северо-Западного фронта ознаменовалось начало 1942 года. 7 января части 11-й армии генерал-лейтенанта Морозова и 34-й армии генерал-майора Берзарина перешли в решительное наступление, прорвали оборону противника и продвинулись на 50 километров в расположение немецких войск, выйдя вплотную к городу Старая Русса. Лыжными батальонами была перерезана дорога, идущая на город Шимск. Затем

перешли в наступление войска 3-й ударной армии генерал-лейтенанта Пуркаева и 4-й ударной армии генерал-полковника Еременко. Во взаимодействии с другими частями фронта 20 февраля они завершили окружение дивизий 16-й немецкой армии. Это было одно из первых окружений таких крупных сил в ходе Великой Отечественной войны. В окружение попали семь дивизий, в том числе моторизованная дивизия СС «Мертвая голова». Общая численность окруженных немецких войск составила семьдесят тысяч солдат и офицеров.

Зима 1942 года выдалась суровой и снежной. Деревни и села дотла разрушены бомбежкой и артиллерийским огнем противника, укрыться от холода совершенно негде. Бойцы и командиры неделями и месяцами живут прямо на снегу.

Метели настолько заносили немногочисленные пути, что войскам приходилось прокладывать дороги в снежных сугробах. Днем их расчищали, а ночью снова все заносило. Еще хуже было весной. Непроходимые чащи и леса, к тому же сплошные болота и приильменские топи делали дороги не только непроезжими, но и непроходимыми для людей.

Солдаты перетаскивали орудия на руках. В траншеях на переднем крае стояла вода, в землянках — вода. На фронте не хватало боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продуктов. Тем не менее в этих трудных условиях воины показывали примеры массового героизма.

Немцам удалось под Рамушево окружить два батальона 133-й отдельной стрелковой бригады. В тяжелых условиях лесисто-болотистой местности окруженная группа, которую возглавляли капитан Смекалкин и старший политрук Чанбарисов, создала оборонительные укрепления и мужественно отбивалась от нападавшего со всех сторон врага. Две недели они стойко сражались с фашистами и вышли из этого неравного поединка победителями.

Высокое боевое мастерство и беспредельный героизм в боях под Старой Руссой продемонстрировал летчик Тимур Фрунзе — сын М. В. Фрунзе, выдающегося полководца гражданской войны. Прикрывая в паре с лейтенантом Шутовым войска, он заметил большую группу фашистских

бомбардировщиков, сопровождаемых истребителями. Бесстрашные соколы развернулись и решительно устремились на врага. С первой же атаки им удалось сбить ведущего и внести замешательство в ряды противника. Бомбардировщики начали сбрасывать бомбы на свои войска. Но силы были неравны. Фашисты сбили самолет Шутова. Тимур Фрунзе остался один и вел бой до последней минуты своей жизни. Советское правительство посмертно присвоило ему звание Героя Советского Союза. О гибели Тимура Фрунзе мы узнали от очевидцев. Он погиб в расположении нашей 11-й армии.

...Танкист старший сержант Н. Стрельцов послал письмо челябинским комсомольцам.

«Мы совершили 200-километровый марш по болотам, через леса, путями, невиданными для тяжелых машин. На танке «Челябинский комсомол», сделанном вашими руками, мы ходили в атаки десятки раз и жестоко били врага. Уничтожили 200 гитлеровцев, 5 минометов и одно тяжелое орудие. Это только начало нашего счета».

Мужественно сражались и наши земляки-южноуральцы.

Георгий Александрович Кочетков родился в селе Яковлевское Щучанского района Курганской области. Еще будучи мальчишкой увлекался лыжным спортом. Это увлечение осталось на всю жизнь. И пригодилось. В Копейск приехал в 1935 году на шахту 7/8. Был горнорабочим, затем горным мастером. В 1939 году закончил курсы усовершенствования политсостава запаса. А когда началась война с белофиннами, добровольцем ушел в составе 106-го отдельного лыжного батальона на фронт.

Затем снова мирный шахтерский труд. Но не надолго. В августе 1941 года был назначен комиссаром 155-го отдельного лыжного батальона, который формировался в основном из добровольцев-челябинцев и копейчан.

В декабре 1941 года батальон был направлен под Старую Руссу. Две зимы пришлось воевать лыжником на Северо-Западном фронте. Участвовали в боях за населенные

пункты Молвотицы, Залучье. Ходили по тылам противника и вместе с партизанами громили гарнизоны и обозы врага.

В одной из вылазок в тыл врага устроили засаду у дороги. Подкараулили небольшой вражеский обоз и захватили пять «языков». А в подводах оказались теплые вещи, награбленные у наших мирных жителей. Руководивший этой операцией комиссар батальона Г. А. Кочетков вместе с другими был награжден медалью «За боевые заслуги».

В феврале 1943 года при ликвидации демянской группировки батальон получил боевую задачу — вместе с другими частями захватить Залучье. Бой разгорелся жаркий. В одной из атак был убит командир батальона капитан Харин. Командование в ходе боя принял на себя его заместитель по политической части капитан Г. А. Кочетков.

За мужество и смелость, проявленные в этом бою, Георгий Александрович был награжден орденом Красного Знамени. (Сейчас Г. А. Кочетков на заслуженном отдыхе. Активный общественник, он желанный гость в школах поселка им. Вахрушева г. Копейска. — **Прим. автора**).

Павел Филиппович Кирюхин — родом из Сибири. Служил на Дальнем Востоке в составе 60-й танковой бригады радистом полковой радиостанции. С начала Великой Отечественной войны бригада была переброшена на запад, принимала участие в боях за Тихвин. В мае 1942 года направлена на Северо-Западный фронт под Старую Руссу.

В декабре 1942 года в районе реки Ловать Павел Филиппович был ранен. А после выздоровления направлен старшиной роты стрелкового полка 370-й стрелковой дивизии. Павел Филиппович был принят в ряды Коммунистической партии. За мужество, проявленное в боях, награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». (После демобилизации из Советской Армии в 1958 году по состоянию здоровья П. Ф. Кирюхин работает в заводууправлении завода имени С. М. Кирова в г. Копейске. — **Прим. автора**).

В боях под Рамушево отличился командир минометного батальона 250-й стрелковой дивизии 11-й армии старший

лейтенант Петр Алексеевич Мармулев. Войска 16-й немецкой армии вырывались из окружения по узкому рамушевскому коридору. Здесь шли ожесточенные бои. Старшему лейтенанту Мармулеву было приказано минометным огнем преградить отход противника. Десятки фашистских вояк нашли себе смерть от мин батальона Мармулева.

Но враг яростно огрызался. У наблюдательного пункта разорвался снаряд, и старший лейтенант был тяжело ранен. Это второе ранение. Первое он получил в боях за Волхов в январе 1942 года.

За умелые боевые действия и личную храбрость в этом бою П. А. Мармулев был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Петр Алексеевич до войны работал механиком железнодорожного депо на Катав-Ивановском цементном заводе. На фронт направлен после окончания Хабаровского военного училища. (В настоящее время П. А. Мармулев — председатель Еткульского райисполкома. Имеет ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почета. — **Прим. автора**).

Май 1942 года

Командный пункт 11-й армии находится в селе Лажины под Старой Руссой. Здесь же расположился политотдел армии.

Регулярно бываем в частях и соединениях. Изучаем опыт работы партийных и комсомольских организаций в боевой обстановке, помогаем командирам и политработникам частей и соединений проводить в жизнь приказы Верховного Главнокомандующего.

Все, что рождается ценного в практике работы партийных организаций и политических органов частей и соединений, обобщается политотделом и Военным Советом армии, становится общим достоянием. Это требует углубленной и напряженной работы всего состава

политотдела. Поэтому, возвратясь из частей, мы не рассчитываем на отдых. Надо подробно и объективно доложить свои наблюдения, выводы и предложения. Зафиксировать все в соответствующих документах. А там уже ждет тебя новое срочное задание.

В один из погожих дней я сидел над бумагами. Дом охранялся двумя солдатами комендантского подразделения: здесь находилось партийное хозяйство армии. В частности, много чистых комплектов партийных документов. Приток в партию отличившихся в боях солдат и офицеров все нарастал. В тяжелой боевой обстановке, в трудные долгие месяцы первого, неблагоприятного для нас периода войны люди стремились связать свою судьбу с партией, отдать ей все силы, а если потребуется, и жизнь.

Выдачу партийных документов в частях армейского подчинения мы проводили как правило непосредственно на передовой. И случалось нередко так, что через несколько дней партийный билет, простреленный и залитый кровью, возвращался обратно в политотдел армии.

Ко мне зашел батальонный комиссар Алексей Иванович Кутьин. Он, как и я, был инструктором политотдела. Мы часто бывали вместе в полках и дивизиях, и я уважал его за скромность, за большой опыт, за выдержку и хладнокровие в сложных и опасных ситуациях.

— Кончай писать, — сказал Алексей Иванович. — Смотри, вечер какой. Прямо как в мирное время. Пойдем, подышим малость.

Мы вышли на улицу. Вечер действительно был чудесный. Стояла тишина, нежная молодая листва позеленила лес, скрыв от глаз поломанные снарядами стволы и сучья берез. Я невольно вспомнил любимые места на реке Миасс, куда так часто ездил на рыбалку еще меньше года назад.

Мы медленно шли к лесу. Вот уже и первые березки, покрытые крохотными листочками с удивительным запахом весны и покоя. И в это время услышали быстро нарастающий гул моторов и почти сразу взрывы бомб. Три немецких бомбардировщика «юнкерс-88» скрытно, в лучах закатного солнца, на небольшой высоте стремительно

налетели на село. Они кружили каруселью, по очереди проносясь над крышами и сбрасывая смертоносный груз. Уже несколько домов разлетелось в щепки от прямого попадания бомб. Видимо, немцы узнали, что здесь располагается командный пункт 11-й армии.

Мы с Кутьиным оказались в относительной безопасности. Но тут я увидел, что дом, из которого мы недавно вышли, охватывает пожар.

— Алексей! — крикнул я Кутьину, показывая на горящую крышу дома. Он понял меня без слов, и мы бросились назад в село спасать партийные документы.

Вместе с часовыми мы проникли в горящий дом. Вчетвером стали выносить ящики с документами в предусмотрительно вырытые в земле укрытия.

«Юнкерсы» израсходовали все бомбы, но кружили над селом, строча из пулеметов. Мы продолжали перетаскивать документы в укрытие. Снова пронесся самолет. Батальонный комиссар, выронив ящик, упал. Он был сражен пулеметной очередью. Когда я подбежал и наклонился над ним, он был уже мертв. С помощью солдат отнес его в укрытие, положил на ящики с партбилетами, за спасение которых он отдал жизнь.

Не останавливаясь, мы с часовыми переносили документы. Вот последний ящик в безопасном месте. Не прошло и двух минут после этого, как крыша дома в тучах искр рухнула вниз.

Военный Совет наградил меня за спасение партийного хозяйства 11-й армии именными золотыми часами. Они мне очень дороги, как память о последнем подвиге скромного армейского политработника Алексея Ивановича Кутьина.

Февраль 1943 года

Наша 11-я армия по-прежнему занимает оборону в районе города Старая Русса.

Новый 1943 год начался для советского народа очень успешно. В первых числах февраля был закончен разгром 6-

й немецкой армии Паулюса под Сталинградом. Это была великая победа.

В такой радостной обстановке готовились мы встретить 25-ю годовщину Красной Армии. А тут еще стало известно, что на праздники к нам прибывает делегация трудящихся Челябинской области.

И вот посланцы южноуральцев у нас в гостях. Делегацию возглавляет заведующий военным отделом обкома партии Сергей Васильевич Зиновьев. Встреча с земляками для меня была особенно волнующим событием. В составе делегации оказался и представитель Копейска, горнорабочий шахты 4/6 Владимир Антонович Артемов. Казалось, моим расспросам не будет конца:

— Ну, как там Копейск живет? Как настроение шахтеров? Как транспортное управление? Не обижает вас порожняком?

— Трудимся, — отвечал Владимир Антонович. — Сил для победы не жалеем. Много шахтеров ушло на фронт. Их в лавах и забоях заменила молодежь, женщины. Трудно приходится, что скрывать, но ведь бойцам на фронте еще труднее. Никто не жалуется. Во время Сталинградской битвы все работали с небывалым подъемом.

Начальник политотдела армии генерал-майор В. Д. Шабанов, узнав, что среди гостей есть мой земляк-копейчанин, поручил мне сопровождать делегацию. Везде, куда мы приезжали, возникали митинги. Солдаты и офицеры взволнованно говорили о своей решимости быстрее разгромить ненавистного врага. А труженики тыла обещали фронтовикам работать еще лучше, снабжать героическую Красную Армию всем необходимым.

Эти встречи были очень теплыми и сердечными, ярко свидетельствовали о неразрывной связи фронта и тыла, о безграничной любви советских людей к своей армии. Члены делегации привезли воинам много подарков от южноуральцев. С какой любовью были изготовлены кисеты, шерстяные носки, мундштуки, носовые платки и многое другое! В. А. Артемов привез на фронт газету «Копейский рабочий» от 6 февраля 1943 года. С большой радостью и

волнением читал я этот номер, в котором назывались известные мне копейские предприятия, рассказывалось о том, как работают копейчане. В этой же газете сообщалось о том, что копейчане направили на фронт только с данной делегацией девять тысяч подарков.

Март 1943 года

Остановив врага западнее города Старая Русса в августе-сентябре 1941 года 11-я армия вместе с другими армиями Северо-Западного фронта приняла участие в ликвидации демянского плацдарма и разгроме 16-й немецкой армии. Как известно, в полном окружении 16-я фашистская армия находилась более двух месяцев. Гитлер вынужден был снять с других фронтов и послать 300 транспортных самолетов Ю-52 для снабжения армии продовольствием и боеприпасами. Окружение демянской группировки имело большое морально-политическое значение. Однако ликвидировать 16-ю армию тогда не удалось. Враг сумел 21 апреля 1942 года связаться с основной группировкой войск через рамушевский коридор. И только в марте 1943 года была ликвидирована демянская группировка.

По свидетельству немецкого генерала, командовавшего группой гитлеровских войск в этом районе, потери немцев только убитыми в районе Демянска составили около 90 тысяч человек.

Газета «Правда» в передовой от 3 марта 1943 года сообщала:

«Доблестные воины Красной Армии нанесли немецко-фашистским захватчикам новый удар: войска Северо-Западного фронта ликвидировали укрепленный плацдарм противника в районе Демянска. Советские воины за восемь дней боев освободили 302 населенных пункта, захватили в плен три тысячи немецких солдат и офицеров, взяли

большие трофеи. На поле боя осталось более восьми тысяч вражеских трупов».

Таким образом, войска Северо-Западного фронта выполнили задачу, поставленную Ставкой Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР.

Встреча боевых друзей

Недавно в Москве состоялась встреча ветеранов Северо-Западного фронта. Был приглашен на эту встречу и я, бывший старший инструктор политотдела 11-й армии.

...Серебристый «ИЛ-18» берет курс на столицу нашей Родины. Разговорились с попутчиком. Я поделился с ним целью поездки.

— Ну как, переживаете? — спрашивает.

— Да, волнуюсь. Сильно волнуюсь.

Встретиться с боевыми друзьями с которыми пришлось быть на фронте в самое трудное время для Родины, — это не шуточное дело. Каковы они через тридцать лет? Как у них сложились судьбы?

Встреча состоялась в помещении Всесоюзного дома композиторов. Подхожу и не верю своим глазам. Стоит Василий Дмитриевич Шабанов, генерал-майор в отставке, бывший начальник политотдела 11-й армии. Он в штатском.

Объятия... Вот встреча!

— Мне-то вас признать проще, — говорю Василию Дмитриевичу. — Вы же были моим начальником. А вот как вы меня узнали?

— По глазам, — отвечает.

Василий Дмитриевич — кадровый политработник, старый коммунист и заслуженный военачальник, сейчас живет в Москве и ведет большую общественную работу.

Подходит Владимир Борисович Фарберов, бывший редактор армейской газеты «Знамя Советов». Ныне полковник в отставке, живет в Ленинграде. Такой же весельчак, как и был. Те же карие глаза, окающий говорок. Он до сих пор сотрудничает в газетах и журналах, в том

числе и в нашей областной газете «Челябинский рабочий». Майор в отставке Давид Самойлович Давидович, бывший начальник отделения по работе среди войск противника. Его трудно узнать. Он приобрел «солидность» — располнел. В настоящее время живет в Москве, доктор исторических наук.

Вот и Николай Иванович Ряховский, бывший старший инструктор отдела кадров политотдела, ныне полковник в отставке, работает в Министерстве культуры СССР. Павел Федорович Николаев, бывший инструктор политотдела, ныне полковник в отставке, работает в Министерстве внешней торговли СССР.

— Друзья, — говорит Василий Дмитриевич, — а помните агитатора, затем лектора политотдела армии политрука Людмилу Марковну Зак? Она сейчас доктор исторических наук, профессор педагогического института имени В. И. Ленина в Москве.

— Ну, а ты-то как живешь? — спрашивают меня.

— Хорошо, — отвечаю. — После демобилизации из армии по состоянию здоровья вернулся в родные места на Южный Урал.

Долго еще звучало «а помните?»...

Открывает встречу генерал-майор Григорий Наумович Шинкаренко. Ба! Да ведь это Гриша Шинкаренко, бывший помощник начальника политотдела 11-й армии по комсомолу. В те далекие времена он был батальонным комиссаром.

Своими воспоминаниями поделился полковник в отставке Герой Советского Союза бывший начальник артиллерии 202-й стрелковой дивизии Ф. Т. Дахновский. Очень запоминающимся, трогательным было выступление снайпера 23-й стрелковой дивизии сержанта Лидии Семеновны Русаковой. Худощавая, миловидная женщина, на вид хрупкая. Имеет три тяжелых ранения и девять боевых наград. Уничтожила семьдесят девять фашистов и закончила войну в Берлине.

Тепло встретили собравшиеся выступление ветерана Северо-Западного фронта поэта Михаила Львовича

Матусовского. Он читал свои послевоенные стихи. Они трогают за сердце, будоражат воспоминания:

Где же эти парни безусые,
С кем в сорок первом году
Где-то под Старою Руссою
Мы замерзали на льду.
С кем по жаре и по холоду
Шли мы упрямо вперед.
Наша военная молодость —
Северо-Западный фронт.

На эти стихи композитор М. Блантер написал музыку и получилась хорошая песня.

Я вручил моим боевым друзьям традиционные копейские значки и сувениры — шахтерские лампочки и отбойные молотки. Подарками они были тронуты. Эта встреча останется в моей памяти на всю жизнь.

* * *

Я вновь и вновь перечитываю свои записи и возвращаюсь к их началу. В июне 1941 года мы, три политрука запаса, ушли из Копейска на фронт. В живых остался я один. Иван Иванович Лоськов, заместитель редактора газеты «Копейский рабочий», и Александр Афанасьевич Васильев, заместитель начальника городского узла связи, погибли в жестоких схватках с немецко-фашистскими оккупантами. Пусть эти воспоминания будут данью тем, кто сражался под Старой Руссой.

В. Чернов ШЕЛ МАЙ СОРОК ПЯТОГО...

И. Г. Гончаренко

5 мая, суббота

Стоим в Треббине, небольшом немецком городке, в пятидесяти километрах южнее Берлина. Еще несколько дней назад здесь гремели ожесточенные, кровопролитные бои. Фашисты рвались к Берлину, чтобы помочь окруженному там гарнизону, но сами тоже были в котле и металась от города к городу, от села к селу, ища слабинку в нашей обороне. Но слабинки не было. И потянулись на восток многокилометровые колонны бывших солдат бывшей гитлеровской армии. Пленные идут сбоку дороги, поднимая серую пыль, и с опаской поглядывают на мчащиеся мимо по шоссе танки, самоходки, автомашины. А гвардейцам и дела

кажется нет до всех этих битых фашистов. Привыкли. Они идут вперед делать свое трудное солдатское дело.

Весна берет свои права. В ясном безоблачном небе вовсю светит солнце. Ярко зеленеет трава, блестят на солнце молодые, терпко пахнущие листочки тополей. Цветут сады, поют птицы... и только разбитые машины, танки, пушки, бронетранспортеры, да еще неубранные трупы фашистов напоминают о том, что происходило здесь два дня назад.

Тишина. словно замер мир в ожидании чего-то необычного и очень важного. А что может быть важнее вести о победе. Ее ждут все: и солдаты — товарищи мои, прошедшие путь от Орла до Берлина, и наши матери, жены, дети. Вестей о мире ждет вся Земля.

Какой она будет эта победа? Каким будет этот победоносный день?

Радостным!

...Днем, когда на площади было особенно много народу — военного и гражданского — в небе появился «Ю-88». По «заблудившемуся» бомбардировщику ударили зенитки. Не успел пикировщик развернуться, как кто-то из зенитчиков угодил прямо в его фашистское сердце. Самолет взорвался и ошметками полетел к земле.

— Мистер Шмита хлопцы поломали — весело сказал невысокий, в широкой вылинявшей гимнастерке солдат.

На миг опустевшая площадь снова загудела голосами людей, рокотом машин, скрипом повозок, тележек, бричек, высоких крестьянских арб и даже карет с фонарями и фамильными гербами на дверцах. Кажется Германия сейчас огромным растревоженным муравейником. Вся на колесах. Одни едут на юг, другие — на запад, третьи — их большинство — на восток. Чехи, поляки, бельгийцы, югославы, французы, итальянцы и наши, советские люди. Все спешат домой, спешат покинуть эту проклятую людьми землю.

Со старшиной Дацковским мы собрались уходить, когда к нам подошла женщина с двумя ребятишками.

— Сыночки, как до Смоленска добраться?

— Далеко же ты, мамаша, забралась, — сказал Дацковский. — В самую середку Европы.

— А провалиться ему, ироду проклятому. Это он загнал нас сюда. Мамку вот их замордовали здесь. Остались детки сиротками. И не знаем еще: жив ли их отец? Вы, часом, не встречали Семерикова, Ивана Ефимовича?

Дацковский отрицательно покачал головой.

...После полудня зашел во вторую роту. Все заняты делом: чистят, смазывают, дряют орудия и машины. Лейтенант Гончаренко уже закончил проверку, загнал машину на стеллажи. Стоит, ну словно только что с завода. Но когда приглядишься, увидишь на ней и тяжелые и легкие ранения, и даже контузии.

У самого люка водителя — отметина фауста, вырван кусок брони с кулак величиной. Чуть выше, на маске пушки — вторая ссадина. А сколько осколочных шрамов, пулевых царапин! Это все автографы боев, в основном за Берлин и Потсдам. Там ребятам поработать пришлось.

Хороший у Гончаренко экипаж: ребята — один к одному, дружные, трудолюбивые, исполнительные. Шкловский, Батырев...

— Везет тебе, Гончаренко, — часто говорили ему офицеры. — Как ты умудряешься подыскивать таких ребят!

У меня, как комсорга батальона, важный разговор к Гончаренко. Вчера члены бюро назвали его первым, кого можно рекомендовать в партию. Офицер он хороший. Уважают его в батальоне: смелый, решительный, находчивый и рассудительный.

— Спасибо за доверие, — сказал лейтенант и покраснел. — Я и сам собирался с тобой поговорить, да все откладывал, думал — рано. И отцу хотел написать, посоветоваться. И тоже не решился... А знаешь, как обрадуются старики!

Он поднял на меня глаза: темные, глубокие, с радостной искоркой.

— И об этом я сообщу им... Знаешь когда? — спросил он меня вдруг, и тут же сам ответил: — В день окончания войны. В день Победы. Это будет так здорово!

...Вечером, когда большое багровое солнце покатилося к черневшему за городом лесу, мы собрались у штабной радиостанции. Пришли Александров, Гончаренко, Дацковский, Назаров, Кулешов и еще кое-кто. Радист Колчин копался в своем «эфирном хозяйстве». Пришел Войкин и запел «Из-за острова на стрежень». Песню подхватили, и над притихшим немецким городком поплыла русская песня, широкая и привольная, как сама Волга. Но песню не допели. Открылась дверь радиостанции, высунулась взлохмаченная голова Колчина:

— Ребята, — крикнул он, — послушайте! — И включил радио.

Взволнованный голос пражского диктора, обращенный к воинам Красной Армии, звал на помощь восставшей Праге.

Песня стихла. Встревоженные, слушали мы призыв о помощи патриотов Праги, которые вышли на улицы, построили баррикады, поднялись на борьбу с оккупантами.

— Да, слишком далеко мы от Праги, — с сожалением произнес Дацковский. — Но все равно Прагу спасет только Красная Армия.

Мы начали расходиться. А пражский диктор все говорил и голос его в вечерних сумерках резал сердце.

6 мая, воскресенье

Погода испортилась. Идет дождь, дует ветер — холодный и промозглый.

Едва закончился завтрак, как прозвучала боевая тревога. Забегали офицеры и солдаты, взревели моторы танков, и через час под гусеницами уральских машин загудела немецкая автострада.

Путь на юг! К Праге!

Только к исходу дня получили долгожданный привал. Это за весь-то день! И привал потребовался не людям, а машинам. За операцию к Берлину танки прошли по 700—900 километров. Им нужен серьезный ремонт. Но позвала Прага — и танки пошли в бой. Повели их люди. А у человека,

как известно, спидометра нет, не скажешь, насколько он износился. А тут еще этот проклятый дождь. Льет и льет. Когда двигались по шоссе — еще было полбеда, а вот когда свернули на проселочные дороги, положение изменилось. Танкам еще ничего, а транспортным машинам — беда. Поминутно приходится вытаскивать их из грязи.

В передовом отряде армии идет наша Челябинская танковая бригада. Батя, как уважительно зовут танкисты комбрига М. Г. Фомичева, на своем «козле» неожиданно появляется то у нас, то уходит далеко вперед к головному дозору, который вот уже несколько часов подряд ведет бой километра за три впереди. Мы пока в резерве.

Когда останавливаемся и затихают моторы машин, отчетливо слышны частые выстрелы танковых пушек, дробный перестук пулеметов и автоматов.

Двигаемся очень медленно. Ползем по совершенно разбитым дорогам. На брошенных позициях стволами в нашу сторону стоят пушки — противотанковые и зенитные. Дымят два подбитых «тигра». Позиции гитлеровцев были обойдены справа, и немцы бежали.

— Немецкие танки едва гусеницы унесли, — шутит Иванчиков, радист-пулеметчик, и сам смеется во весь свой белозубый рот.

Километра через три от линии обороны — село. На улицах автомашины, пушки, повозки. В кюветах трупы.

На краю села, на перекрестке, тоскливо толпятся немцы. Это пленные. Ждут конвой. Еще дальше лежит убитый фашист. Под солдатской шинелью — китель офицера. Толя Каштанов достает из кармана убитого ордена и медали, документы. Майор. Воюет с 1938 года. Ордена и медали за Варшаву и Минск, Париж и Смоленск. Был под Сталинградом. И пуля уложила на родине.

А дождь идет и идет. И не верится, что сейчас весна, май. Кажется снова вернулась осень — холодная и дождливая. И только к полуночи дождь стихает. Далеко позади, откуда мы движемся, играют на небе сполохи пожаров. Там продолжается бой. А мы уже в далеком тылу врага.

Танки, словно гигантские черепахи, движутся в полной темноте. Изредка головная машина вырвет из мрака на полторы-две секунды ленту дороги. И снова темень, еще более черная и густая. Красной звездочкой горит стоп-сигнал впереди идущей тридцатьчетверки.

В темноте, в дождь, на развилке дороги, обгоняем третий батальон и вырываемся вперед. В голове колонны — старший лейтенант Полегенький, за ним машина Буракова, потом Гончаренко. Гончаренко сидит на башне, свесив внутрь ноги и зорко вглядывается в ночь. Сзади башни на броне дремлют автоматчики. Разведчик Кочемазов поет песни русские и немецкие. Неожиданно врываемся в деревню. На улице стоят машины, повозки. Чьи? Конечно, не наши. Вспыхивают фары переднего танка и через секунду почти одновременно гремят два выстрела — наш и немецкий. Где-то на середине улицы загорается машина. В небо взлетают ракеты. Я отчетливо вижу «пантеру».

Снова выстрелы. Это Полегенький бьет по самоходке. Бураков обходит командира роты справа, Гончаренко сворачивает влево, в темноте опрокидывая повозку. «Пантера» стреляет еще раз и тут же, словно спичечная коробка, вспыхивает ярким факелом. От нее загорается дом.

Танки медленно ползут по улице, а во дворах и на задворках возникают и тут же стихают короткие автоматные перестрелки. Проходит еще несколько минут и бой замирает совсем. На освещенную пожаром улицу с поднятыми руками выходят немцы.

Но нам не до них. Осматриваем и дозаправляем машины. Как из-под земли появляется старшина Литвинов и его помощник каптенармус Бузоверя. Они обходят экипажи, предлагают танкистам ужин. Но нигде не брякают котелки. Люди настолько устали, что отказываются от еды и, едва добравшись до сухого места, засыпают.

7 мая, понедельник

В дом, где ночует первая танковая рота, заходит комбат, капитан Коротеев. В темноте он наступает на старшину Гольцева и тот спросонья ругается.

— Извини, Гольцев, — узнав старшину, тихо говорит Коротеев. — А где ротный?

— А вон там, у окна, на диване.

Полегенький уже не спит. Он поднимается, идет навстречу комбату.

— Пора поднимать людей, — говорит Коротеев. «Уже? — с сожалением думаю я, — ведь только что уснули».

— В пять выступаем. Батальон идет первым. Твоя рота — в головном дозоре.

— Подъем! — резко говорит Полегенький и выходит следом за Коротеевым.

Мы вскакиваем. В комнату сквозь раскрытые окна вместе с молочно-сиреневым туманом пробивается новый день. Дождь перестал совсем. С деревьев тяжело шлепаются на землю капли воды. Сыро. С улицы доносится рокот моторов, людские голоса и густой басок повара Ивана Шевченко. Он приглашает танкистов к котлу.

— Опять, небось, бронебойной нашуровал? — спрашивает его Боровиков, первый, кто всегда появляется на кухне.

— Ни, картопля з салом. И чарка горилки.

— Что?! — удивляется Боровиков. — Откуда ж такое богатство, старшой?

— У знакомого барона позычив.

— Тогда давай две порции. Особливо горилки.

— Две? За що? Мо вчора «пантеру» зпалыв? Ни? И чарки ни...

Здесь же у кухни на зарядных ящиках примостился Дацковский. Что-то пишет. К нему с котелком подходит Боровиков.

— Что, старшина, жинке рапорт строчите?

— Жена мне пока не командир, — степенно отвечает Дацковский и переворачивает листок чистой стороной вверх. — И до чего ж ты восприимчивый, Боровиков. Насквозь бумаги, кажись, видишь, — ворчит Дацковский, но

подвигается и освобождает на ящике место для котелка Боровикова.

— А что? Интересно ведь, что вы там в конце войны домой пишете.

...А когда золотистый диск солнца поднялся над горизонтом, над дальним лесом и его лучи заиграли в траве мириадами маленьких солнц, батальон был уже далеко от села. Сегодня к исходу дня мы должны быть под Альтенбергом. За ним уже Чехословакия.

Взвод Буракова ведет танковую разведку — открывает бригаде и всей танковой армии путь на Прагу.

Первым идти — многое значит: и мина, замаскированная на дороге — твоя, и «тигр» из засады первой болванкой ударит в тебя, и притаившийся у дороги фаустпатронщик, если его прозеваешь, прожжет тебя своей гранатой. Нужно быть зорким, внимательным, все видеть, все вовремя разглядеть.

Во взводе три машины: командира взвода лейтенанта Буракова, лейтенанта Гончаренко и младшего лейтенанта Котова.

Леонид Бураков — самый молодой командир взвода. Ему еще нет и двадцати. Совсем недавно, полгода назад, пришел он к нам из танкового училища. Пришел юношей, почти мальчишкой а за две прошедших операции — Одесскую и Берлинскую — стал хорошим офицером: смелым, находчивым, решительным. Зимой его приняли в комсомол. На фронте любят людей мужественных и хладнокровных, не теряющихся в сложной ситуации. Раскались земля — Бураков, кажется, не прибавит шагу. Не суетится, не нервничает. В бою ведет себя так, словно делает что-то давно знакомое и привычное.

Котов идет первым, за ним — Гончаренко.

Петр Котов — тоже молодой офицер-коммунист. В батальоне с конца прошлого года. Если говорить о внешности Котова, то он ничем особенным не выделяется среди других офицеров: среднего роста, кряжист, несколько мешковат. Одним словом — самый обыкновенный. Но на

войне не это главное. Котов — отличный товарищ, смелый офицер.

Люки откинута, и командиры машин внимательно рассматривают местность от домиков на дальних склонах холмов до придорожных кустов.

Через час в извилистом и глубоком дефиле дороги встречаемся лоб в лоб с шестью машинами — крупнокалиберной минометной батареей противника. Все происходит совершенно неожиданно. Немцы, приняв нас за своих, съезжают в сторону, чтобы пропустить танки. Фролов, механик-водитель головного танка, вплотную подъезжает к немцам и останавливается. Мы сворачиваем вправо, чтобы хорошо видеть всю колонну и при случае открыть огонь по всем машинам сразу. Котов, нырнувший сначала в люк, вылезает из него и машет немцам, чтобы те глушили моторы. Немцы, поняв, с кем имеют дело, «охотно» подчиняются. Они беспрекословно подчиняются и тогда, когда мы приказываем им спешиться, построиться у машин и сдать оружие.

Первым выполняет команду офицер, высокий белокурый майор в пенсне: он четко выходит из строя, снимает с ремня «вальтер» и вопросительно смотрит на Буракова.

— Бросай сюда! — говорит Бураков и сигнальным флажком показывает место на середине дороги.

Через несколько минут наши танки, проутюжив брошенное и стянутое от машин оружие и минометы, двинулись дальше на юг. А немцы, подняв над машинами белые полотнища — на север, навстречу бригаде.

К полудню далеко на юге засинели горы. С каждым часом они становятся все ближе и ближе, а мы все чаще и чаще вступаем в бой.

На исходе дня, когда наши танки пошли по открытому склону, к селу, раскинувшемуся в низине, из засады ударили «пантеры», застучали пулеметы. Мы укрылись за длинным невысоким сараем. Фашисты открыли огонь по сараю и подожгли его. Густой черный дым пополз по склону, и мы, использовав его как дымовую завесу, проскочили открытое место. Потом зашли во фланг «пантерам» и сожгли две

машины. Замолчавшие было пулеметчики снова открыли огонь. Тогда в бой вступили наши разведчики: Рехин, Ефимов, Лавриков и Рябченко.

Укротили ошалевших гитлеровцев, но потеряли Рябченко, одного из лучших наших разведчиков. Убит еще один наш солдат, наш боевой товарищ, и хотя он отомщен сторицей, сердце все равно болит. Ведь убит советский человек, замечательный русский парень. Он мечтал строить города — светлые, красивые, в которых должны были жить самые счастливые на земле люди.

Никак не укладывается в голове все то, что сейчас происходит в Германии. Всем ясно: конец! А вот поди ж ты: еще на что-то рассчитывают гитлеровцы, на что-то надеются. Воюют, гибнут. Во имя чего?

Этот вопрос не дает покоя нашим ребятам — солдатам и офицерам. Они задают его друг другу, пытаются получить ответ у пленных немцев. Но те по обыкновению виновато пожимают плечами и отмалчиваются. А вот пулеметчик, сразивший нашего Рябченко, ответил Полегенькому и Кочемазову:

— Befehl ist Befehl!

— Приказ?! — переспросил Полегенький.

— So! — ответил коротко немец.

Я глядел на немца — невысокого, толстого, уже немолодого, давно не бритого и грязного. Серые глаза его слезились. Бесцветные ресницы на покрасневших веках часто моргали, и мне вначале показалось, что он сейчас расплачется. Но он не плакал.

И вспомнился мне другой немец, которого я встретил осенью прошлого года в Польше, в Майданеке под Люблином. Он был из охраны концлагеря. И на вопрос: «Как они, немцы, давшие миру Гёте и Гейне, Шиллера и Баха, могли так жестоко обращаться с беззащитными и невооруженными людьми, с женщинами и детьми?» — он, не моргнув глазом, ответил так же, как и этот пулеметчик.

У Гелестхайзена взяли в плен сотню солдат. Среди них только пятнадцать кадровых, остальные старики, которым

давно перевалило за пятьдесят, и шестнадцатилетние подростки.

...На исходе дня вступили в Зейде, большое немецкое село среди гор, недалеко от границы с Чехословакией. Впереди самый трудный и сложный участок пути — горы, крутые подъемы и спуски, узкие, малонаезженные дороги, перевалы, обрывы. Кто-то вспомнил, что в 1938 году, когда фашистская Германия оккупировала Чехословакию, ее танковые части не рискнули идти здесь, а избрали более легкий путь — широкие автострады и шоссейные дороги.

— Мы пройдем! — уверенно заявил старший лейтенант Акиншин, командир второго батальона. — На то мы и уральцы, народ к горам привыкший.

— Вот ты и поведешь завтра бригаду, — улыбаясь, сказал полковник Фомичев.

— Есть вести бригаду! — весело ответил Акиншин.

Ему не впервой водить в атаку людей.

8 мая, вторник

И снова в путь! Еще рывок, еще один трудный день. Там за горами нас ждет Прага! Едва только забрезжил рассвет, зарокотали моторы танков и стократным эхом им ответили горы.

Узкая горная дорога взбирается все выше и выше. Натужно гудят стальные колоссы и словно слоны устало машут хоботами-пушками. Впереди идет батальон старшего лейтенанта Акиншина. Нам нравится этот расторопный и смелый офицер. Всегда, как это было и на Орловщине, и в боях за Каменец-Подольский, и особенно в уличных боях во Львове, именно его посылали на самые опасные участки.

Где-то в самом начале пути нам навстречу вышла группа крестьян. Михаил Георгиевич Фомичев спросил у них, как лучше пройти через горы.

— Не только сейчас, когда прошли такие дожди, — сказал самый старший из них с маленьким топориком за

поясом, — но и вообще здесь никогда не проходили машины. Это невозможно.

Невозможно! Но ведь надо! Ведь нас ждет Прага! Мы должны пройти!

— Ну, как, богатыри, пройдем? — спросил Фомичев у танкистов, окруживших полковника и крестьян.

— Пройдем!

И танки двинулись вперед.

— Это ведь русские. Они пройдут, — сказал старик-крестьянин. — Они пройдут...

Впереди идет «Беспощадный». Ведет его Василий Кружалов, один из лучших механиков-водителей бригады. Экипаж этой машины особенно отличился при форсировании Одера, за что Кружалову было присвоено звание Героя Советского Союза.

У шумной горной речки остановка: взорван мост. Что делать? В обход не пойдешь, назад не повернешь. Как в ловушке. А речка-то совсем пустышная, воды — не больше метра. Но очень крутой спуск.

— Кто-то должен пройти первым, — говорит Фомичев. — Нужен риск. Нужен пример.

— Разрешите мне, товарищ полковник!

Это Кружалов.

— А пройдешь? Не полетишь кувырком, удержишься?

— Попробуем, товарищ полковник. Думаю, что удержусь, машина не подведет.

— Ну, смотри. В добрый путь!

Кружалов развернул башню пушкой назад, чтобы ствол в землю не воткнулся. Высадил экипаж. И повел свой «Беспощадный». Тихо-тихо тронулся танк с места и, словно ощупывая, надежна ли почва, пошел вниз. Двигатель машины работает на самых малых оборотах, а иногда и совсем замирает — машина идет по инерции, только своей тяжестью.

И ведь прошел «Беспощадный»! Молодец, Кружалов!

И танки, один за другим, начали спуск к речушке. Второй берег тоже крутой. Но подъем преодолевается легче, а главное — безопаснее. Некоторые танки сцепляли

тросами, чтобы можно было удержать машину от падений с обрыва.

Очень тяжело в горах. Противник, приспособившийся к местности, понаставил на крутых поворотах и перевалах зенитные пушки, которые били по танкам прямой наводкой. Преодолевать такие опорные пункты врага помогло хорошо организованное взаимодействие с пехотой. Пулеметчики и автоматчики мотострелкового батальона под командованием капитана Старостина взбирались на горные кручи и внезапными ударами сверху выводили из строя вражеские расчеты пушек, уничтожали опорные пункты.

В одном месте путь танкам преградил завал из вековых сосен. Добровольцы, пустив в ход топоры, пилы, проделали коридор в завале, через который танки и машины проскочили вперед. В другом месте гитлеровцы подожгли лесной завал. Что делать? Ждать, пока сгорит? Долго. Другой дороги нет и обойти нельзя: справа — каменный утес, слева — пропасть. И тогда вызвался Иван Гончаренко. Отважный офицер с механиком-водителем Ильей Шкловским повели танк прямо в огонь, закрыв предварительно жалюзи. Они сбили часть пылающего завала и по самому краю обрыва провели тяжелую машину. Нельзя было не восхищаться мастерством Шкловского и Гончаренко, с каким смельчаки выполнили эту задачу.

Иногда завалы подрывали фугасами, расстреливали их или растаскивали танками. И шли. Шли упрямо вперед!

Уральцы сделали невозможное! В 9 часов утра перешли границу Чехословакии.

Едва первые танки остановились на краю села, как сразу же были окружены большой группой крестьян: пожилые и молодежь, старики и дети обнимали и целовали нас, запыленных и небритых. Многие плакали. К Толе Каштанову подошла крестьянка Божена Индрова — с национальным флажком на груди. Низко ему поклонилась.

— Спасибо вам, сыночки, что пришли к нам, — сказала она. — Мы долго вас ждали, но всегда верили: придете к нам и поможете. Теперь мне и умирать можно...

Каштанов обнял старушку и трижды по-русски ее поцеловал.

— Нельзя сейчас умирать. Сейчас только жить да жить.
До Праги 105 километров.

Весна. Солнце. Тысячи счастливых людей с радостными улыбками выходят навстречу нашим танкам. Стоит только остановиться, как сразу же возникает митинг. Чехи задают нам тысячи вопросов, изливают свою душу, проклинают фашизм и все, что было связано с ним. Они забираются к нам на танки, хотят вместе с нами добивать оккупантов. И стоит большого труда, чтобы «отговорить» их покинуть машины. Мы не имеем права брать их с собой, не имеем права рисковать их жизнями.

Танки проходят сквозь сплошные шпалеры восторженно встречающих нас людей. Они машут руками, забрасывают танки цветами, кричат здравицы в честь Советского Союза, Красной Армии, и кажется иногда, что вот-вот подхватят наши тридцатьчетверки и понесут их вперед.

— Ать жие Руда Армада!

— Ать жие Советски Связ!

— Наздар! Наздар! — летит за нами от самой границы.

И лейтенант Федор Назаров скаламбурил:

— Вы слышали, что кричат чехи? — лукаво улыбаясь, спросил он нас на какой-то остановке. — Назаров! Назаров!.. Ума не приложу, как это они узнали, что это действительно я?

— А тут, Федя, и узнавать нечего, — в тон ему весело ответил старший лейтенант Полегенький. — Таких рыжих, как ты, почитай на пол-Европы только ты один.

От Билин снова впереди наш батальон. А в разведке — взвод Буракова.

Все жители Билин вышли на улицы, чтобы приветствовать Красную Армию-освободительницу.

На каждом доме, в каждом окне — трехцветные национальные флаги Чехословакии и огромные стяги Союза Советских Социалистических Республик. Нас ждали, как самых дорогих и желанных. Через всю центральную

улицу — полотнище: «Ать жие Руда Армада! Да здравствует Красная Армия!» — написано на нем.

За городом — колонна пленных: черные мундиры, на руках черепа и скрещенные кости. Эсэсовцы. Хмурые с опущенными головами, глядят настороженно, исподлобья.

— Товарищ старший лейтенант, эсэсовцы. Палачи идут! — говорит Полегенькому младший лейтенант Быстров, и я вижу, как бледнеет его лицо и руки сжимаются в кулаки. — Разрешите, я их...

— Не разрешаю, Быстров. Это пленные, — говорит Полегенький, а сам зло глядит на них, сжимает зубы так, что сквозь щеки играют желваки.

— Старшой, палачи ведь идут. Они мою сестру замучили под Ленинградом, мать уморили голодом. Убийцы идут, ведь...

— Прекрати разговоры, Быстров! Порядок наведи в своих нервах. Ты солдат, а не убийца...

Полегенький отворачивается от колонны пленных, берет под руку Быстрова, и они медленно идут к своим танкам. И невдомек Быстрову, что от семьи Полегенького остался только один он. Всю семью в сорок третьем уничтожили фашисты на Полтавщине.

Добромержице... Танки вошли в почти пустое село, как нам вначале показалось. Остановились на перекрестке. У выглянувшего из дома чеха спросили дорогу на Прагу.

— Руда Армада! — закричал он вместо ответа и бросился к нам.

И село ожило. К нам бежали мужчины и женщины, старики и дети. Пергл Вацлав, так звали крестьянина, закричавшего «Руда Армада», вскочил к нам на танк и так тискал нас своими ручищами, словно хотел задушить. Он пытался что-то сказать, но волнение и слезы мешали ему говорить, и он снова обнимал и целовал нас. Но вскоре его оттеснили сбежавшие сюда чехи, и тогда Вацлав от избытка чувств и радости стал целовать пушку.

Нас угощали вином, молоком, яблоками. А в стороне стояли мальчик и девочка лет 9—10 с ведерком воды. Они ждали, когда кто-нибудь из танкистов попросит пить. Их

увидели Фролов и Наймушин. Они взяли детей на руки и обошли всех нас. И не было вкуснее угощения, чем холодная колодезная вода из милых детских рук...

Перед заходом солнца налетели на огромную колонну гитлеровцев. Самым разумным для них было сложить оружие, как это многие и делают. Но они предложили нам бой. И тогда заговорили наши танки. И почти от километровой вереницы машин остались груды искореженного металла и трупы.

Искусно ведет разведку лейтенант Бураков. Когда подходили к селу, танк Котова шел улицей села, а два других — Буракова и Гончаренко — огородами. Враг бросился удирать задворками, но там попал под огонь танков.

...Танки поднялись на взгорье. В лощине — деревня. Зоркие глаза офицера Котова заметили за ней замаскированный танк и два орудия с тягачами. Старший сержант Наймушин открыл огонь через деревню и в считанные минуты уничтожил и танк, и пушки, и тягачи.

...Наступил вечер, а за ним ночь. Танки, все убыстряя бег, несутся к Праге. Остались позади восторженно встретившие нас Лоуны, Слани, Билина. У Брандысека мы снова вступили в бой с колонной немцев. Фашисты пытались уйти на запад, к американцам, но огонь наших танков круто изменил их намерение.

Впереди на горизонте поднялось в небо зарево пожара.

— Прага горит... — сказал Зденек, молодой чех, ехавший с нами почти от самой границы. Он сказал это с такой болью, что я невольно посмотрел на его лицо. Зденек плакал.

Помню, я тоже плакал когда-то в самом начале войны. Я видел, как в огне умирал Гомель, город, в котором я вырос и который любил. Город горел, рушился под бомбами фашистских самолетов, а я ничего не мог сделать, ничем не мог помочь. И я плакал.

Я видел пылающий Берлин. Да, я был рад, что возмездие свершилось. Но я и жалел город, жалел, что в огне, в

бесмысленном огне войны, горит труд многих поколений людей.

И вот горит Прага. И Зденек плачет. Я понимаю его, сына своей страны. Запомни, Зденек, этот вечер, эту ночь! Это фашисты жгут твою Злату Прагу, сердце твоей прекрасной родины!

В Сланях, когда мы — Иван Гончаренко, Владимир Полегенький, Михаил Александров, Иван Романченко и я — слушали на площади оркестр волынщиков, к нам подошел радист штабной машины старшина Войкин и тихо сказал:

— Только что передали по радио американцы: в Берлине подписан акт о капитуляции фашистской Германии.

Мы обнялись и расцеловались.

— Дожили, черт возьми! Дожили до Победы, ребята! — радостно закричал Романченко. — Дожили!

А впереди горит Прага...

9 мая, среда

В полночь командир бригады полковник М. Г. Фомичев вызвал к себе командира взвода разведки Соколова и помощника командира саперного взвода Пасынкова.

— Наступил час последней разведки, — взволнованно заговорил комбриг. — Нужно разведать подходы к городу. Немцы, возможно, блокировали город, чтобы не дать возможности патриотически настроенным чехам прийти на помощь восставшим пражанам. Будьте особенно внимательны и осторожны именно сейчас, когда идут последние часы войны. В Берлине подписан акт о капитуляции фашистской Германии. Но здесь армия Шернера сопротивляется, не желая капитулировать перед Красной Армией. Шернер пытается вывести остатки разгромленной армии на запад и сложить оружие перед американцами. Но эти попытки гитлеровцев обречены на провал.

Где-то около часу ночи взвод Буракова с разведчиками и саперами двинулся к Праге. В нескольких километрах от

города танки остановились. Разведчики и саперы спешили с машин и исчезли в темноте.

Прошло пять... десять... пятнадцать минут тревожного ожидания. Чутко вслушиваемся в ночь. Тишина... Только легкий предутренний ветерок шелестит молодой листвой на деревьях, да со стороны города доносится автоматная и пулеметная перестрелка. Изредка слышны взрывы мин и гранат. Там идет бой повстанцев с фашистами. И в этой настороженной тишине доносится слабый, еле уловимый приглушенный крик. И снова тишина. Что там случилось?

Только когда вернулись разведчики — все прояснилось. Саперы шли по шоссе, а разведчики, разделившись на две группы, двигались по обеим сторонам дороги. Почти у самого города откуда-то сверху, с деревьев, что обступили дорогу, на разведчиков свалились вооруженные люди. Полетело оружие. Кто-то крикнул, предупреждая об опасности. Напавшие вдруг остановились и в следующее мгновение уже... обнимали и целовали разведчиков и саперов. Это были повстанцы.

Танки двинулись к Праге, дорога, по словам повстанцев, безопасна вплоть до самого города. Ее контролируют горняки Кладно, пришедшие на помощь пражанам.

Через несколько минут под гусеницами первых советских танков загудела пражская мостовая. Начинался рассвет, часы показывали половину третьего.

У первой баррикады нас торжественно встречали пражане. Торжественно — это не то слово. Все это будет потом. А в тот час на баррикаду шли танки. И вопроса для тех, кто ее защищал: «Чьи они?» — не было. От Кладно могли идти только немецкие танки. Нас ждали. Очень ждали. Но не с этой стороны, не с северо-запада, а с юга, от Братиславы и Брно.

А танки шли. Медленно, осторожно, ощупывая каждый дом, каждый перекресток и поворот улицы.

...Еще издали я увидел баррикаду, перегородившую улицу. Вначале я не понял, что это за сооружение. Только потом понял, когда до нее оставалось метров пятьдесят. Баррикада довольно высоко, почти до второго этажа,

поднималась над мостовой, перегородив улицу во всю ее ширину. Перед ней, на разобранной мостовой, камни которой тоже пошли на ее строительство, колесами вверх, лежало две повозки, перевернутый автобус, столы, мешки с землей, ящики.

Танк прошел еще несколько метров и остановился. На вершине баррикады появились повстанцы. Над ними полыхнуло алое полотнище и кто-то во всю мочь своих легких закричал:

— Руда Армада! Руда Армада! Ать жие Руда Армада!

И началось!

Защитники баррикады бросились к танкам. К нам потянулись сотни рук. Прибежали жители ближних улиц. Они взбирались на танки, обнимали и целовали нас, говорили слова благодарности за помощь, плакали от радости. Появились дети. Счастливые родители протягивали их нам, чтобы мы хоть минутку подержали малышей на своих руках. А сами, взволнованные и счастливые, стояли рядом, улыбались и плакали.

Светаёт. Мы продолжаем двигаться вперед в глубь города, к реке, где, как говорят чехи, окопались гитлеровцы. Неширокие пражские улицы сворачивают то вправо, то влево. На танках уже видны не только серые солдатские шинели, но и люди в гражданских костюмах. Вот и у нас на крыле рядом с командирским люком, крепко ухватившись за поручни башни, стоит чех.

У трамвайного парка встречаем группу людей. Впереди с развернутым Красным знаменем — пожилая женщина. На алом полотнище вышиты Серп и Молот. Вышиты! Значит об этой встрече они думали раньше, вышивая знамя в тайне. Знамя торжественно передают Ивану Григорьевичу. Целуются. Гончаренко укрепляет его на башне.

Где-то за Прагой всходит солнце. Его золотистые лучи осветили шпили башен, крыши, засверкали в окнах домов. Пражское солнце встречает свой первый мирный день.

Ликует Прага!

Люди радуются миру, весне, счастью, свободе. Вокруг звенят песни, русская речь сливается с чешской словно

воды двух рек. Весело шумит детвора. Записываем адреса, фотографируемся на память, обмениваемся подарками, сувенирами. И цветут тюльпаны и сирень.

Свобода! Она пришла в стобашенную красавицу Прагу, как ее ласково называют чехи, в форме советского солдата с первыми уральскими танками. Вот он стоит на танке, обхватив пушку рукой, и, запрокинув голову к солнцу, жадно пьет холодную влтавскую воду. А на запыленную и обожженную в боях броню уральских танков, у самых ног солдата, ложатся хрупкие веточки пражской сирени и ярко-красные колокольчики тюльпанов.

Солдат поворачивается ко мне лицом. Иван Романченко! К нему протискивается худенькая невысокая старушка с совершенно белыми волосами. Она нежно гладит рукой его гимнастерку, что-то говорит, а потом, словно мать, припадает головой к Ивановой груди и плачет. Романченко неловко гладит ее голову, что-то ей говорит. Она поднимает глаза, глядит Ивану в лицо и начинает улыбаться.

Я тоже улыбаюсь. Улыбаюсь счастьем пражан и горжусь моими товарищами, моей родной героической Красной Армией, моей прекрасной Родиной.

— Ленин!

Это говорит высокий пожилой чех.

— Ленин! Он жил здесь в Праге.

А потом:

— О, как долго мы ждали вас. Знали, верили: придете...

И мы пришли! Сквозь тысячи километров фронтовых дорог, сквозь рев и гул атак мы видели тебя, многострадальная Прага, видели вот этих истосковавшихся по свободе людей. И пусть здесь была ночь и стучали по мостовым кованые сапоги нацистов, люди верили в нашу правоту, в нашу силу, в нашу победу и ждали нас. И не только ждали, но и боролись, и вышивали в глубоком подполье на красных полотнищах Серп и Молот, чтобы вот сегодня поднять над городом тысячи «серпастых и молоткастых» красных флагов!

...Ревут моторы танков, захлопываются люки и стальные колоссы медленно движутся к Влтаве. Нашему батальону

приказано овладеть Манесовым мостом и выйти на правый берег реки к Парламенту.

Очищаем от фашистов улицу за улицей. Подходим к Градчанам, Пражскому Кремлю, а затем узкими и кривыми улочками спускаемся все ниже и ниже к Влтаве. С крутого берега, через сиреневую дымку распустившихся цветов и черепицу пражских крыш, засверкала под солнцем Влтава, последняя река на нашем боевом пути. До нее рукой подать — не более полукилометра.

У Гончаренко на лобовом пулемете сидит проводник, один из защитников пражских баррикад. На броне несколько автоматчиков.

Узкая, извилистая улица спускается все ниже и ниже. У выхода на небольшую площадь, что у самой реки, останавливаемся. Тишина... Шкловский выводит машину на площадь. Обходит угловой дом и вот она — Влтава! Над ней все еще курится туман.

И обрывается тишина. Справа, слева и откуда-то сверху бьют пулеметы, ведут огонь автоматчики.

От моста, скрытого молодым сквером, дважды стреляет самоходка. На башне тридцатьчетверки вспыхивает пламя и тут же гаснет. В следующее мгновение звучит сухой отрывистый выстрел, и «пантера» окутывается дымом. Батырев и на этот раз оказался на высоте — сработал наверняка.

А фашистские автоматчики словно ошалели. Они усиливают огонь, когда из переднего люка танка один за другим вываливаются окровавленные Шкловский и Филиппов. Мы стреляем по окнам дома напротив, а также по откосу, откуда длинными очередями бьют два пулемета.

Огонь фашистов слабеет. Филиппов тяжело поднимается, шатаясь, идет к стенке и падает. За ним ползет Шкловский. Рядом с гусеницей неподвижно лежит проводник.

Проходит мгновение, и стрельба обрывается. Уцелевшие фашисты, пригнувшись, бегут вверх по откосу. А на площадь одна за другой выходят тридцатьчетверки. Они разворачиваются и, стреляя на ходу, мчатся к мосту.

* * *

В госпитале, спустя много дней после поединка у Манесова моста, я узнал, какой дорогой ценой мы заплатили за наш последний бой. На берегу Влтавы, за час до последнего выстрела войны, погибли наши замечательные ребята, отличные комсомольцы Иван Григорьевич Гончаренко и Василий Дмитриевич Мягков.

Могилы, могилы друзей... Сколько осталось вас на кровавых дорогах войны! Промчатся годы, заживут и зарубцуются солдатские раны, затянутся травой окопы и блиндажи, на месте разрушенных городов и сел поднимутся новые, еще более красивые и устроенные, но мы, оставшиеся в живых, всегда будем помнить вас.

В Праге на пьедестал вечной славы поднят уральский танк. На постаменте — мемориальная доска и на ней имена тех, кто на рассвете 9 мая 1945 года первыми ворвался в столицу Чехословакии — Прагу. Среди них — имя командира легендарного танка Ивана Григорьевича Гончаренко, добровольца нашей гвардейской Челябинской танковой бригады.

Благодарный народ Чехословакии не забыл вас, герои...

И. Рой

ПИСЬМА ОТЦА

Г. Д. Рой

Память об отце. Даже короткая отцовская фраза, любой рассказ о нем для меня значат очень много. Я мысленно все чаще обращаюсь к нему, задумываюсь над каждым словом.

Член партии с 1930 года, гвардии старший сержант второй стрелковой роты первого батальона 535-го гвардейского стрелкового полка мой отец Георгий Денисович Рой погиб в феврале 1943 года. Он сражался с фашистами на Ленинградском, Волховском, Сталинградском, Северо-Кавказском фронтах. Вражеская пуля осиротила семерых малолетних детей. Когда отец уходил на фронт, самому младшему в нашей семье — Лене было всего шесть месяцев, остальные на год-полтора старше друг друга. Вот с такими детьми осталась без мужа тридцатипятилетняя колхозница Федора Корнеевна Рой.

В нашей семье каждый хорошо помнит номер отцовского партийного билета. Драгоценной памятной реликвией стала небольшая, стального цвета, красноармейская книжка, залитая отцовской кровью. Сквозь засохшую кровь мы прочитали номер автомата — 4 433, которым отец громил фашистов.

Есть еще память об отце — вырезка из фронтовой газеты, присланная им с фронта.

«Гвардии старший сержант Рой Г. Д. во время боя заменил убитого командира взвода, повел автоматчиков в атаку и обеспечил выполнение боевого задания. За проявленные мужество и личную инициативу в бою с немецкими оккупантами гвардии старший сержант Рой Г. Д. награжден медалью «За отвагу».

Бережно хранятся в нашей семье фронтовые письма отца. Они много значили тогда для моих старших братьев и сестер и еще больше значат теперь, много лет спустя. В этих письмах отчетливо виден характер отца — человека неугомонного, непримиримого, веселого, жизнерадостного. Он всегда находился там, где кипела жизнь. В письмах отца есть много пожеланий видеть своих детей настоящими людьми, воспитанными комсомолом, партией. Эти письма укрепляли дух матери, подбадривали и возвышали ее.

Вот эти письма:

«26 января 1942 года. Добрый день, Федора Корнеевна, Зоя, Гриша, Шура, Нина, Ваня, Коля, Леня! Шлю вам боевой фронтовой привет. Я продолжаю сражаться с ненавистным гадом — немецкими оккупантами.

Дорогие дети! Я хочу заключить с вами договор. Вы будете учиться на отлично и помогать дома маме, а я буду бить гитлеровских гадов на отлично, не жалея своей крови. Если потребуется для Победы, и самой жизни не пожалею. Но помните, дети, что я даром своей жизни не отдам, буду

биться жестоко, со всей злостью к врагу. Если же придется погибнуть, то погибну за вашу счастливую жизнь. Вы должны после победы над врагом жить счастливо и хорошо. Прошу вас везде быть примерными и старательными, не хныкать, и вас будут люди уважать...»

Мой старший брат Александр, тогда одиннадцатилетний Шура, написал на фронт отцу письмо. Он обещал учиться только на отлично, а в каникулы пойти работать в колхоз. Сын-третьеклассник сообщал отцу деревенские новости, писал о болезни старого учителя математики, передавал от него привет фронтовикам и совсем по-взрослому давал наказ:

«Папа, бей беспощадно фашистских людоедов».

Отец с уважением к этой детской взрослости писал домой, обращаясь в первую очередь к сыну-третьекласснику:

«23 марта 1942 года. Добрый день, Александр Георгиевич, Федора Корнеевна, Зоя, Гриша, Нина, Ваня, Коля, Леня! Я очень благодарю Александра Георгиевича за то, что он написал мне письмо. Я его получил 21 марта. Ты, сынок, желаешь мне беспощадно бить фашистских людоедов. Ты правильно говоришь, что немецкие захватчики — настоящие людоеды. Они не жалеют советских людей — стариков, женщин, детей. Когда удирают от нас, то на своем пути уничтожают все: сжигают деревни, издеваются всячески над людьми. Вот какие они, сынок!

Я бью немцев, не жалея сил, и буду бить до тех пор, пока в моей груди бьется сердце, — до полной победы. Но ты учти, сынок, что среди немцев есть люди, рабочие и крестьяне. Они тоже не хотят с нами воевать, но фашисты заставляют их силой.

Сейчас фашистов не любит весь мир. А нашу Красную Армию считают грозной силой. Вот почему мы победим. Ты, сынок, старайся учиться хорошо, чтобы был достойным, преданным сыном нашей Родины. А мы, фронтовики, постараемся скорее разгромить и уничтожить врага.

Ваш отец Г. Рой».

«9 сентября 1942 года. Добрый день, Федора Корнеевна и дорогие детки Зоя, Гриша, Шура, Нина, Ваня, Коля, Леня! Шлю я вам горячий боевой привет. Извините, что долго не писал, не было возможности. С 11 июля наша часть находится в непрерывных боях. Ожесточенно отражаем натиск врага, уничтожаем его живую и механическую силу. Нам, фронтовикам, впереди предстоят большие задачи, чтобы скорее уничтожить гитлеровскую гадину.

Дорогие детки! Я уже истребил не один десяток фрицев. Пока сердце работает, буду уничтожать гадов до последней капли крови. Если проклятая вражеская пуля сразит меня, то помните, что ваш отец геройски умрет при защите своей любимой Родины.

Мои боевые качества и смелость командование учло и представило меня к боевой правительственной награде. Теперь я еще больше приложу усилий, чтобы бить, уничтожать гитлеровцев.

Прошу вас, детки, какие бы трудности ни появились в вашей жизни, переживайте, преодолевайте их безо всякого ропота и хныканья. Вас ждет радостная жизнь, которую мы вам завоем. Если я погибну, то вас воспитает комсомол, партия.

Целую всех, ваш отец Г. Рой».

До войны отец был бригадиром тракторной бригады. О том, что она была в числе лучших в районе и республике, свидетельствуют документы, рассказы матери.

— Однажды отец вернулся из МТС радостный, сияющий, — вспоминает мать. — Говорит: еду в Москву, на выставку. Я аж растерялась. В нашей Кохновке такого не бывало, чтоб кто-то в Москву ехал.

Из Москвы отец вернулся с «трофеями». Его имя занесли в Книгу почета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, выдали свидетельство. Оно и сейчас хранится у матери — в рамке под стеклом. В нем записано:

«Рой Георгий Денисович, бригадир Чишминской МТС Башкирской АССР, в 1938 году добился средней выработки на тракторе «ХТЗ» 903 гектара, за что утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и занесен в Книгу почета, № 116 030».

Бригадиром тракторной бригады отец работал десять лет, до этого был рядовым трактористом, со дня появления в деревне первого трактора. Сохранилось его удостоверение:

«Рой Г. Д. окончил краткосрочные курсы в Тоцких лагерях. Теория тракторов — хорошо, монтаж трактора и езда — хорошо. Сентябрь 1930 года».

В трудную фронтовую годину отца волновало, как идут дела в деревне, как работает его бригада. В одном из писем домой он спрашивает:

«Апрель 1942 года. Федора Корнеевна, дорогие дети! Напишите мне, как подготовилась моя тракторная бригада к посевной? Кто сейчас работает трактористами и кто бригадир вместо меня? Напишите, как колхоз готов к севу, как

пройдут полевые работы? Что-то душа у меня болит за дела в колхозе и бригаде. Жду ответа.

Остаюсь ваш, Г. Рой».

Прошли жаркие в боях весна и лето 1942 года. Часть отца уже находилась под Сталинградом. Письма с фронта были нечастыми. Однажды в одном конверте оказалось два письма, одно семье, другое — односельчанам. Отец просил зачитать его на общем собрании. Это был его ответ на клятву, которую он давал на митинге перед уходом на фронт своим односельчанам.

«19 сентября 1942 года. Дорогие односельчане-колхозники! Разрешите доложить вам, что мы беспощадно гоним гитлеровскую гадину с нашей родной земли, не даем врагу покоя ни днем, ни ночью. У всех одно желание — быстрее уничтожить кровопийцу. Я видел бесчисленные жертвы зверства захватчиков. Они не жалеют ни детей, ни женщин, ни стариков. Мы за это беспощадно мстим врагу.

Наша гвардейская часть всегда там, где проходят передовые рубежи. Разобьем врага в одном месте, спешим на другое. Уничтожаем врага по-гвардейски. На моем счету десятки гитлеровцев. Я и мой автомат работаем без отдыха. С ненавистью буду громить фашистскую свору и дальше.

А как дела у вас в колхозе? Выполняете ли поставки? Мы знаем, что вам нелегко без нас, но план заготовок вы выполните досрочно. Это поможет быстрее уничтожить врага.

Обращаюсь еще к вам с просьбой. Увидеться, может, не придется, прошу, не забывайте мою семью, знаете, какая она у меня большая. Без вашей помощи моим детям не выжить.

Ваш верный друг Г. Рой».

Сохранилось одно из писем, адресованное отцом своим родителям. Оно короткое, написано перед боем.

«25 сентября 1942 года. Здравствуйте, дорогие папа и мама. Я жив и здоров, беспощадно громлю фашистскую свору, чтобы с ней скорее покончить. Я, дорогие родители, ваш наказ выполню. От моей руки уже не один десяток врагов сложил кости на нашей земле. Буду сражаться до тех пор, пока в моей груди бьется сердце. Пощады фашистам нет! Смерть немецким оккупантам!

До свидания, ваш сын Егор».

Последнее письмо от отца пришло зимой 1943 года. Вслед за ним почтальон принес извещение о том, что

«Тов. Рой Георгий Денисович, 1906 года рождения, гвардии старший сержант 535-го гвардейского стрелкового полка первого батальона погиб в борьбе с кровавым фашизмом, проявив героизм и мужество. Похоронен на кладбище г. Махач-Кала пос. «Двигательстрой».

Отец погиб. Многие годы мы не верили в это. Не могли поколебать нашей веры и три похоронки. И все же отец погиб, оставив нас, семерых сирот, свои пламенные письма и несколько фотографий.

На одной из них — отец в военной форме. Мужественное, сосредоточенное лицо, строгий взгляд. И все же угадывается мирный характер этого человека в гимнастерке.

На другой фотографии отец запечатлен в поле, во время уборки урожая. Это был первый год колхозной жизни. На полях тогда созрел богатый урожай. Вот такая запись на обратной стороне фотографии. Она даже скреплена двумя подписями и колхозной печатью.

«В самый разгар уборочной кампании в пос. Давыдовка, в восьмой бригаде получился прорыв. Кулачье торжествовало. Дошло до того, что работа в поле совсем остановилась. Кохновской партией и правлением колхоза были посланы на прорыв комсомольцы Рой Георгий Д. и Васюк Ефим Д., которые практически проработали три дня, ликвидировали все склоки, наладили полевую работу.

Председатель колхоза Лаптев, секретарь Ткач».

Каким был отец в тридцатые годы, свидетельствуют и другие документы. Помимо основной работы в бригаде он обучал колхозников военному делу. Сохранились удостоверения об избрании отца ответственным секретарем районного совета ОСОАВИАХИМА, инспектором райвоенкомата.

Прошло тридцать лет со дня гибели отца. Ему было тогда 37 лет. Сейчас столько же его сыновьям. Мы тоже надевали в свое время такие гимнастерки, как у отца. Мы тоже клялись у знамени на верность Родине. Каждый из нас вернулся к мирному труду со значками отличников боевой и политической подготовки. Если будет команда, пятеро сыновей гвардии старшего сержанта Роя станут в боевые ряды, с честью выполнят свой долг перед Родиной и партией, как это сделал наш отец.

Каждый погибший на фронте имеет право говорить с живыми. Мой отец погиб за правое дело. Прошли многие годы. Но отец продолжает говорить с нами.

Мы были на твоей земле, отец. Были там, где ты воевал, под Ленинградом, под Сталинградом, на Северном Кавказе, на братской могиле, где ты похоронен. Мы идем твоей дорогой, отец.

В своих письмах ты сказал: «Дети, будьте настоящими людьми». Эти слова мы помним всегда.

Е. Селиванова **ПЕСНЯ О ВЕТРЕ**

Е. В. Овчинников

До войны Евгений с Ниной учились в Челябинской железнодорожной школе № 4. Она и сейчас стоит недалеко от вокзала. Высоко поднялся красавец-вокзал над площадью и домами. И школа в свои три этажа кажется совсем небольшой. А дом Жени приютился у самых путей. Его совсем не видно за многоэтажными зданиями.

Всего метров триста надо пройти от вокзала, чтобы выйти на улицу Овчинникова, названную в честь Евгения.

Я училась с Евгением Овчинниковым в одной школе, хорошо его знала, а потому не имею права не рассказать о нем.

...В школе он был лучшим танцором. Как только объявят:
— Евгений Овчинников и Николай Батраков! — весь зал грянет аплодисментами, а потом еще долго гремит: «Браво!»

Бис!»

Как-то на школьном вечере Нина должна была прочесть свои любимые стихи. Евгений написал ей на промокашке: «Песня о ветре!» И только для него она прочла отрывок из стихотворения Владимира Луговского:

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Она прочла взхлеб, и, казалось, сам ветер ворвался в зал.

А 17 июня 1939 года был первый выпускной бал школы. Готовились к нему основательно. Дел хватало и ребятам и учителям. Художники не разгибали спины. Чего только не навешали они на стены. А Женька над входом в зал прибил большой плакат: «Итак, начинается песня о ветре!»

Директор наш Федор Аркадьевич только головой покачал, мол, причем тут ветер? Но снимать плакат не стал. В конце концов: ветер — сила, ветер — вечность, ветер может раздуть огонь и погасить его.

...Вызов в Горьковский судостроительный институт и повестку в военкомат почтальон принес в один день. Весь класс пришел провожать Женьку в Оренбург, в авиационное училище...

Набирал скорость паровоз. Женя видел, как бегут по перрону ребята, а впереди — мать.

— Береги себя, сынок! Себя береги!

Вначале он писал веселые бесшабашные письма о том, как быстро летит время, как здорово утром на аэродроме, как хорошо, что у него появились крылья.

Потом грянула война. Его оставляли в училище на преподавательской работе, но он рвался на фронт.

«Зачем, мама, ты просишь меня беречь себя? Ты же знаешь, что я за чужую спину прятаться не буду. На фронт, и только на фронт!» — писал он.

Летать Евгений начал с августа 1941 года, по два-три раза в день. Почти сто пятьдесят вылетов сделали они вместе с летчиком Жорой Анашкиным. Когда Анашкина перевели в другую часть, стал летать с молодым летчиком Шалико Козаевым.

— Ты знаешь, Шалико, — говорил он другу, — мы, наверно, с тобой в рубашке родились. Вот уже 1942 год на исходе, а на нашем самолете ни одной царапины!

— Конечно, в рубашке! — соглашался Шалико. — Не знаю, как у вас на Урале, а у нас в Осетии без рубашки на свет появиться просто неприлично.

В декабре была скверная погода. Пурга, метель, туман. Но 16 декабря вдруг стало морозно и ясно. В небе ни облачка. Экипаж вылетел рано. В первую ночь сделали семь вылетов, а в следующую — восемь. Это был рекорд полка — восемь часов пятнадцать минут чистого летного времени. За плечами Жени уже больше двухсот боевых вылетов.

Женька мечтал увидеть мать, отца, Нину, учителей и ребят из своей школы. Хорошо, что Нина стала медсестрой. Он пытался представить ее в белом халате, в госпитале возле больных. Но снилась она ему на катке. Падал пушистый снег, играла музыка, а они неслись с ней по ледяному полю в вальсе...

Фронтовые письма сына родители знали почти наизусть. Они были сложены в таком порядке, в каком приходили с фронта, бережно завернуты в газету, перевязаны ленточкой. Каждый вечер, вернувшись с работы, Параскева Даниловна и Василий Николаевич развязывали заветную пачку писем. Им казалось, что сын не пишет, а говорит им:

«Здравствуй, мама! Есть часок свободного времени, и я пишу тебе. Я очень рад, что дома все благополучно. А я на своем месте штурмана, в боевых рядах нашей авиации. 19 июня одной бомбочкой удачно «ковырнул» по станции. С 20-го мая я летаю не днем, а ночью. Ночные боевые полеты — сложная вещь. Землю видно плохо. А

стреляют фашисты не скупно, но в нас не могут попасть. За ночь мы налетаем часов пять.

Твой Женька. 10 июня 1942 года».

«У вас жара, а у нас дожди все время. Они так задерживают боевую работу.

Секретарь партбюро рекомендовал меня в члены ВКП(б). Рекомендации дали товарищи и комсомол. Так что скоро поздравите меня с приемом в ряды партии большевиков. До скорой радостной встречи!

Ваш сын Евгений. 20 июня 1942 года».

«...Наша авиация днем и ночью бомбит противника. Ночью в воздухе тесно. Кругом взрывы. Нужны глаза да глазоньки, чтобы не стукнуться с кем-нибудь. Ладно бы с фрицем, а то еще на своего налетишь. От Ниночки получил очень теплое письмо. И вот снова жду. Вчера и сегодня праздник. Вы, наверно, выпили и за меня... А у меня праздник прошел чисто по-боевому. Вечером вылетаю с «гостинцем» и листовками.

Ваш сын. 8 ноября 1942 года».

В новогоднюю ночь настроение у Женьки было преотличное. Его приняли в члены партии. Командир обещал отпуск домой...

Фронтальная газета «За честь Родины» 2 января 1943 года писала:

«Пятнадцать боевых вылетов за последние два дня совершили летчики Козаев и Овчинников. Они отлично выполнили боевые задания, сбросив к тому же в распоряжение врага 200 тысяч листовок. Эти листовки сыграли большую роль. Около 500 солдат противника в тот день сдались в плен. Эти же летчики сделали посадку в тылу противника и

доставили находящемуся там нашему подразделению необходимые материалы».

Эту вырезку из газеты и письмо сына от 10 января родители получили числа 20-го января. Письмо было последним. А потом пришло короткое извещение, что Евгений пропал без вести.

Двадцать лет искали сына родители. С тех пор, как получили извещение, отец побелел, ссутулился, стал молчалив. Слал запросы, писал письма, ища последние следы своего единственного сына.

— А ты в письмах-то указывай приметы его. Напиши, кареглазый, коренастый, среднего роста и что «штурманенком» его ребята звали, — вставляла мать. — И что волосы русые — напиши!

Первым откликнулся летчик Георгий Анашкин:

«Пишет Вам летчик Анашкин, который много летал с Вашим сыном. Женя был не только моим боевым напарником и отличным штурманом, но и лучшим другом. Судьба нас с ним разлучила 20-го сентября 1942 года. Меня перевели в другую часть, но я имел тесную связь с их частью и узнал подробно обстоятельства героической гибели Жени.

Это было для меня большим горем. Я Женю очень уважал и гордился им. Он был очень отважным. Меня поражала его настойчивость, как штурмана. Он готов был сделать сколько угодно заходов, лишь бы добиться своего, не взирая на противодействия противника. Перед гибелью он имел два ордена: Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени. Женя и летчик Козаев первыми из всей воздушной армии получили орден Отечественной войны за героизм и отвагу и за выполнение срочного задания командующего воздушной армией. По этому случаю даже был митинг.

Погиб Женя в январе 1943 года, в районе восточнее города Россошь при выполнении

разведывательного полета. Женя отстреливался до последнего патрона. Потом его, уже израненного, схватили и, по показаниям местных жителей, расстреляли. По предположению, погиб и летчик Шалико Козаев».

Надо было разыскать Салова, о котором часто писал сын в последних письмах. И отец искал. Искал даже тогда, когда тяжелый недуг приковал к постели и он с трудом мог взять карандаш в руки. Писал он ко всем, кого хоть словом упоминал в письмах Евгений. Бывшего командира эскадрильи Василия Геннадьевича Салова удалось разыскать только в марте 1963 года. Салов прислал теплое письмо, сообщил, что Евгений погиб, когда его, Салова, не было в части, и точного места гибели он не знает, но это было где-то на Воронежской земле. Салов писал, что обратился за помощью в редакцию областной газеты «Коммуна».

Выяснить судьбу Евгения Овчинникова редакция поручила журналисту П. М. Грабору. Взялись за поиски и красные следопыты из Новой Калитвы во главе с И. И. Ткаченко. Надо было разыскать свидетелей последних часов жизни отважных летчиков, так как в своих воспоминаниях генерал-лейтенант Ромазанов писал, что после пыток Овчинникова привязали цепью к дереву и сожгли, а Козаев последней пулей убил себя. Об этом рассказывали и жители города Россошь по слухам.

И, наконец, были найдены очевидцы последних минут жизни Евгения, и журналист Грабор немедленно отправляет письмо в Челябинск.

«Уважаемый Василий Николаевич! Только что удалось установить, что Евгений погиб героически. Есть живые свидетели, которые присутствовали на допросе, а также лично принимали участие в похоронах. Могила его находится на сельском кладбище на хуторе Карачун Россошанского района».

9 августа 1963 года появилась в Воронежской газете «Коммуна» статья П. Грабора «Нет, он не пропал без вести». Потом в газете «Челябинский рабочий» статья В. Колобова «Тайна разбитого самолета».

Постепенно приоткрылась завеса времени.

...Командир полка подполковник Летучий 17 января 1943 года дал Козаеву и Овчинникову особое поручение, от которого зависело выполнение важной операции по окружению и уничтожению врага. Надо было срочно восстановить связь с наземными частями, глубоко вклинившимися в расположение противника.

Командир пожал руку, пожелал успеха. Проводил взглядом улетающий в направлении Калитвы самолет. Только бы обошли фашистский аэродром в Евстратовке!

Шалико и Евгений, удачно посадив самолет, вручили командованию наземных частей приказ командующего армией.

Когда они летели обратно, под крыльями самолета были белые-белые поля выпавшего ночью снега. По дороге — отступающие колонны фашистов и совсем недалеко освобожденная от немцев слобода Морозовка.

Евгений обрадовался:

— Шалико! Видишь, Морозовка виднеется? Мы почти дома!

И вдруг самолет вздрогнул. Загорелся мотор. Острая боль сковала ноги Шалико. Стиснув зубы, он повел самолет на посадку. Другого выхода не было. Приземлившись, летчики увидели, как к ним бегут фашисты. Их много. У них овчарки. Евгений выскочил из пламени горящего самолета. Помог выбраться Шалико. Стал срывать с него горящий комбинезон.

— Приказываю оставить меня и выполнять задание! Ждут донесения! Беги! — приказал Евгению командир экипажа Козаев.

Проваливаясь в сугробы, Евгений побежал через кусты к камышам.

Шалико выпустил шесть пуль по фашистам, а последнюю оставил для себя.

Отстреливаясь, Евгений скрылся в камышах. Он пробирался к реке. Свои совсем близко — на той стороне реки. Но отчаянная боль в вывихнутой ноге, а сзади овчарки... Вот они совсем рядом, а он бежит, что есть духу. Лай за спиной. Еще секунда. Еще...

Очнулся Евгений, когда били прикладами. Били так, что переломили руку. Адская боль во всем теле, нечем дышать...

Потом окровавленного вели на допрос. Когда проводили мимо колхозницы Дарьи Сергеевны Кулиничевой, она, взглядываясь в лицо, в русые волосы, упавшие прядями на глаза, прошептала:

— Сынок, родной, не ты ли это?

— Нет, мамаша, я из Челябинска. Родители мои там.

— А я думала — мой Степа. Он тоже летчик!

— Чего лезешь! — крикнул конвоир. — Иди в хату!..

Евгения завели в хату. Дарья Сергеевна порылась в сундуке, оторвала чистую тряпицу, перевязала руку Евгения. Принесла ему, три сырых яйца и горбушку хлеба. Он выпил яйца, а горбушку спрятал:

— Может, пригодится! — улыбнулся.

Его пытали, били, добиваясь, чтобы он рассказал о части, дал нужные сведения.

— Мы можем тебе сохранить жизнь, если ты, конечно, скажешь... — пообещал немецкий офицер. Но Евгений до конца остался верен присяге Родине.

— В кузницу его! — закричал фашист.

Перед самой кузницей Евгений замедлил шаг. Снял окровавленный шлем, запрокинул голову:

— Прощай, небо! Увидимся ли?

Из кузницы он не вышел. Хоронили Евгения на сельском кладбище. Весь хутор шел за гробом.

Эти люди через двадцать один год повели мать Евгения Параскеву Даниловну на могилу Евгения. Не довелось приехать Василию Николаевичу: он умер незадолго. Посреди степи, где только ветер поет свою вечную песнь, увидела мать всю в цветах могилу сына.

Весть о том, что найдена могила Евгения, дошла и до Нины.

«Мне очень тяжело. Но как Вам, Параскева Даниловна?! — писала она. — Я бы жизнь отдала, чтобы облегчить Ваши страдания. Я очень прошу Вас быть мужественной, крепкой, как Женечка. Он прожил короткую, но прекрасную жизнь».

Почтить память героя приехали челябинские школьники из пионерской дружины, носящей имя Евгения Овчинникова. Они проехали тысячи километров. Их встречали на станции Россошь школьники Анновской школы, тоже из дружины Евгения Овчинникова.

Дул в степи сильный ветер. К могиле Евгения шли земляки его. Шел народ с окрестных хуторов и сел. Пришли очевидцы гибели Евгения: А. В. Данилова, Д. С. Кулиничева, И. М. Шингарев, М. Ф. Кулинич и Т. М. Евтушенко. Они рассказали подробности смерти и похорон отважного летчика.

Дует в степи ветер. Весь в цветах и венках стоит на воронежской земле памятник уральцу Евгению Овчинникову.

Помнят и чтут челябинцы своего земляка. Его имя внесено в Областную книгу почета. Его именем названа улица города. Его матери предоставили честь зажечь Вечный Огонь в Челябинске. Пусть горит этот огонь, не угасая! Пусть знают люди, что герои не умирают!

Не забыто и имя Шалико Козаева. Поют в Южной Осетии песни о нем. Летчики полка разыскали труп Козаева. Его перевезли в город Россошь и похоронили на городской площади.

И. Козин

ШУМЯТ ЛЕСА ХИНЕЛЬСКИЕ

А. И. Инчин

Шумят леса Хинельские. Не понять человеку языка деревьев, не угадать, о чем они шумят. Но если прислушаться к голосу ветвей старого дуба, в сердце которого не один свинцовый комочек и на теле еще заметны следы ранений, то услышишь о былом. Там будут и горечь поражений, и радость побед — рассказ о подвиге человека, вдоль и поперек исходившего Хинельские леса.

...Десятеро обреченных медленно ступали по мокрому снегу. Осенний ветер пронизывал насквозь. Полицаи молча поторапливали прикладами, спеша привести их к месту казни до наступления полной темноты.

Среди десяти — высокий сухощавый парень с очень светлыми, почти белыми вьющимися волосами, прилипшими к окровавленному лбу. Под голубыми глазами синие

кровоподтеки. Друзья не узнали бы сейчас своего институтского поэта, влюбленного в Гарибальди. Не узнали бы, наверное, и однополчане своего бесстрашного разведчика лейтенанта Анатолия Инчина в этом шагающем на смерть человеке. Вместе с ними, еще совсем недавно, выполнял он задание в тылу врага. Возвращаясь к своим, ведя неравные бои, нарвался на мину. Контузия была тяжелой, и пришлось товарищам оставить в крестьянской семье вместе с Анатолием Инчиным лейтенанта Льва Хлапова.

Когда Анатолий выздоровел, стали пробираться к своим. Шли ночами, а днем укрывались в глухомани. Недалеко от Брянска нарвались на ээсовцев. Их схватили, заперли в сарае. Ночью, в кровь ломая ногти, они прорыли лаз под стену, ушли.

Перенесенные лишения, однако, дали себя знать: адская боль в позвоночнике свалила Инчина. Остановились в селе Назаровка Понуровского района. Хлапову пришлось устроиться на спиртзавод кочегаром.

— Выздоровеешь, — успокаивал он Анатолия, — и снова двинем вперед.

Два месяца провалялся Анатолий в постели. А когда, поправился, у Хлапова отнялись ноги. Инчин сменил его на заводе. Работа была адской. От недоедания и усталости, от постоянной простуды кочегары валялись с ног.

Внимательно присматривался к Анатолию Петр Самусев, местный учитель-коммунист, загнанный гитлеровцами на работу в кочегарку. Однажды он сказал:

— Предлагаю устроить на заводе салют и уйти к партизанам. Есть у меня верные люди на примете.

К взрыву на заводе готовились тщательно, сделали все необходимые расчеты, все, казалось, продумали до мелочей. Но кто-то донес, забрали всех. Допрашивали несколько дней, избивали до потери сознания, обливали водой и снова били. Лева Хлапов не выдержал пыток.

Умер...

Десятерых привели на кладбище. Развязали руки.

— Раздевайся! — голос у полицая визгливый, бабий.

Этот голос и вывел Инчина из тяжелого забытья. Все его существо восстало против того, что должно было совершиться сейчас. Анатолию не раз до этого приходилось смотреть смерти в глаза. Но там был бой, как говорится, на равных: или ты, или тебя. А теперь? И все же не ждать, действовать.

Раздевался Инчин медленно. Вспомнилось любимое выражение командира: «Кто смерти не боится, того и пуля сторонится». И его наставления новобранцам: «Никогда не теряйтесь ни перед генералом, ни перед дулом пистолета».

Сейчас наступила та минута, когда важно было не потерять самообладания, не испугаться смерти, что в лице полиция ходит в десяти метрах.

— Живей, живей! — торопит бабий голос.

Петр Самусев, снимая сапоги, кашлянул. Это — сигнал. Неожиданно сильным ударом головы он сбил охранника и бросился в сторону. Кинулся от ямы и Анатолий. За ним — остальные.

Анатолий не помнит, как, подгоняемый свистом пуль, перебежал кладбище, пронырнул поле. До слуха его доносились выстрелы и ругань полицейских. Он бежал, падал, полз и снова бежал, пока силы не оставили его. Присел. Разгоряченный, сначала не чувствовал холодного ветра, иглами впивающегося в тело. А когда замерз, не смог подняться. Потом снова стало тепло и показалось, что поплыл куда-то. Успел подумать: «Значит конец, замерзаю», и потерял сознание.

* * *

Есть в архивах штаба партизанского движения Украины любопытный документ: «Личный счет командира первого Хинельского отряда А. И. Инчина». В нем много цифр. И примечание: «Число уничтоженных врагов и техники в групповых боях и диверсиях в счет не входит». И все равно цифры весьма внушительные. Вот только некоторые из них:

«...Лично уничтожил 113 солдат, офицеров, чинов немецких военно-административных органов, шпионов, бургомистров, провокаторов, полицейских».

«...Совершил 19 диверсий, вывел из строя 36 автомашин, спустил под откос два железнодорожных эшелона с живой силой, и техникой, уничтожил два танка, восемь минометов, один самолет».

«...Создал 4 партизанских отряда, 15 диверсионных групп».

«...Лично взорвал склад авиабомб в селе Кренидовка».

Коротки, лаконичны строки документов. А за каждым из них подвиг партизана, подвиг разведчика.

...В ночи скакали трое. Впереди на рыжем «венгерце» красовался обер-лейтенант немецкой армии в фуражке с высокой тульей, в новом под ремень дождевике с витым серебряным шнуром на груди.

Всадники подъехали к массивным воротам завода, лейтенант полоснул плетью часового:

— Почему не окликаешь, сонная твоя рожа!?

— Я вас давно бачу, пан обер-лейтенант, — прикрываясь от второго удара, пролепетал часовой.

— Открывай ворота, к главному веди.

Часовой открыл ворота, суетливо затрусил впереди всадников, показывая казарму. Лейтенант вошел первым. Нащупав выключатель, зажег свет. На койках зашевелились. Лейтенант повел автоматом:

— Лежать! Головы под одеяло!

Между тем его спутники завладели пирамидами с винтовками.

Документ об этом событии повествует коротко:

«Лейтенанту Инчину вместе с разведчиками Н. Колгановым и В. Дмитриевым удалось проникнуть на территорию Мезенского сахарного завода, где было сосредоточено 300 полицейских,

возглавляемых гестаповцем Бараковским. В подвалах завода разведчики обнаружили и освободили группу смертников в составе 28 коммунистов-подпольщиков во главе с Кузьмой Ступичем».

Еще один документ, еще несколько строк:

«В бою под Станиславчиком Одесской области действовал смело и решительно, чем спас штаб партизанского соединения Наумова и радиостанцию».

Весной 1943 года в Голованивском районе Одесской области соединение застряло на целую неделю: ждали самолетов с Большой земли с боеприпасами и медикаментами, а погода выдалась неудачная. К тому же большой обоз с ранеными сковывал маневренность. Все было спокойно: видимо непогода сбила со следа фашистов.

Этот день тоже прошел мирно, ночь вроде бы не предвещала никаких неприятностей. Инчин долго лежал с открытыми глазами. Вспомнился побег с кладбища. Очнулся он тогда вот в такой же хате и первое, что произнес:

— Где я?

— Камень село наше называется, сынок, — зашептала бабка. — А ты тихо лежи, смирно. Не дай бог, кто дознается.

От бабки узнал тогда Анатолий, что бежали с кладбища трое. Одного пристрелили под проволокой. Второй — Петр Самусев, босой добежал до хутора Хотеевка и спрятался в бане. Но его выдали. Расстреляли Самусева. Несколько дней рыскали полицаи по окрестным селам, ища третьего, но так и не нашли. Надежно укрыли его старики Фоменко.

— А я думала, уж ты не придешь в себя, — говорила старушка. — Четверо суток, как тебя привезли, глаз не открывал.

Когда Инчин поправился, ушел в лес. Там на первых порах удалось сколотить маленький отряд из оставшихся в окружении бойцов. Обзавелись оружием, пустили под откос вражеский эшелон с боевой техникой, подожгли склад

авиабомб. А потом встретились с партизанами капитана Наумова. Здесь теперь Инчин и был командиром разведчиков...

Воспоминания как-то враз оборвались, и Анатолий уснул. Снилось село, где преподавал физику и математику. По главной улице села длинной белой вереницей, важно переваливаясь, вышагивали гуси. Вот они заволновались, вытянули шеи и громко в один голос закричали:

— Танки!

Это было так странно, что Инчин захохотал.

Потом ординарец рассказывал бойцам, как он испугался, когда в ответ на его сообщение о появлении вражеских танков, старший лейтенант вдруг расхохотался.

На раздумья были отпущены минуты. Танки остановились буквально в нескольких метрах от дома, где размещился штаб соединения. Медленно, в полной уверенности, что сейчас будет покончено с партизанами Наумова, разворачивают фашисты орудийные башни.

Рассчитывать Инчин мог только на комендантский взвод, собравшийся около него. Не столько словами, сколько жестами, он показал, что делать. Между тем сам в несколько прыжков пересек открытое пространство от хаты до толстого пирамидального тополя, стоявшего в десятке метров от первого танка. Ловко брошенная граната — и танк запылал. Вторую машину подбил начальник штаба. Партизаны косили автоматчиков, которые посыпались с танков. Закончилось все рукопашной схваткой.

С окраин села, отбиваясь, к центру стягивались группы партизан. Прибавилось число раненых, ранен и командир соединения Наумов. Немцы поджигали хаты, стремясь выкурить партизан. Черный дым заволоч восходящее солнце. Партизаны грузили на подводы раненых, радиостанцию. Огородами, укрываясь за плетнями и заборами, пробирались к лесу. Чтобы отвлечь внимание гитлеровцев от обоза, дважды пришлось Инчину водить свой небольшой отряд в штыковую атаку — патроны были на исходе. В том бою не досчитались партизаны многих своих товарищей, погибших в неравной схватке.

Через две недели, когда в руки партизан попали немецкие документы, стало известно, что за жизнь каждого из партизан фашисты заплатили жизнью десяти своих солдат. На долю хинельцев пришлось более 600 отправленных на тот свет оккупантов.

«...По заданию командования провел представителей ЦК КП(б)У во главе с тов. Бойко П. И. в Брянские леса из зоны Хинельских лесов через фронт немецкой осадной армии».

Эти строчки тоже из документа. Не раз приходилось Инчину выполнять подобные задания. Храбрый разведчик был и неплохим следопытом, читал непроходимые Хинельские леса, как открытую книгу, видя одному ему известные тропки.

На этот раз переход затянулся: по дорогам передвигались немецкие войска и порой приходилось ожидать сутки, чтобы найти «окно». Кончилось продовольствие. Уставшим, голодным людям не дойти до места назначения. Необходимо достать продукты, достать любой ценой.

Отлично помнил Инчин приказ командира Наумова: «Люди, которых ты поведешь, должны дойти целыми и невредимыми. Их задание строго законспирировано. За ошибку в этом переходе отвечаешь головой».

На очередном привале Инчин объявил:

— Товарищи, у нас кончились продукты. Путь еще долог. Прошу разрешения нам с Хохловым заняться обеспечением группы продовольствием.

Бойко достал карту, попросил указать, в какое село пойдет Инчин, и дал согласие.

Отправились под вечер. Незамеченными вошли в село, постучали в крайнюю хату. Узнали, где живет старший полицай. Смело направились к дому, подошли к раскрытому окну. пышная молодая женщина испуганно уставилась на них.

— Грицка нам.

— Нема его.

— Тогда быстро три буханки хлеба и сала.

Женщина заметалась по дому, собирая снедь. Подавая туго набитый мешок, заулыбалась:

— А вон и сам идет.

Партизаны выхватили мешок, метнулись за угол дома. Полицай успел выстрелить. Хохлов упал. Но и полицаеша нашла меткая пуля Инчина. Подхватив раненого товарища, Анатолий устремился к лесу. Между тем в деревне начали сбегаться полицаи.

Инчин понимал, что с раненым товарищем и тяжелым мешком с продуктами ему не уйти. Он бросил мешок и пополз с раненым на плечах. Когда сил не стало нести коренастого Хохлова дальше, осторожно положил его и пополз обратно — к мешку. Дотащив мешок до Хохлова, Инчин сбросил его и снова взвалил на плечи товарища. Силы уже покидали Анатолия. А до леса еще метров четыреста. Засвистели трассирующие пули. Полицаи подступали медленно и осторожно, но в полной уверенности, что добыча будет в их руках.

Еще раз преодолел Анатолий стометровку — к лесу, назад и снова к лесу. И понял, что сил больше не хватит. Хохлов стонал. Рядом лежал мешок с продуктами. Инчин осмотрел свой автомат, положил рядом автомат Хохлова.

Полицаи уже совсем рядом. Инчин начал короткими очередями. И вдруг из леса прозвучали выстрелы! Полицаи залегли и перестали продвигаться вперед. Между тем наступила ночь. К Инчину подползли двое из группы Бойко. Теперь уже втроем, отстреливаясь от полицаев и взяв на плечи раненого, они устремились к лесу, откуда прикрывал их энергичный огонь. Полицаи прекратили преследование.

Когда отошли в глубь леса, Инчин обратился к Бойко.

— Я отвечаю за этот переход. И я возражаю против вашего вмешательства в перестрелку с полицаешами.

— Совершенно верно, товарищ Инчин, — согласился Бойко. — Только как же мы без вас следовали бы дальше? Вы же наш проводник, — и улыбнулся открыто и хорошо.

В эту ночь дальше не пошли. Хохлову было плохо. К утру он умер. Группа, похоронив товарища, уходила дальше.

Анатолий Инчин в полном составе привел ее к месту назначения.

Вскоре соединения Наумова вместе с отрядами Сидора Ковпака и полковника Мельника громили фашистские гарнизоны в низовьях Днепра.

В гуще этих событий был первый Хинельский отряд, руководил которым А. И. Инчин. Слава о нем обошла тогда всю Украину. Да и только ли Украину? Сколько раз сообщалось о его боевых действиях в сводках Совинформбюро.

...На ночь вошли в большое село. У въезда выставили посты. Ждать долго не пришлось. Дежурные сообщили: идет обоз.

— Пропустить в село, — приказывает Инчин.

— Откуда, хлопцы? — приветливо спрашивает дозор подъехавших полицаев.

— Белгородские.

— Земляки, значит. Проезжай до центру. Там наши ребята горилкой балуются.

Подводы устремляются к центру села. «Земляки» окружают их плотным кольцом, нацеливают пулеметы.

— Оставить оружие!

Уже поздней ночью к селу подкатили еще две повозки. Партизаны ввели в хату, где расположился Инчин, мужчину в хромовом пальто и даму в каракулевой шубе. Сопровождала пару охрана из пяти полицаев.

— Кто будете? — спрашивает Инчин.

Вошедшие минуту молчат, разглядывая его немецкий мундир и кубанку на голове.

— Свои мы, свои, — заторопился вдруг мужчина. — Я управляющий окружным банком, моя жена и сопровождающие нас. На всякий случай, знаете ли.

— Куда едете? — прервал Инчин.

— Пока в Миргород. Ну а там дальше.

— Дальше не поедете. Приехали. — Инчин поворачивает кубанку — на ней красноармейская звездочка.

Немало предателей не уехали дальше тех сел, в которых повстречались с разведчиками Инчина, и понесли

заслуженную кару.

...Партизаны Наумова шли по местам, где русские в войне против шведов покрыли себя неувядаемой славой; шли селами, некогда воспетыми Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Инчин ехал с разведкой, далеко оторвавшейся от основных партизанских сил. День клонился к вечеру. Невидимое уже солнце золотило крест белокаменной церкви на далекой возвышенности. Взяли направление на церковь. Переехали глубокую балку, поднялись на плоский бугор. Стало совсем темно. Ехали тихо и молча. И вдруг Николай Коршок нарушил молчание:

— Фу, чертяка ему в боки: темно, як в бочке, а крест горит!

Разведчики начали подшучивать:

— Это та самая церквушка, в которой Хома Брут три ночи подряд псалтыри читал по мертвой панночке.

Так с шутками подъехали ближе. Теперь уже все увидели, что крест действительно светится. Почему?

Когда церковь уже была рядом, поняли: на площади возле церкви стояли два танка, а в железном ведре горел мазутный факел, освещающая все вокруг. Возле танков возились двое.

— Тихо забрать, — приказал Инчин.

Через несколько минут привели механиков. Оба оказались итальянцами. Поговорили с ними жестами. Поняли, что танки уже исправлены и что механики согласны повести их в указанном направлении.

Обе машины вывели на дорогу Звеньков — Диканька — Полтава и поставили поперек дороги впритык друг к другу. Ждать пришлось недолго. Несмотря на ночь, одна за другой подходили и останавливались немецкие машины, пережидая, что танки сдвинутся с места и освободят дорогу. Коршок нервничал:

— Может начнем, Анатолий Иванович? Вон сколько их уже собралось!

— Спокойно, друг, спокойно. Терпение.

И вдруг подошла и застопорилась колонна бензовозов.

— Давай, ребята! — приказал Инчин.

Грохнули взрывы гранат, затрещали пулеметы и автоматы. Почти до рассвета вихрилось пламя по шляху. А партизаны уходили вперед, в глубь Полтавщины.

По Украине, Белоруссии и Польше, путь более чем в десять тысяч километров, прошел отряд в составе партизанского соединения Наумова. Отряд принял участие в 336 боях, освободил тысячи военнопленных из сотни лагерей.

Многое можно рассказать о бесстрашном партизане А. И. Инчине, многое о нем уже рассказано. Я беру в руки книгу Героя Советского Союза, бывшего командира партизанского соединения, генерал-майора М. И. Наумова «Хинельские походы»:

«Инчину А. И. — участнику и герою Хинельских походов от автора — боевого друга» —

значится на ней. Немало страниц книги посвящено рассказам о боевых подвигах лейтенанта Инчина.

Книга подполковника И. И. Бережного «Записки разведчика».

«Дорогому другу, храброму партизану разведчику-командиру Анатолию Ивановичу Инчину на добрую память. С уважением автор. И. Бережной».

На одной из страниц книги с фотографии глядит совсем юный партизан. И подпись —

«Разведчик Эсманского партизанского отряда А. И. Инчин».

Встреча Инчина с И. И. Бережным произошла в тылу врага летом 1942 года в Брянском лесу, куда Бережной был выброшен с диверсионно-разведывательной группой для выполнения задания штаба Брянского фронта. Инчин по

поручению секретаря Сумского подпольного обкома партии должен был провести группу до пункта назначения.

Во время перехода группе пришлось выдержать не один неравный бой, преодолеть немало вязких болот. И всюду, по праву ответственного, Инчин был впереди. Рядом с Анатолием шагал его друг, молчаливый и угрюмый Дмитро. Дмитро первым из села ушел в партизаны. Дома остались мать, отец и сестренка. В селе нашелся предатель. Семья Дмитро была фашистами заживо сожжена в собственном доме.

Дмитро и Анатолий Инчин поймали предателя. Но только с этого дня, узнав все подробности гибели своих родных, Дмитро стал неразговорчивым. В бою дрался, как лев. Лишь одно не доверяли ему: захват пленных. Не мог он переносить живых врагов, особенно полицаев.

...Немцы напали на след группы Бережного и Инчин предложил:

— Дайте мне двух автоматчиков. Мы замаскируемся на окраине деревни, на кладбище, и когда противник пройдет, откроем огонь с тыла. Заставим врага принять бой. Группа тем временем уйдет.

Группе удалось оторваться от преследования. К всеобщей радости через несколько часов появились целые и невредимые Дмитро, Петр и Анатолий, оставшиеся в засаде.

— Только мы залегли на кладбище, — рассказал Инчин, — слышим — идут. Решили пропустить. А потом дали им в хвост. Дело кончилось тем, что немцы нас потеряли.

Судя по рассказу Инчина, все прошло легко. А было так. Партизаны действительно ударили немцам в «хвост». Началась перестрелка. Силы были явно неравными: гитлеровцев человек двадцать, партизан — трое. Наступать фашисты не спешили, старались только не пропустить партизан к лесу, явно ожидая со стороны деревни подкрепления — полицаев. Первым заметил их Дмитро: пятеро полицаев, укрываясь за могильными холмами, осторожно продвигались вперед.

Идти напролом к лесу не было смысла: перестреляют. Оставалось одно — вырваться к деревне.

— В деревне сил, видимо, больше нет, — подытожил Инчин. — Там нас поймать труднее, да и фашисты не ожидают этого: думают, что мы прорываемся к лесу.

Трое встали одновременно, встали в полный рост. Враг, видимо, понял это как сдачу в плен, потому что партизаны поднимали руки. Но в тот же момент в сторону немцев полетели гранаты, а полицаев прижал к земле огонь автомата.

Воспользовавшись временной растерянностью врагов, партизаны бросились к деревне. Пробежав по безлюдным улицам, выскочили в огороды.

Затем вышли на окраину деревни, где до самого леса простиралось картофельное поле. Ботва высокая, густая.

— Вот здесь и переждем, — сказал Дмитро. — Здесь искать не будут.

Партизаны видели, как немцы, обшарив дома, кинулись в огороды. Стали поджигать их. Долго еще лежали партизаны, видя, как злобствуют фашисты в бессильной ярости. А когда совсем стемнело, ушли в лес, разыскали своих.

* * *

Окончилась война. Семь правительственных наград украсили грудь партизана-разведчика А. И. Инчина. В их числе ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

Ранения и контузии, все пережитые лишения сделали свое дело. Врачи порекомендовали жить ближе к лесу и поменьше заниматься бурной деятельностью.

Первое условие медиков выполнил: поселился на станции Вязовая. А вот второе... Неугомонный, деятельный по своей натуре человек, Анатолий Иванович не может сидеть сложа руки. Вот он смотрит на зеленые сосны, которые чем-то напоминают ему Хинельские леса, на облака, что плывут по небу причудливыми кораблями. И слова складываются в строчки, четверостишия:

Я от дела не прятался робко в кусты,
И успех мой обычно припахивал потом.
Потому что была его матерью ты,
Наполнявшая день мой, работа.

И он работал. Увлечение стихами вылилось в несколько печатных сборников. Написал книгу о своих боевых друзьях-партизанах «Шумят леса Хинельские». Песни на слова Инчина поет самодеятельность станции Вязовой и города Катав-Ивановска, Юрюзани и Усть-Катава. А песня Инчина «Синеокий мой» звучит в кинофильме «Журналист».

Находится у Анатолия Ивановича время и для других дел. Как-то летом предложил:

— Давайте соберем трудных мальчишек, организуем для них лагерь.

Организовали. Мальчишки с недоверием присматривались к своему наставнику. А он им в первый же день заявил:

— Ну вот что. Здесь вам не здравница, а партизанский отряд с железной дисциплиной. Нянек не будет. Готовить пищу — сами, стирать — сами, наводить порядок — сами, одним словом — все сами.

Полюбился мальчишкам лагерь. Многому научились они, многое узнали, по-иному стали смотреть на окружающее. С увлечением и гордостью говорят они о своем наставнике Анатолии Ивановиче. Еще большим доверием воспылали к нему после одного случая.

В лагерь привезли кинофильм «Великая Отечественная». Тихо в зале. Затаив дыхание, смотрят мальчишки. И вдруг в тишине раздается голос:

— Анатолий Иванович!

На экране был он, партизанский разведчик. Уговорили киномеханика остановить кадры, попросили Инчина здесь же рассказать о борьбе партизан и о том, как снимался Анатолий Иванович в документальном фильме «Народные мстители», кадры которого вошли в кинофильм «Великая Отечественная».

...Шумят леса Хинельские. Кряжистые, много видавшие дубы рассказывают бесконечную повесть о былом, суровом и грозном времени.

Г. Королев **БАЛЛАДА О МАШИНИСТЕ**

А. Ф. Потапенко

...Домой он возвращался в тот сентябрьский вечер вместе с машинистом Юговым.

— Дядя Володя, — уже в третий раз переспрашивал его Толька. — Это правда, что бронепоезда?..

— А чего так допытываешься? — удивлялся тот.

— Так я завтра же уйду с паровоза. Пойду туда слесарем.

— Туда, туда! — добродушно передразнил его Югов. — Туда опытные слесари нужны. Дело новое, незнакомое...

— Стараться буду! Все постигну! — волновался парень. — А как только построим бронепоезд, я на нем и на фронт подамся, как и был — помощником.

— Как, на фронт?! — от удивления Югов даже остановился.

— А так, ведь немцы уже к Москве подошли! — горячился Толька.

— Тебя не возьмут. Молод.

— Как же не возьмут, если я буду строить бронепоезд. И если я помощник машиниста. И если я в комсомол готовлюсь, — захлебываясь от своих слов, выкрикивал он. И вдруг изменившимся голосом, в котором было столько неумолимой просьбы: — Дядя Володя, в случае чего, ты мне поможешь. Правда?

— Ну и настырный же ты! — Югов с потеплевшим чувством погладил широкой рукой русский вихор паренька.

...Уже третью неделю Толька орудует здоровенным ключом. Скручивает каркасы, подвешивает броневые листы. Упросил-таки он парторга депо Селиванова: допустил его слесарить.

Уже третью неделю люди работают, почти не выходя из цеха. Николай Александрович Молодцов, заместитель начальника депо, ведает строительством бронепоездов. Он всюду — в механическом, у сварщиков, в вагонном депо. Советует, помогает. Вот подошел к слесарю Рожковскому.

— Саша, иди отдохни. Ты уже третьи сутки здесь. Я сейчас приказал положить в кладовке соломенные маты.

«Умнейшей головой» слесаря Александра Рожковского называли не зря. Не было, пожалуй, ни одного нового приспособления, где бы он ни приложил свои руки, ни проявил рабочую смекалку.

Вот и сейчас один на один с новыми чертежами. Чертил, кроил броню. Да так, будто весь век только и занимался этим. Предложил на тендеры ставить целые листы. Сразу прихватывать на болты и варить. Пусть не тот фасон, но зато гораздо быстрее.

Особенно много труда шло на изготовление поворотного механизма орудийных башен. Для этой цели использовали бандажи. Их резали на токарном станке по торцу. Уходила уйма времени. Вот тут-то и подал свою мысль токарь Константин Чипышев. Смастерил пружинный резец. Теперь в три раза дело пошло быстрее.

Шли дни. Фронтовые бригады осваивали один узел за другим. Домой Толька приходил поздно. Усталый. Молча съедал поданный матерью ужин и ложился спать. Он и к Юговым теперь заглядывал редко. Несмотря на то, что с Оленькой Юговой они дружили со школьной скамьи. А если и приходил, то больше разговаривал с дядей Володей, и разговор у них был все о фронте, о Москве, о бронепоездах.

В цехе уже появился будущий командир бронепоезда, высокий белокурый майор, с орденом Красной Звезды на груди. Ходил он чуть-чуть подпрыгивая, живо. Фамилия его была Шуркевич. Толька с восхищением смотрел на него. Верил, что с таким боевым командиром они не пропадут. И вдруг начинал бояться: его могут не взять, ведь желающих так много.

Выручил Югов. При формировании экипажа, когда его спросили, кого возьмет в помощники, он указал на Тольку. А ведь Толя даже и не догадывался, что дядя Володя с того памятного разговора сам в душе держал мысль — с бронепоездом уйти на фронт.

Вскоре был закончен и второй бронепоезд.

В депо состоялся короткий митинг. Выступали скупно, но горячо. На добровольцев смотрели с завистью. Они, одетые в черную танкистскую форму, кирзовые сапоги, выстроились вдоль стен бронепоезда. Торжественные, собранные. Неузнаваемые.

...Бронепоезда, поблескивая свежей краской, под прощальные крики деповских и провожающих выходят из ворот депо. Экипажу дана команда на линию фронта идти своим ходом. Югов стоит у реверса. Толька с радостной силой шурует уголь...

...Москва встретила их сурово. Неприступная. Гордая. Готовая биться не на жизнь, а насмерть. Район одного из вокзалов стал базой для бронепоездов, прибывших с Урала. Имя дивизиону дали «Отдельный уральский 38-й дивизион».

Первый бой. Первая бессонная ночь. На боевое задание они вышли с наступлением темноты, ноябрьским вечером. Стучат на стыках колеса. Впереди бронепоезд, № 1. Ведет

его сам Югов. Бронепоезд № 2 где-то позади, он как бы «страхует» первый. Мало ли что может случиться в бою.

Гудит бело-желтое пламя топки. Из боевой рубки, что над машинным отделением, послышалась команда: «Полный вперед!».

— Есть полный вперед! — отвечает Югов.

Бронепоезд легко и сильно, всей стальной грудью рванулся вперед, в темень. Четче, требовательнее застучали на стыках рельсов колеса, каждый раз будто одобряя и поддакивая: «Так-так! Так-так!» Толька, не выпуская из рук лопаты, не удержался, припал к броневому иллюминатору. Разбирало тревожное любопытство: ведь шли в первый бой.

Бронепоезд приближался к передовой, однако за окошком ничего страшного и опасного не было. Луч света, пробивавшийся сквозь узкую щель затемнителей фар, тускло скользил по набегавшим навстречу рельсам. А где-то далеко-далеко за краем темного бора мигали станционные огоньки. Пока все было очень похоже на его прежние поездки — от Челябинска до Златоуста и обратно.

Раздалась команда: «Тихий!»

— Есть тихий! — почему-то тоже тише ответил Югов и перевел регулятор на малый пар. Бронепоезд сразу сбавил ход. Югов еще раз перевел регулятор, ход сделался еще спокойнее. Бронепоезд как бы подкрадывался к мигающей огнями станции. Свет передних фар потух. Глухой вздыхающий шум неторопливо работающих поршней едва прослушивался в густой морозной тишине. По команде старшины Югова Толька, отложив лопату в сторону, переходит к небольшому броневому иллюминатору, что с левой стороны, и пристально всматривается вперед.

Все ближе огни железнодорожной станции. Толька остро наметанным глазом определил, что перед ними большой железнодорожный узел, что его пути забиты составами, а какими, как ни старался, не разглядел...

Послышалась команда: «Стоп!»

— Есть стоп! — совсем тихо и чуть напряженно произнес Югов. И в ту же секунду грохнуло башенное орудие.

Вздрогнул бронепоезд, вздрогнула ночная зимняя тишина и разорвалась яростным эхом. Это было как сигнал. Сразу же с зенитных площадок застучали пулеметы. Бешеный и плотный огонь лег в сторону врага. Немцы молчали, ошеломленные и застигнутые врасплох.

И вдруг что-то с треском лопнуло и запылало, огромным красно-желтым заревом охватив полнеба. Сразу в нескольких местах загорелись составы с горючим. Стало удивительно светло.

— Танки, танки горят! — над самым ухом Тольки зло и радостно закричал Мишка, кочегар. — Даем прикурить!

...Прошло немало лет, а первый бой, ставший для Анатолия Потапенко боевым крещением, ярко помнится и сейчас. Это был самый успешный бой во всей его фронтовой жизни. Тогда у немцев сгорело два эшелона с танками и несколько составов с горючим.

...Гулко забарабанили по броне осколки. Толька не удержался: «Нащупали, гады. И тотчас послышалась команда: «Задний ход!»

Бронепоезд ушел от артобстрела. Когда наступило утро, он уже был далеко. Его не узнать — зеленая гора веток, еловых лап. Маскировкой заняты все: автоматчики, ремонтники путей, артиллеристы, пулеметчики. Работают в поте лица. Не так-то просто скрыть бронированную махину (паровоз и девять вагонов).

Затем идут в лес заготавливать дрова. Уголь на вес золота. Бронепоезд на нем работает только тогда, когда в бою. От дров много искр.

Впереди новая напряженная «ночная смена»...

Наступило лето 1943 года. Позади сотни километров пройденных стальных магистралей. Под колесами курская земля.

...Бронепоезд содрогался от каждого орудийного выстрела. Такого трудного боя Толька что-то не припомнит. Раздалась команда:

— Вперед!

— Есть вперед! — невозмутимо ответил старшина Югов.

Только приткнулся к прибору наблюдения. В просторном небе гудели немецкие самолеты. Их шла целая туча. Только отпрянул от прибора, хотел было сказать об увиденном старшине, но тот одними губами сказал:

— Есть задний!

Огрызаясь, злобно и часто забили зенитки бронепоезда. «Юнкерсы», отогнанные яростным огнем, уходили в сторону.

Наступила тишина. Открыв двери кабины, машинисты жадно вдыхали пряный запах ржаного поля, смотрели, как автоматчики обложили его и взяли в кольцо сбитых ими немецких летчиков.

В небе послышался новый тугий рокот. Налет. Гул нарастал: с ним — и тяжелое грохотание моторов со стороны станции.

— «Тигры» обходят бронепоезд! Полный назад!.. — В это время раздался мощный взрыв. Машинное отделение окуталось дымом. Только увидел, как Югов схватился за сердце и стал медленно оседать на пол. Он кинулся к нему.

— Полный назад! Почему не выполняете команду? — грозно закричал Шуркевич. — Кто у реверса!

— Сержант Потапенко.

— Где Югов?

— Убит, товарищ майор!

— Полный назад!.. Отставить! Приказываю покинуть бронепоезд.

Анатолию показалось, что он ослышался: «Как?» — переспросил.

— Выполняйте приказание! Уходите на левую сторону, в рожь.

Новый оглушительный взрыв потряс паровоз. В ту же минуту Анатолий услышал, как забурилась выходящая из котла вода.

— Мишка, прыгай! За мной, на левую сторону.

Кубарем скатились под насыпь. Бросились в густую рожь. В последний момент Потапенко оглянулся: позади бронепоезда, метрах в двадцати, зияло развороченное полотно дороги.

...«Дядя Володя умер у меня на руках, — писал Анатолий Оле Юговой. — Трудно мне. Я так привык, что он всегда рядом со мной. И здесь, на фронте, он был моим лучшим боевым другом, старшим товарищем. Прошу тебя очень, Олечка, не убивайся. Я отомщу за него. Вернусь домой только с победой».

Оставшиеся в живых бойцы 38-го дивизиона были отправлены в Москву — для формирования. И вот в руках Анатолия направление:

«Сержант Потапенко назначается машинистом бронепоезда № 1». —

Уже в который раз читает он эти строки. А в голове мысли: «Сумею ли я быть в бою таким же, как дядя Володя? Жаль, что уже нет и Майора Шуркевича, смелый был командир».

— У реверса сержант Потапенко, — докладывает он каждый раз новому командиру бронепоезда, когда заступает на смену. Рядом с ним его товарищи: тезка и земляк Толя Алексеев и кочегар Саша Акакиев. Они сдружились, сработались. Понимают друг друга с полуслова.

Возмужал Анатолий Потапенко, появились в работе машиниста юговское спокойствие и хватка.

Последний бой для сержанта Анатолия Потапенко был на румынской земле, под городом Плоешти. Эскадрилья пикирующих бомбардировщиков обрушилась на бронепоезд.

Анатолия Потапенко со страшной силой швырнуло куда-то в бездну. Очнулся от удара о землю. Адская боль в ногах и руках. Будто чугуном налита голова. Когда открыл глаза, то увидел, что бронепаровоз разваливается на части. Мелькнула мысль: «Прямое попадание бомбы» — и снова тяжелый туман.

Начались госпитали: бухарестский, грозненский... Ноги и руки в гипсе. Семь осколков в теле. Долгие месяцы боролся со смертью. Победила молодость.

Позади одиннадцать госпитальных месяцев. На Анатолии новое с иголочки обмундирование, под мышкой такие же новенькие костыли. Его направляют на восстановление Сталинграда.

Вот что писала в те дни «Сталинградская правда»:

«Каждое утро на паровоз поднимается с костылями на руках молодой человек в солдатской гимнастерке...»

Да, так было целых два года. Каждое утро бывший машинист бронепоезда челябинец Анатолий Потапенко так начинал свой трудовой день. Это было очень нелегко и не просто. Парни из экипажа сделали ему скамеечку — одна нога у Толи короче на четыре сантиметра. И он всю смену простаивал у реверса. Его паровоз расчищает завалы, завозит прибывшее оборудование, строительные материалы.

Еще одна газетная заметка. Она называется «Паровоз с комсомольским значком». Рядом — групповой снимок лучшей паровозно-составительной бригады. Под ним текст:

«Бригада во главе с А. Потапенко выполнила семь годовых норм».

А в статье говорится, что паровоз с комсомольским значком обслуживают молодые железнодорожники.

«Во главе их старший машинист, вчерашний комсомолец, а теперь коммунист Анатолий Потапенко. Молодые железнодорожники первыми в цехе приняли свой паровоз № 5 на социалистическую сохранность. Их примеру последовали многие паровозные бригады завода.

Анатолий Потапенко — опытный машинист. У него среднее техническое образование и богатый опыт вождения поездов. Это чуткий, внимательный и требовательный командир. Настойчиво прививает своему коллективу любовь к паровозу, требует от

каждого содержать его в образцовом порядке. А ведь в начале пятилетки этот паровоз был самым безнадежным. Тогда комсомольцы и молодые рабочие сами отремонтировали его и сделали лучшим в цехе...»

О бывшем машинисте бронепоезда писали в газетах. Сталинградский обком комсомола награждает Анатолия Почетной грамотой. Имя его занесено в Книгу почета тракторного завода. Самоотверженный труд, сродни корчагинскому, — оценен по достоинству.

Прошел еще год. Наконец врачи разрешили ходить без костылей. А. Потапенко вернулся на родной Урал.

— ...Вижу зеленый! — вглядываясь в ветровое стекло, говорит помощник.

— Зеленый! — повторяет Анатолий Федорович Потапенко и тоже пристально вглядывается. Скоро Золотая Сопка, за ней самый тяжелый перегон. А состав длинный. Не так-то просто провести его здесь.

Стучат колеса. Летит состав. Зеленые сосны навстречу...

notes

Примечания

1

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., АПН, 1969, стр. 543.

Н. К. Попель. Танки повернули на запад. М., Воениздат, 1960, стр. 318—319.

З

«Комсомольская правда», 1942, № 193, 18 августа.